

Второй пол
Симона де Бовуар

Новый культурный код

Предлагаем читателям впервые на русском – полное, выверенное издание самого знаменитого произведения Симоны де Бовуар «Второй пол», важнейшей книги, написанной о Женщине за всю историю литературы! Сочетая кропотливый анализ, острый стиль письма и обширную эрудицию, Бовуар рассказывает о том, как менялось отношение к женщинам на протяжении всей истории, от древних времен до нашего времени, уделяя равное внимание биологическому, социологическому и антропологическому аспектам. «Второй пол» – это история угнетений, заблуждений и предрассудков, связанных с восприятием Женщины не только со стороны мужчины, но и со стороны самих представительниц «слабого пола». Теперь этот один из самых смелых и прославленных текстов XX века доступен русскоязычным читателям в полноценном, отредактированном виде.

Симона де Бовуар

Второй пол

Simone de Beauvoir

Le deuxième sexe

© Editions GALLIMARD, Paris, 1949

© Е. Орлова, перевод, 1997

© А. Сабашникова, перевод, 1997

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

Том I. Факты и мифы

Жаку Бо

Есть доброе начало, сотворившее порядок, свет и мужчину, и злое начало, сотворившее хаос, мрак и женщину.

Пифагор

Все, что написано мужчинами о женщинах, должно быть поставлено под сомнение, ибо мужчина – одновременно и судья, и сторона в процессе.

Пулен де ля Барр

Введение

Я долго колебалась, прежде чем написать книгу о женщине. Тема эта вызывает раздражение, особенно у женщин; и она не нова. В споре о феминизме пролито немало чернил, сейчас он уже почти прекратился – ну и довольно об этом говорить. Между тем разговоры идут до сих пор. И непохоже, чтобы многотомные глупости, выпущенные в свет за последнее столетие, сколько-нибудь прояснили проблему. Впрочем, есть ли вообще проблема? И в чем она заключается? А сами женщины есть? Конечно, у теории вечной женственности по-прежнему есть приверженцы, они шепчут: «Даже в России они все равно остаются женщинами»; но другие – а порой те же самые – весьма сведущие люди вздыхают: «Женщина теряет себя, женщины больше нет». Никто уже толком не знает, существуют ли еще женщины, будут ли они существовать всегда, надо к этому стремиться или нет, какое место они занимают в этом мире и какое должны были бы занимать. «Где женщины?» – вопрошал недавно один нерегулярный иллюстрированный журнал[1 – Он назывался «Франшиз»; сейчас он умер.]. Но прежде всего: что такое женщина? «Tota mulier in utero: это матка», – говорит один. Между тем про иных женщин знатоки заявляют: «Это не женщины», хотя у тех, как и у всех остальных, есть матка. Все согласны, что в роде человеческом есть самки; что сегодня, равно как и в прошлом, они составляют примерно половину человечества; и все-таки нам говорят, что «женственность в опасности»; нас заклинаят: «Будьте женщинами, оставайтесь женщинами, становитесь женщинами». Значит, не всякое человеческое существо женского пола – обязательно женщина; оно должно быть причастно к таинственной, угрожающе хрупкой реальности – женственности. Может, ее выделяют яичники? Или она закреплена где-то на платоновском небосводе? Довольно ли юбки с оборками, чтобы спустить ее на землю? Никакого ее образца не существует, хотя многие женщины изо всех сил стараются стать ее воплощением. Ее обычно описывают в соблазнительно-расплывчатых выражениях, словно заимствованных из словаря ясновидящих. Во времена святого Фомы Аквинского она виделась столь же четко очерченной сущностью, как снотворное действие мака. Но концептуализм утратил свои позиции: биологические и общественные науки больше не верят в извечные, неизменные сущности, обуславливающие те или иные характеры, будь то характер женщины, еврея или негра; они рассматривают характер как вторичную реакцию на определенную ситуацию. Сегодня женственности нет потому, что ее не было никогда. Значит ли это,

что слово «женщина» лишено всякого содержания? Эту мысль усиленно отстаивают сторонники философии Просвещения, рационализма, номинализма; для них женщины – просто человеческие существа, которых произвольно обозначают словом «женщины»; в частности, многие американки полагают, что женщины как таковой больше не существует; если какая-нибудь отсталая особа все еще считает себя женщиной, подруги советуют ей сходить к психоаналитику, чтобы избавиться от этой навязчивой идеи. Дороти Паркер писала в связи с одной книгой, довольно, впрочем, вызывающей, под названием «Modern Woman: a lost sex»[2 – «Современная женщина: утраченный пол» (англ.)]: «Я не могу непредвзято судить о книгах, в которых женщина рассматривается именно как женщина... Я убеждена, что всех нас, кем бы мы ни были, и мужчин и женщин, нужно считать просто людьми...» Однако номинализм – учение довольно ограниченное, и антифеминистам ничто не мешает доказывать, что женщины не являются мужчинами. Несомненно, женщина, как и мужчина, – человек, но это абстрактное утверждение; факт тот, что любой конкретный человек всегда занимает свое особое место. Отказаться от понятий вечной женственности, негритянской души, еврейского характера не значит отрицать, что на сегодняшний день существуют евреи, негры и женщины: для заинтересованных лиц это отрицание будет не освобождением, а уходом от существа дела. Ясно, что ни одна женщина не может, не кривя душой, утверждать, будто вырвалась за пределы своего пола. Несколько лет назад одна известная писательница не позволила поместить свой портрет среди фотографий женщин-литераторов: ей хотелось числиться в одном ряду с мужчинами, но, чтобы добиться этой привилегии, она использовала влияние мужа. Женщины, утверждающие, что они мужчины, все равно требуют от мужчин обходительности и почтения. Мне вспоминается одна молоденькая троцкистка, которая, стоя на трибуне в центре бурного митинга, замахнулась на кого-то кулаком, несмотря на весьма хрупкое телосложение; она отрицала свою женскую слабость, но отрицала из любви к одному активисту, с которым хотела быть на равных. Судорожные усилия американок вести себя вызывающе доказывают, что им не дает покоя чувство собственной женственности. В самом деле, достаточно пройти по улице с открытыми глазами, чтобы убедиться: человечество делится на две категории индивидов, явно отличающихся друг от друга одеждой, лицом, телом, улыбкой, походкой, интересами, занятиями; быть может, эти различия поверхностны, быть может, им суждено исчезнуть. Бесспорно одно: на данный момент они со всей очевидностью существуют.

Если для определения женщины недостаточно ее функции самки, если определять ее через понятие «вечной женственности» мы тоже отказываемся и если мы при этом признаем, что на земле, хотя бы временно, существуют женщины, то перед нами неизбежно встает вопрос: что же такое женщина?

Сама постановка вопроса немедленно подсказывает мне первый ответ. Значимо уже то, что я им задаюсь. Мужчине никогда не пришло бы в голову писать книгу об особом положении людей мужского пола в человечестве[3 – Отчет Кинси, например, ограничивается определением сексуальных характеристик мужчины-американца, а это совсем другое дело.]. Чтобы дать определение самой себе, мне прежде всего нужно заявить: «Я – женщина»; эта истина – фундамент, на котором будет основано любое другое утверждение. Мужчина никогда не начнет описывать себя с принадлежности к определенному полу: то, что он мужчина, разумеется само собой. Рубрики «мужской» – «женский» выглядят симметричными лишь с формальной точки зрения, в записях актов гражданского состояния и в удостоверениях личности. Два пола соотносятся

не так, как два электрических заряда или полюса: мужчина воплощает в себе как положительное, так и нейтральное начало, вплоть до того, что по-французски «les hommes» значит одновременно и «мужчины», и «люди»: частное значение латинского слова «vir» слилось с общим значением слова «homo». Женщина предстает отрицательным началом, причем любое свойство вменяется ей как ограничение, без обоюдности. Я иногда раздражалась, если мужчины в ходе отвлеченной дискуссии мне говорили: «Вы так считаете, потому что вы женщина», но я знала, что в свою защиту могу сказать только: «Я так считаю, потому что это правда», стирая тем самым собственную субъектность. О том, чтобы возразить: «А вы считаете иначе, потому что вы мужчина», не могло быть и речи, ведь подразумевается, что быть мужчиной – это не особенность; мужчина, будучи мужчиной, всегда в своем праве, а женщина не права. Подобно тому как у древних существовала абсолютная вертикаль, по отношению к которой определялась наклонная, существует абсолютный человеческий тип – тип мужской. У женщины есть яичники и матка: таковы особые условия, которые замыкают ее в ее субъектности; как говорится, она думает своими железами. Мужчина горделиво забывает, что в его анатомии тоже есть гормоны, тестикулы. Он воспринимает собственное тело как непосредственную, нормальную связь с миром, полагает, что постигает мир в его объективности, тогда как все особенности женского тела представляются ему бременем – препятствием, тюрьмой. «Самка является самкой в силу отсутствия определенных качеств, – писал Аристотель. – Характер женщины мы должны рассматривать как страдающий от природного изъяна». А святой Фома Аквинский вслед за ним утверждает, что женщина – это «неудавшийся мужчина», существо «случайное». Именно это символизирует история из Книги Бытия, где Ева предстает сделанной, по выражению Боссюэ, из «лишней кости» Адама. Человечество мужского рода, и мужчина определяет женщину не как таковую, а в соотношении с собой; ее не рассматривают как автономное существо. «Женщина существо относительное...» – пишет Мишле. А г-н Бенда в «Докладе Уриэля» утверждает: «Тело мужчины имеет смысл в самом себе, помимо тела женщины, тогда как последнее, судя по всему, вне связи с мужчиной смысла лишено... Мужчина осмысляет себя без женщины. Она не мыслит себя без мужчины». Она – лишь то, чем назначит ее мужчина; женщин, например, называют «le sexe», просто «пол», имея в виду, что мужчины видят в них прежде всего существа с половыми признаками: они являются полом для него, а значит, являются им абсолютно. Женщина определяет себя и свою особость относительно мужчины, а не мужчина относительно женщины; она – несуществующее в сравнении с сущностным. Он – Субъект, он – Абсолют; она – Другой[4 – Наиболее эксплицитно эта идея была выражена Э. Левинасом в его эссе «Время и Другой». Вот что он пишет: «Нет ли ситуации, в которой другое существо несло бы свою дружость как нечто положительное, как сущность? Какова дружость, не являющаяся членом обычного противопоставления двух видов одного и того же рода? По-моему, противоположное, которое противоположно абсолютно, противоположность чего остается совершенно не затронутой устанавливающимися, возможно, отношениями между ним и соотносимым членом пары, то есть противоположность, оставляющая встреченного тобою совершенно другим, – есть женское. Пол – это не какое-то видовое различие... Различие полов не есть и противоречие... Различие полов не есть и парность взаимодополнительного, ибо взаимодополнительное предполагает предсуществующее целое... Дружость завершается в женском. Это термин того же ранга, что и сознание, но противоположного смысла» (перевод А. В. Парибка. – Прим. ред.). Я полагаю, г-н Левинас не забыл, что женщина –

тоже сознание для себя. Но поразительно, как он намеренно принимает мужскую точку зрения, не упоминая об обоюдных отношениях субъекта и объекта. Когда он пишет, что женщина есть тайна, он подразумевает, что она – тайна для мужчины. Выходит, что это якобы объективное описание на самом деле утверждает мужское преимущество.]

Категория Другого изначальна, как само сознание. В самых примитивных обществах, в самых древних мифологиях всегда присутствует раздвоение на Того же и Другого; вначале это разделение не было связано с разделением полов, оно не зависит ни от каких эмпирических данных: такой вывод следует, среди прочих, из трудов Гране о китайской философии, работ Дюмезиля об Индии и Рима. Первоначально пары Варуна – Митра, Уран – Зевс, Солнце – Луна, День – Ночь не предполагают никакой женской стихии, равно как и оппозиция Добра и Зла, благотворных и пагубных начал, правого и левого, Бога и Люцифера; инаковость – одна из базовых категорий человеческого мышления. Ни одна человеческая общность не определяет себя как Одно, не противопоставив себе сразу же Другого. Достаточно трем случайным пассажирам сойтись в одном купе, чтобы все прочие пассажиры стали более или менее враждебными «другими». Для сельского жителя все, кто не из его деревни, – подозрительные «другие»; для уроженца той или иной страны обитатели остальных стран выглядят «чужаками»; евреи – «другие» для антисемита, негры – для американцев-расистов, туземцы – для колонистов, пролетарии – для имущих классов. В конце своего глубокого исследования о различных обозначениях в первобытных обществах Леви-Стросс делает вывод: «Переход от Природного состояния к состоянию Культурному определяется способностью человека осмысливать биологические связи в виде систем оппозиций; дуализм, чередование, противопоставление и симметрия, проявляющиеся либо в четко очерченных, либо в расплывчатых формах, суть не столько явления, нуждающиеся в объяснении, сколько основополагающие, непосредственно данные факты социальной реальности»[5 – См.: Леви-Стросс К. Элементарные структуры родства. Благодарю К. Леви-Стросса за то, что он любезно предоставил мне корректуру своей диссертации, на которую я, среди прочего, активно опиралась во второй части.]. Эти явления были бы непонятны, если бы человеческая реальность сводилась исключительно к «сбытию», *mitsein*, основанному на солидарности и дружбе. Напротив, они проясняются, если мы, вслед за Гегелем, обнаружим в основе самого сознания враждебность по отношению к любому иному сознанию; субъект полагает себя только через противоположение: он утверждает себя как сущностное и выстраивает другого как несущностное, как объект.

Вот только другое сознание обращает к нему обоюдные притязания: уроженец данной страны, отправившись путешествовать, потрясенно замечает, что в соседних странах есть местные уроженцы и они смотрят на него как на чужака; между деревнями, кланами, нациями, классами ведутся войны и потлачи, заключаются сделки и договоры – разные формы борьбы, благодаря которым понятие Другого перестает быть абсолютным и обнаруживает свою относительность; отдельным индивидам и группам волей-неволей приходится признать обоюдность своих отношений. Почему же эта обоюдность не была заложена между полами, почему один член оппозиции утвердился как единственно сущностный, отвергая всякую свою относительность применительно к корреляту и определяя его как чистую инаковость? Почему женщины не оспаривают главенства мужчин? Ни один субъект не полагает себя несущностным просто так и сразу; не Другой, определяя себя как Другого, определяет Одного, но Один, полагающий себя как Одного, полагает Другого.

Но чтобы перехода Другого в Одного не происходило, Другой должен покориться чужой точке зрения. Откуда в женщине эта покорность?

Существуют и иные примеры того, как на протяжении более или менее долгого времени одной категории удавалось сохранять абсолютное господство над другой. Часто подобное преимущество было обусловлено численным неравенством: большинство навязывает меньшинству свой закон или подвергает его гонениям. Но женщины, в отличие от негров в Америке или евреев, не являются меньшинством: женщин на земле столько же, сколько и мужчин. Часто бывает так, что две группы, о которых идет речь, были сперва независимыми: либо раньше не ведали друг о друге, либо каждая признавала автономию другой; а в результате какого-либо исторического события более слабый оказался в подчинении у более сильного: еврейская диаспора, введение рабства в Америке, колониальные захваты – все это факты, имеющие датировку. В таких случаях у угнетенных было некое прежде: они имеют общее прошлое, традицию, иногда религию, культуру. В этом смысле будет вполне обоснованным предложенное Бебелем сближение женщин с пролетариатом: пролетарии тоже не являются численным меньшинством и никогда не составляли отдельной общности. Однако их существование как класса объясняется пусть и не одним каким-то событием, но историческим развитием, которое и обуславливает отнесение этих индивидов к этому классу. Пролетарии были не всегда – а женщины всегда; они женщины по своему физиологическому строению; и от самого начала истории они всегда были подчинены мужчине: их зависимое положение – не следствие некоего события или развития, оно не случилось. Инаковость в данном случае выглядит абсолютот отчасти потому, что она лишена акцидентальности исторического факта. Ситуация, сложившаяся с течением времени, может через какое-то время исчезнуть: это убедительно доказали, например, негры Гаити; природный же удел, напротив, представляется неизменным. На самом деле природа незыблема не в большей мере, чем историческая реальность. И если женщина видит себя как несущностное, которое никогда не превращается в сущностное, то лишь потому, что она сама не производит этого превращения. Пролетарии говорят «мы». Негры тоже. Полагая себя как субъектов, они делают буржуазию и белых людей «другими». Женщины не говорят «мы» – разве что на каких-нибудь съездах, то есть в рамках абстрактных демонстраций; мужчины говорят «женщины», и женщины обозначают самих себя теми же словами; они не полагают себя как подлинного субъекта. Пролетарии совершили революцию в России, негры на Гаити, жители Индокитая борются на своем полуострове – а действия женщин всегда сводились к одной символической суете; они добились лишь того, что мужчины сообразовали им уступить; они ничего не взяли сами, только получили [6 – См. часть вторую, главу 5.]. Дело в том, что у них нет конкретных средств, чтобы объединиться в некое целое, которое полагало бы себя через противоположение. У них нет своего прошлого, своей истории, религии; у них нет трудовой солидарности и общих интересов, как у пролетариев; они лишены даже той пространственной скученности, какая спланирует в сообщество американских негров, евреев гетто, рабочих Сен-Дени или заводов «Рено». Они рассеяны среди мужчин и теснее связаны жильем, работой, экономическими интересами, общественным положением с определенными мужчинами – отцом или мужем, – чем с другими женщинами. Жены буржуа солидарны с буржуа, а не с женами пролетариев; белые женщины – с белыми мужчинами, а не с черными женщинами. Пролетариат может поставить себе целью истребить правящий класс; какой-нибудь фанатичный иудей или негр может мечтать завладеть секретом атомной бомбы, чтобы

оставить от человечества одних евреев или негров; но женщина даже во сне не может перебить всех мужчин. Связь между ней и ее угнетателями не сопоставима ни с какой другой. В самом деле, разделение полов есть биологический факт, а не момент в истории человечества. Их противоположность обозначилась в рамках изначального *mitsein* и не нарушила его. Пара – это основополагающая единица, половины которой прикованы друг к другу: расслоение общества по признаку пола невозможно. Именно в этом и состоит главная характеристика женщины: она – Другой внутри единого целого, оба члена которого необходимы друг другу.

По идее, подобная обоюдность могла бы облегчить ее освобождение; когда Геркулес прядет шерсть у ног Омфалы, он скован желанием – так почему же Омфале не удалось надолго захватить над ним власть? Медея, чтобы отомстить Ясону, убивает своих детей: эта дикая легенда наводит на мысль, что женщина через свою связь с ребенком могла бы приобрести устрашающее влияние. Аристофан в «Лисистрате» изобразил забавное собрание женщин, попытавшихся сообща использовать в общественных целях потребность, которую испытывают в них мужчины, – но это всего лишь комедия. Легенда гласит, что похищенные сабинянки упорно противились желаниям похитителей, но что мужчины волшебным образом одолели их сопротивление, отхлестав их кожаными ремнями. Биологическая потребность, ставящая самца в зависимость от самки – сексуальное желание и желание иметь потомство, – не дала женщине социального освобождения. Хозяин и раб тоже связаны обоюдной экономической потребностью, которая не дает свободы рабу. Ведь хозяин в отношении к рабу не полагает своей потребности в другом; он властен удовлетворять эту потребность и никак ее не опосредует; раб же, в силу своей зависимости, надежды или страха, напротив, интериоризирует потребность в хозяине; потребность, даже если она одинаково насущна для обоих, всегда играет на руку угнетателю против угнетенного – именно поэтому, к примеру, так медленно шло освобождение рабочего класса. А женщина всегда находилась если не в рабстве, то по крайней мере в вассальной зависимости от мужчины; мир никогда не принадлежал на равных обоим полам; и хотя сегодня положение женщины постепенно меняется, оно по-прежнему остается глубоко ущербным. Почти во всех странах закон не наделяет ее равным с мужчиной статусом, а зачастую и существенно поражает в правах. И даже когда ее права теоретически признаются, они в силу долгой привычки не получают конкретного воплощения в нравах. С экономической точки зрения мужчины и женщины – это почти две касты; при прочих равных условиях мужчины имеют более выгодное положение, более высокую зарплату, большие шансы на успех, чем их свежеиспеченные конкурентки; они занимают гораздо больше мест в промышленности, в политике и т. д., причем находятся на самых важных постах. Помимо конкретных полномочий, они облечены еще и авторитетом, который поддерживается всей традицией воспитания детей: настоящее включает в себя прошлое, а в прошлом историю творили исключительно мужчины. В момент, когда женщины начинают участвовать в освоении мира, этот мир еще по-прежнему принадлежит мужчинам; мужчины в этом не сомневаются, а женщины почти не сомневаются. Отказаться быть Другим, отказаться быть пособницей мужчины значило бы для них отречься от всех преимуществ союза с высшей кастой. Мужчина-сюзерен гарантирует женщине-леннику материальную защищенность и возьмет на себя оправдание ее существования: она избегает не только экономического риска, но и метафизического риска свободы, ставящей себе цели без посторонней помощи. В самом деле, в любом индивиде, наряду с притязанием утвердить себя как субъекта – притязанием

этическим, – живет и искушение избегать свободы и сделать себя вещью: это пагубный путь, ибо пассивный, отчужденный, потерянный индивид оказывается во власти чужих волей, отрезанным от своей трансцендентности, утратившим всякую ценность. Но это легкий путь: тем самым он избегает тревоги и напряжения подлинного существования. То есть мужчина, конституирующий женщину как Другого, встретит в ней глубокое понимание и соучастие. Итак, женщина не отстаивает себя как субъекта потому, что не имеет для этого конкретных средств, потому, что переживает необходимую связь с мужчиной, не полагая ее обоюдной, и потому, что нередко находит удовольствие в своей роли Другого.

Но сразу же встает вопрос: а как началась вся эта история? Понятно, что дуализм полов, как и всякий дуализм, выразился в некоем конфликте. Понятно, что если один из участников конфликта заставил признать свое превосходство, то это превосходство неизбежно закрепилось как абсолютное. Непонятно только, почему именно мужчина изначально взял верх. Женщины, по-видимому, тоже могли бы одержать победу; или борьба могла бы вестись вечно. Почему же этот мир всегда принадлежал мужчинам и только сегодня положение вещей начинает меняться? И во благо ли эта перемена? Приведет ли она к тому, что мужчины и женщины поделят мир поровну, или нет?

Вопросы эти отнюдь не новы; на них уже дано немалое число ответов; но именно тот факт, что женщина – это Другой, опровергает все оправдания, когда-либо предложенные по этому поводу мужчинами: они слишком явно продиктованы их корыстным интересом. «Все, что написано мужчинами о женщинах, должно быть поставлено под сомнение, ибо мужчина – одновременно и судья, и сторона в процессе», – сказал в XVII веке Пулен де ля Барр, малоизвестный феминист. Везде и во все времена мужчины во всеуслышание объявляли о том, как они довольны чувствовать себя венцами творения. «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, не сотворивший меня женщиной», – говорят иудеи на утренней молитве, тогда как их супруги смиренно шепчут: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, создавший меня по воле Своей». Среди благодеяний, за которые Платон благодарил богов, первым было то, что они создали его свободным, а не рабом, вторым – что он мужчина, а не женщина. Но мужчины не могли бы в полной мере пользоваться этой привилегией, если бы не считали ее основанной в абсолютном и вечном: свое превосходство они попытались перенести в право. «Поскольку составителями законов и сводов законов были мужчины, они обернули их к пользе своего пола, а юристы превратили законы в принципы», – пишет тот же Пулен де ля Барр. Законодатели, священники, философы, писатели, ученые наперебой доказывали, что подчиненное положение женщины угодно Небесам и полезно на земле. Выдуманные мужчинами религии отражают эту волю к господству: их оружием стали легенды о Еве, о Пандоре. Как явствует из приведенных нами цитат Аристотеля и Фомы Аквинского, они поставили себе на службу философию и теологию. Со времен Античности сатирики и моралисты с удовольствием живописали женские слабости. Известно, какие страстные обвинения выдвигались против них во французской литературе на протяжении всей ее истории: Монтерлан продолжает традицию Жана де Мёна, хоть и с меньшим воодушевлением. Порой эта враждебность выглядит обоснованной, часто беспричинной; на самом деле за ней кроется более или менее ловко замаскированное стремление оправдать себя. «Гораздо легче обвинить один пол, нежели извинить другой», – сказал Монтень. В некоторых случаях процесс самооправдания очевиден. Поразительно, к примеру, как римское право, ограничивая права женщины,

ссылается на «глупость и легкомыслие женского пола» именно тогда, когда в результате ослабления семьи женщина начинает представлять опасность для наследников мужского пола. Поразительно, как в XVI веке, чтобы удержать замужнюю женщину под опекой, ссылались на авторитет святого Августина, говорившего, что «женщина – тварь хилая и ненадежная», тогда как за незамужней признавалось право распоряжаться своим имуществом. Монтень прекрасно понимал произвол и несправедливость назначенного женщинам удела: «Женщины нисколько не виноваты в том, что порою отказываются подчиняться правилам поведения, установленным для них обществом, – ведь эти правила сочинили мужчины, и притом без всякого участия женщин. Вот почему у них с нами естественны и неминуемы раздоры и распри», но до того, чтобы стать их защитником, он не доходит. Только в XVIII веке люди глубоких демократических убеждений рассматривают этот вопрос объективно. Среди прочих Дидро неустанно стремится доказать, что женщина – такой же человек, как и мужчина. Чуть позже ее пылко защищает Стюарт Милль. Но эти философы исключительно беспристрастны. В XIX веке спор о феминизме снова становится спором сторонников и противников; одним из следствий промышленной революции стало участие женщины в производительном труде: с этого момента феминистские требования выходят из области теории и обретают экономические основания; это еще сильнее ожесточает их противников; хотя господство земельной собственности уже пошатнулось, буржуазия цепляется за старую мораль, согласно которой прочная семья служит гарантией частной собственности: чем реальнее становится угроза женской эмансипации, тем настойчивее женщину отправляют к домашнему очагу; даже внутри рабочего класса мужчины пытались затормозить освобождение женщин, потому что видели в них опасных конкуренток, тем более что те привыкли работать за низкую зарплату. Доказывая неполноценность женщины, антифеминисты пустили в ход уже не только религию, философию и теологию, как прежде, но и науку – биологию, экспериментальную психологию и т. д. За другим полом соглашались признать разве что «равенство в различии». Эта популярная формула весьма показательна: именно ее используют по отношению к американским неграм в системе джимкроуизма; но подобная, так сказать эгалитарная, сегрегация повлекла за собой только предельные формы дискриминации. Совпадение вовсе не случайное: механизм самооправдания по отношению к низшей расе, касте, классу или полу всегда один и тот же. «Вечная женственность» – эквивалент «негритянской души» и «еврейского характера». Правда, еврейская проблема в целом сильно отличается от двух других: еврей для антисемита не столько низестоящий, сколько враг, и в этом мире за ним не признается вообще никакого места; скорее его хотят уничтожить. Но между положением женщин и положением негров есть глубокие аналогии: и те и другие сегодня освобождаются от одного и того же патернализма, а прежняя правящая каста хочет поставить их обратно «на свое место», то есть на то место, какое она им отвела; в обоих случаях она рассыпается в более или менее искренних похвалах добродетелям «хорошего негра» с его неразумной, детской, веселой душой – смиренного негра – и «настоящей женщины», то есть женщины легкомысленной, инфантильной, безответственной – покорной мужчине. В обоих случаях аргументы она черпает в созданном ею же положении вещей. Известна шутка Бернарда Шоу: «Белый американец, по сути, вынуждает негра чистить сапоги, а потом делает из этого вывод, что тот ни на что не годится, кроме как чистить сапоги». Тот же порочный круг мы обнаруживаем во всех аналогичных обстоятельствах: когда индивида (или группу индивидов) держат за низшего, значит он и есть низший; но нужно условиться о значении глагола быть; подмена в том, что ему придают

субстанциальное значение, тогда как он имеет гегелевский динамический смысл: быть – это стать, это быть сделанным таким, каким мы являем себя; да, сегодня женщины в целом суть низшие существа по сравнению с мужчинами, то есть их положение открывает перед ними меньше возможностей; вопрос в том, суждено ли такому положению вещей длиться вечно.

Многие мужчины желают этого: не все еще сложили оружие. Консервативная буржуазия по-прежнему видит в эмансипации женщин угрозу своей морали и интересам. Некоторые представители мужского пола опасаются женской конкуренции. На днях один студент заявил в еженедельнике «Эбдо-Латэн»: «Любая студентка, получившая диплом врача или адвоката, крадет у нас место»; свои права на этот мир он сомнению не подвергал. Дело не только в экономических интересах. Угнетение еще и потому выгодно угнетателям, что самый ничтожный из них ощущает свое превосходство: «белый бедняк» с юга США утешается тем, что он не «грязный негр»; и более состоятельные белые люди ловко пользуются этой его спесью. Точно так же самый заурядный мужчина по сравнению с женщиной чувствует себя полубогом. Г-ну де Монтерлану было куда легче считать себя героем в противостоянии с женщинами (к тому же специально подобранными), чем когда ему пришлось вытягивать роль мужчины среди мужчин – роль, с которой многие женщины справились лучше его. Именно поэтому г-н Клод Мориак, как известно, восхитительно оригинальный мыслитель, мог[7 – Или, по крайней мере, счел, что может.] написать о женщинах в одной из своих статей в «Фигаро литерер» за сентябрь 1948 года: «Мы слушаем самую блестящую из них... с выражением (sic!) вежливого безразличия, прекрасно зная, что ее ум более или менее ярко отражает наши идеи». Разумеется, собеседница г-на К. Мориака отражает не его личные идеи, поскольку за ним таковых не водится; что она отражает мужские идеи, вполне возможно: среди самих мужчин немало тех, кто считает чужие мнения своими; спрашивается, не лучше ли было бы для г-на К. Мориака побеседовать с хорошим отражением Декарта, Маркса, Жида, нежели с самим собой; но примечательно то, что благодаря двусмысленному «мы» он отождествляет себя с апостолом Павлом, Гегелем, Лениным, Ницше и с высоты их величия презрительно взирает на стадо женщин, дерзнувших говорить с ним на равных; честно говоря, я знаю немало женщин, у которых не хватило бы терпения слушать г-на Мориака с «вежливым безразличием».

Я остановилась на этом примере, потому что мужское простодушие проявляется здесь в обезоруживающей простоте. Есть много других, более тонких способов, которыми мужчины извлекают пользу из инаковости женщин. Для всех страдающих комплексом неполноценности это просто чудотворный бальзам: никто не относится к женщинам более надменно, агрессивно или презрительно, чем мужчина, не уверенный в своей мужественности. Те, кто не робеет себе подобных, куда охотнее признают женщину подобной себе; но даже им миф о Женщине как о Другом дорог по многим причинам[8 – Показательна статья Мишеля Карружа на эту тему, вышедшая в 292-м номере «Кайе дю Сюд». Он с возмущением пишет: «Мы хотим, чтобы не было никаких мифов о женщине, а была одна лишь когорта кухарок, матрон, девиц легкого поведения, синих чулков, выполняющих функцию удовольствия или пользы!» То есть, по его мнению, у женщины нет существования-для-себя; он рассматривает лишь ее функцию в мужском мире. Ее финальность – в мужчине; тогда, конечно, можно предпочесть ее поэтическую «функцию» любой другой. Вопрос как раз в том, почему ее надо определять относительно мужчины.]; не стоит осуждать их за то, что они не жертвуют с легким сердцем всеми

извлекаемыми из него благами: они знают, что теряют, отказываясь от женщины своих мечтаний, и не знают, что принесет им женщина такой, какой она станет завтра. Нужно немалое самоотречение, чтобы отказаться полагать себя в качестве единственного и абсолютного субъекта. Впрочем, подавляющее большинство мужчин не формулируют открыто эти притязания. Они не полагают женщину как низшее существо – сейчас они слишком прониклись демократическими идеалами, чтобы не признавать всех людей равными. В лоне семьи женщина предстает мальчику, юноше столь же уважаемым членом общества, что и взрослые мужчины; позже он познает в желании и любви сопротивление, независимость желанной и любимой женщины; женившись, он уважает в жене супругу, мать, и в рамках конкретного опыта супружеской жизни она утверждает себя рядом с ним как свободного человека. Значит, он может убедить себя в том, что социальной иерархии полов больше нет и что в целом женщина, при всех различиях, равна ему. Поскольку он все же находит в ней некоторые слабости, главная из которых – отсутствие профессии, он относит их на счет природы. Пока он относится к женщине доброжелательно, как к партнеру, он мыслит в регистре абстрактного равенства; отмечая конкретное неравенство, он не полагает его. Но как только он вступает с ней в конфликт, ситуация становится обратной: он будет мыслить в регистре конкретного неравенства и на этом основании даже позволит себе отрицать абстрактное равенство[9 – Например, мужчина заявляет, что его жену нисколько не умаляет отсутствие специальности: домашнее хозяйство – не менее благородное занятие, и т. д. Но при первой же ссоре восклицает: «Без меня ты не смогла бы заработать себе на жизнь»]. То есть многие мужчины почти чистосердечно утверждают, что женщины суть равные мужчине и требовать им нечего, и одновременно – что женщины никогда не будут равными мужчине и их требования напрасны. Дело в том, что мужчине трудно оценить крайнюю важность социальных дискриминаций, которые извне кажутся пустяками, но моральные и интеллектуальные последствия которых укоренились в женщине столь глубоко, что могут показаться вытекающими из ее изначальной природы[10 – Описанию именно этого процесса будет посвящен второй том нашей работы.]. Как бы мужчина ни симпатизировал женщине, он никогда до конца не понимает ее конкретной ситуации. Так что не стоит верить мужчинам, когда они пытаются отстаивать привилегии, даже не осознавая их масштаба. Мы не дадим себя запугать множеством ожесточенных нападков на женский пол; не клонем на корыстные славословия в адрес «настоящей женщины»; не разделим восторгов мужчин по поводу ее удела, который они ни за что на свете не согласились бы разделить.

Однако аргументы феминисток тоже заслуживают не большего доверия: полемическая направленность нередко полностью их обесценивает. «Женский вопрос» оттого оказался столь беспредметным, что мужское высокомерие превратило его в перебранку, а когда люди бранятся, им уже не до строгих рассуждений. Все без устали старались доказать, что женщина выше, ниже или равна мужчине; она сотворена после Адама, ясно, что она – существо вторичное, говорили одни; наоборот, говорили другие, Адам был лишь черновиком, человек удался Богу в совершенстве, лишь когда Он создал Еву; ее мозг меньше – но относительно он больше; Христос воплотился в мужчине – может, это из смирения. Каждый аргумент немедленно вызывает к жизни контраргумент, и зачастую оба ложны. Чтобы во всем этом разобраться, нужно вырваться из проторенной колеи, отказаться от расплывчатых понятий высшего, низшего, равного, извративших смысл всех дискуссий, и все начать сначала.

Но как в таком случае поставить вопрос? И прежде всего, кто мы такие, чтобы его ставить? Мужчины – судьи и одна из сторон в процессе, женщины тоже. Где найти ангела? По правде говоря, ангел здесь вряд ли бы подошел, он ничего не смыслит в этом вопросе; что касается гермафродита, то это совсем особый случай: он не мужчина и женщина одновременно, а скорее ни мужчина, ни женщина. Думаю, для прояснения положения женщины лучше всего подходят некоторые женщины. Утверждать, что Эпименид сводится к понятию «критянин», а «критянин» – к понятию «лжец», – софизм; добросовестность или самообман мужчин и женщин продиктованы не какой-то таинственной сущностью: к поиску истины их в большей или меньшей степени располагает их положение. Многие современные женщины, по счастью, восстановленные во всех человеческих правах, могут позволить себе роскошь быть беспристрастными; мы даже чувствуем в этом потребность. Мы не похожи на тех, кто боролся раньше нас; в общем и целом мы победили; в ходе последних дискуссий о статусе женщины ООН неустанно и властно требовала окончательного и полного равенства полов, и многим из нас уже никогда не приходилось переживать свою принадлежность к женскому полу как неудобство или препятствие; многие проблемы кажутся нам более существенными, чем те, что касаются только нас, и сама эта отстраненность позволяет надеяться, что наша оценка будет объективной. Тем не менее мы теснее, чем мужчины, знакомы с женским миром, потому что укоренены в нем; мы более непосредственно понимаем, что значит для человека быть женщиной, и больше стремимся знать это. Я сказала, что есть более существенные проблемы, но это все равно сохранять некоторую значимость в наших глазах: как принадлежность к женскому полу повлияла на нашу жизнь? Какие именно шансы нам даны, а в каких отказано? Какой удел уготован нашим младшим сестрам и в какую сторону их следует направлять? Бросается в глаза, что вся нынешняя женская литература проникнута не столько жадой чего-то требовать, сколько стремлением внести ясность; эта книга, появившаяся на исходе целой эпохи беспорядочных споров, представляет собой еще одну попытку разобраться в ситуации.

Но наверное, ни одну человеческую проблему нельзя рассматривать совершенно непредвзято: сама постановка вопросов, принятый нами угол зрения предполагают иерархию интересов; любое качество включает в себе некие ценности; нет пресловутого объективного описания, которое бы не предполагало этического фона. Вместо того чтобы пытаться скрыть более или менее эксплицитно подразумеваемые принципы, лучше для начала их сформулировать; тогда не придется на каждой странице уточнять, какой смысл мы вкладываем в слова «высший», «низший», «лучший», «худший», «прогресс», «регресс» и т. д. Если взглянуть на некоторые труды, посвященные женщине, мы увидим, что чаще всего вопрос рассматривается с точки зрения общественного блага и общего интереса; на самом деле каждый понимает под этим интерес того общества, какое ему хотелось бы сохранить или создать. Мы, со своей стороны, считаем, что нет иного общественного блага, кроме обеспечения частного блага граждан; любые институты мы оцениваем с точки зрения конкретных возможностей, которые они дают индивидам. Однако мы не смешиваем понятие частного интереса с понятием счастья: такая точка зрения также встречается нередко; разве женщины из гарема не счастливее избирательницы? Разве домохозяйка не счастливее работницы? Значение слова «счастье» не вполне понятно, и тем более непонятно, какие истинные ценности оно в себе включает; измерить чужое счастье нет никакой возможности, и легче всего объявить счастливым

положение, которое хочешь навязать другому: в частности, обрекая кого-то на застой, его объявляют счастливым под тем предлогом, что счастье – это неподвижность. Следовательно, к этому понятию мы прибегать не будем. Мы стоим на точке зрения экзистенциалистской морали. Любой субъект конкретно полагает себя как трансценденцию через проекты; он осуществляет свою свободу лишь в постоянном преодолении своих границ, на пути к другим свободам; единственное оправдание его существования в настоящем – устремленность в бесконечно открытое будущее. Каждый раз, когда трансценденция впадает обратно в имманентность, существование деградирует, превращаясь в «существование в себе», а свобода – в фактичность; если это падение происходит с согласия субъекта, оно становится моральной виной; если оно ему навязано, то принимает форму фрустрации или угнетения; в обоих случаях оно есть абсолютное зло. Всякий индивид, стремящийся обосновать свое существование, переживает его как бесконечную потребность в трансценденции. При этом определяющая особенность положения женщины состоит в том, что, являясь, как и всякий человек, автономной свободой, она познает и выбирает себя в мире, где мужчины заставляют ее принять себя как Другого: ее намеренно замыкают в рамках объекта, обрекают на имманентность, ибо ее трансценденция будет постоянно преодолеваться другим, сущностным и верховным сознанием. Драма женщины – в конфликте между основополагающим притязанием всякого субъекта, всегда полагающего себя как сущностное, и требованиями такой ситуации, когда ей отводят роль несущностного. Как может осуществить себя человек в положении женщины? Какие пути для него открыты? Какие ведут в тупик? Как обрести независимость в зависимости? Какие обстоятельства ограничивают свободу женщины и может ли она их преодолеть? Таковы основные вопросы, которые нам хотелось бы прояснить. Иными словами, нас интересуют возможности индивида, но мы будем определять их не с точки зрения счастья, а с точки зрения свободы.

Очевидно, что эта проблема была бы бессмысленна, если предполагать, что над женщиной тяготеет удел – физиологический, психологический или экономический. Поэтому вначале мы обсудим те подходы к женщине, какие выдвинуты биологией, психоанализом и историческим материализмом. Затем мы попытаемся показать, как на самом деле сложилась «женская реальность», почему женщина была определена как Другой и каковы были последствия этого с точки зрения мужчин. И тогда уже опишем с точки зрения женщин мир – таким, каким он им предложен[11 – Это станет предметом второго тома.]; и мы сможем понять, с какими трудностями они сталкиваются, когда, пытаясь вырваться из отведенной им доселе сферы, претендуют на участие в человеческом *mitsein*.

Часть первая. Удел

Глава I. Данные биологии

Женщина? Это же так просто, говорят любители простых решений, – матка и яичники; она самка: вот и все определение. В устах мужчины слово «самка» звучит как оскорбление; при этом собственного животного начала он не стыдится, наоборот, горд, если про него скажут: «Каков самец!» Термин «самка» уничижителен не потому, что укореняет женщину в природе, а потому, что ограничивает ее полем; и если этот пол кажется мужчине презренным и враждебным даже у ни в чем не повинных животных, то причина тому, безусловно, тревожная неприязнь, которую внушает ему женщина; но он хочет найти в биологии оправдание для этого чувства. При слове «самка» в нем всплывает целый калейдоскоп образов: громадная круглая яйцеклетка хватает и кастрирует проворный сперматозоид; чудовищно раскормленная царица термитов повелевает покорными самцами; самка богомола и паучиха, пресытившись любовью, пожирают партнера; течная сука рыщет по закоулкам, оставляя за собой шлейф непотребных запахов; обезьяна бесстыдно выставляет себя напоказ и прячется, как лицемерная кокетка; самые великолепные хищницы – тигрица, львица, пантера – раболепно стелются в царственных объятиях самца. Мужчина проецирует на женщину – инертную, нетерпеливую, хитрую, глупую, бесчувственную, похотливую, свирепую, униженную – всех самок разом. И она на самом деле самка. Но если мы перестанем мыслить шаблонами, перед нами сразу же встанут два вопроса: что представляет собой самка в животном мире и какой особый вид самки воплощается в женщине?

* * *

Самцы и самки – два типа особей внутри одного вида, обладающие различиями в целях размножения; их можно определить лишь коррелятивно. Но прежде следует отметить, что сам смысл деления видов на два пола неясен.

В природе это деление не является универсальным. Известно (если говорить только о животных), что у одноклеточных – инфузорий, амёб, бактерий и пр. – сам принцип размножения никак не связан с полом, клетки делятся сами по себе. У некоторых многоклеточных размножение происходит посредством деления, то есть дробления особи, рожденной неполовым путем, или бластогенеза, то есть дробления особи, рожденной половым путем; всем известные примеры тому – феномены почкования и фрагментации, наблюдаемые у пресноводной гидры, кишечнорастворимых, губок, червей, оболочников. При явлениях партеногенеза неоплодотворенное яйцо развивается в зародыш без вмешательства самца, последний или вообще не участвует в процессе, или играет второстепенную роль: неоплодотворенные пчелиные яйца делятся, и из них выводятся трутни; у тли самцы отсутствуют на протяжении нескольких поколений, а из неоплодотворенных яиц выводятся самки. Были опыты искусственного воспроизведения партеногенеза у морских ежей, морских звезд, лягушек. Однако иногда у простейших две клетки сливаются, образуя так называемую зиготу; оплодотворение необходимо, чтобы из пчелиных яиц вывелись самки, а из яиц тли – самцы. Некоторые биологи делали из этого вывод, что даже у видов, способных к однополости размножению, обновление зародышевой плазмы через примесь чужих хромосом полезно для освежения и жизнеспособности потомства; тем самым становится понятно, что для более сложных форм жизни пол будет функцией необходимой; что только простейшие организмы могут размножаться неполовым путем, к тому же истощая свою жизнеспособность. Но сегодня эта гипотеза признана чистой выдумкой: наблюдения показали, что неполовое размножение может продолжаться

бесконечно долго и никакого вырождения при этом не отмечается. Этот факт особенно нагляден у бактерий; опыты по партеногенезу ставились все чаще, все более смело, и оказалось, что у многих видов самец совершенно бесполезен. Впрочем, даже если бы польза межклеточного обмена была доказана, сама по себе она бы выглядела фактом, ничем не оправданным. Биология констатирует деление на два пола, но, будь она даже проникнута финализмом, ей бы не удалось вывести это деление ни из строения клетки, ни из законов ее деления, ни из какого-либо иного простейшего явления.

Существования гетерогенных гамет[12 – Гаметами называются зрелые половые клетки, из слияния которых получается яйцеклетка.] недостаточно для определения двух особых полов; на самом деле дифференциация генеративных клеток далеко не всегда влечет за собой членение вида на два типа особей: обе разновидности клеток могут принадлежать одной особи. Так обстоит дело у гермафродитных видов, весьма частых среди растений и встречающихся у некоторых низших животных, в частности у кольчатых червей и моллюсков. Размножение в таком случае происходит или через самооплодотворение, или через перекрестное оплодотворение. Некоторые биологи пытались узаконить сложившийся порядок, опираясь и на этот факт. Они рассматривали гонохоризм, то есть систему, в которой разные гонады[13 – Гонадами называются железы, производящие гаметы.] принадлежат разным особям, как улучшенный гермафродитизм, возникший эволюционным путем; однако другие, напротив, считали, что гонохоризм первичен, а гермафродитизм – результат вырождения. Так или иначе, эти представления о превосходстве одной системы над другой предполагают с точки зрения эволюции более чем спорные теории. Единственное, что можно утверждать с уверенностью, – это что оба способа размножения сосуществуют в природе, что оба они обеспечивают непрерывное продолжение видов и что гетерогенность организмов – носителей гамет, как и гетерогенность самих гамет, представляет собой случайность. Следовательно, разделение особей на самцов и самок есть ни к чему не сводимый и беспричинный факт.

Большинство философских учений приняли его как данность, не пытаясь объяснить. Все знают платоновский миф: вначале были мужчины, женщины и андрогины; каждый индивид имел два лица, четыре руки, четыре ноги и два сросшихся тела; однажды они были разрезаны пополам, «как разрезают яйцо волоском», и с тех пор каждая половина стремится воссоединиться со своей второй половиной: кроме того, боги решили, что от совокупления двух несхожих половин появятся новые люди. Но эта история ставит себе целью объяснить только любовь: разделение полов изначально принимается как данность. Не дает ему обоснования и Аристотель, ибо, хотя любое действие требует взаимодействия материи и формы, активное и пассивное начало необязательно должны распределяться по двум гетерогенным категориям индивидов. Так что святой Фома Аквинский объявляет женщину существом «случайным», то есть по-своему полагает – с мужской точки зрения – акцидентный характер половой принадлежности. Однако Гегель изменил бы своему исступленному рационализму, если бы не попытался логически ее обосновать. Для него пол представляет собой опосредствование, через которое субъект в своей единичности достигает себя как род. «Род в нем как напряжение, вызванное несоразмерностью его единичной действительности, становится стремлением достигнуть сочувствия в другом представителе того же рода, восполниться через соединение с ним и через это опосредствование сомкнуть род с собой и дать ему существование – это есть процесс совокупления» («Философия природы», раздел III, § 368). И

немного ниже: «Процесс состоит в том, что, будучи в себе единым родом, одной и той же субъективной жизненностью, они и полагают это единство как таковое». И затем Гегель объявляет, что процесс соединения полов требует их предварительной дифференциации. Но его рассуждение неубедительно: в нем слишком чувствуется предвзятость, стремление выявить в любой операции все три члена силлогизма. Преодоление особью себя к роду, через которое особь и род осуществляются в своей истине, могло бы совершаться и без третьего члена, в простом отношении родителя и детеныша: размножение могло бы быть неполовым. Либо же отношение двух особей могло бы быть отношением двоих подобных, а дифференциация – заключаться в особенности представителей одного и того же типа, как это бывает в гермафродитных видах. Описание Гегеля выявляет одно очень важное значение половой принадлежности – но, как всегда, его ошибка в том, что значение он превращает в причину. Мужчины определяют пол и отношения полов в ходе половой активности, подобно тому как они придают смысл и ценность всех исполняемых ими функций, но половая активность не есть обязательная принадлежность человеческой природы. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» отмечает, что человеческое существование заставляет нас пересмотреть понятия необходимости и случайности. «У существования, – пишет он, – нет случайных атрибутов, нет содержания, которое не способствовало бы проявлению его формы, оно не допускает само по себе чистого факта, так как является движением, которое берет факты на себя». Это верно. Но верно и то, что в отсутствие некоторых условий сам факт существования представляется невозможным. Присутствие в мире обязательно предполагает определенную позицию тела, которое есть одновременно вещь в мире и точка зрения на мир, однако это тело не обязательно должно обладать тем или иным особым строением. Сартр в «Бытии и ничто» оспаривает утверждение Хайдеггера, согласно которому человеческая реальность обречена на смерть в силу самой своей конечности; он доказывает, что можно помыслить существование конечное и неограниченное во времени; тем не менее, если бы человеческая жизнь не была проникнута смертью, отношения человека с миром и с самим собой претерпели бы глубочайшие изменения – настолько, что определение «человек смертен» оказывается не просто эмпирической истиной, а чем-то совсем иным; некто, обладающий существованием и бессмертный, не был бы тем, кого мы именуем человеком. Одна из главных характеристик его удела заключается в том, что ход его жизни во времени создает позади и впереди него бесконечное прошлое и будущее, следовательно продолжение рода оказывается коррелятом его индивидуальной ограниченности; тем самым явление размножения можно считать онтологически обоснованным. Но не более; продолжение рода не влечет за собой половой дифференциации. Да, она принята всеми существующими настолько, что включается ими в определение конкретного существования. Тем не менее сознание без тела или бессмертный человек воистину немыслимы, в то время как общество, размножающееся путем партеногенеза или состоящее из гермафродитов, вполне можно себе вообразить.

Что касается распределения ролей между полами, то мнения на сей счет много раз менялись; вначале они были лишены всякой научной основы и отражали лишь социальные мифы. Долгое время считалось, и до сих пор считается в некоторых первобытных обществах с родством по материнской линии, что отец не принимает никакого участия в зачатии ребенка: в материнское чрево проникают в форме живых зародышей прародительские личинки. С наступлением патриархата мужчина начинает жестко отстаивать

право на свое потомство; некоторая роль матери в деторождении по необходимости признается, но все согласны в том, что ее функции сводятся к вынашиванию и откорму живого семени: творцом является только отец. В представлении Аристотеля зародыш возникает из слияния спермы и менструаций: в этом симбиозе женщина поставляет только пассивную материю, а мужское начало несет силу, активность, движение, жизнь. Таково же учение Гиппократов, который выделяет два вида семени – слабое, или женское, и сильное, мужское. Аристотелевская теория просуществовала все Средние века, вплоть до Нового времени. В конце XVII века Гарвей нашел в роге матки оленух, заколотых вскоре после совокупления, везикулы, которые принял за яйца и которые на самом деле были эмбрионами. Датчанин Стенон назвал женские детородные железы, которые до тех пор именовались «женскими семенниками», яичниками и обнаружил на их поверхности пузырьки, которые Грааф в 1677 году ошибочно отождествил с яйцом и которые носят его имя. Яичники по-прежнему считали аналогом мужской железы. Однако в том же году были открыты «сперматические анималькулы», и выяснилось, что они проникают в женскую матку; полагали, правда, что они там лишь питаются и что в них уже заложен человек; в 1694 году голландец Гартсекер рисовал гомункула, спрятанного в сперматозоиде, а в 1699-м другой ученый заявил, что видел, как сперматозоид сбросил нечто вроде оболочки, под которой оказался человечек, и тоже его зарисовал. Таким образом, согласно всем этим гипотезам, женщина всего лишь питала активное и уже полностью сложившееся живое начало. Теории эти были приняты не всеми, и споры продолжались до XIX века; изучение животного яйца стало возможным с изобретением микроскопа; в 1827 году Бэр идентифицировал яйцеклетку млекопитающих: это элемент, содержащийся внутри граафова пузырька; вскоре было изучено его дробление; в 1835 году были открыты «саркорм», то есть протоплазма, а затем клетка; а в 1877 году впервые можно было наблюдать, как сперматозоид проникает в яйцо морской звезды; с тех пор было установлено сходство ядер обеих гамет; процесс их слияния впервые подробно проанализировал один бельгийский зоолог в 1883 году.

Тем не менее идеи Аристотеля не утратили полностью своего значения. Гегель полагает, что два пола должны быть различны: один будет активным, другой пассивным, и пассивность, разумеется, достается на долю самки. «Благодаря этой различности мужчина является действенным, а женщина есть воспринимающее, ибо она остается в своем неразвернутом единстве» [14 – Гегель Г. В. Ф. Философия природы. Раздел III, § 368.]. И даже после того, как яйцеклетку признали активным началом, мужчины все равно пытались противопоставить ее инертность подвижности сперматозоида. Сегодня намечается обратная тенденция: благодаря открытиям в области партеногенеза ученые сводят роль самца к простому физико-химическому агенту. Оказалось, что у некоторых видов дробление яйца и развитие зародыша могут начаться под действием кислоты или механического раздражителя; на этом основании была выдвинута смелая гипотеза, что мужская гамета не является необходимой для зачатия и служит самое большее катализатором; возможно, однажды участие мужчины в зачатии окажется ненужным, – похоже, об этом мечтают многие женщины. Но ничто не дает права столь смело опережать события, ибо ничто не дает нам права придавать специфическим жизненным процессам универсальный характер. Явления бесполого размножения и партеногенеза являются не более и не менее базовыми, нежели размножение половым путем. Мы сказали, что у последнего нет никаких априорных преимуществ, но ничто не указывает на то, что его можно свести к более простому механизму.

Итак, отвергнув всякое априорное учение, всякую бездоказательную теорию, мы оказываемся перед фактом, под который нельзя подвести ни онтологического обоснования, ни эмпирического оправдания и чья важность априори непонятна. Лишь рассматривая этот факт в его конкретной реальности, мы можем надеяться определить его значение – и тогда, быть может, прояснится и смысл слова «самка».

Мы не имеем в виду выстраивать здесь некую философию жизни и не хотим поспешно принимать чью-либо сторону в споре между финализмом и механицизмом. Примечательно, однако, что все физиологи и биологи прибегают к более или менее финалистскому языку уже потому, что они наделяют смыслом жизненные явления; мы будем пользоваться их лексикой. Не претендуя на какое-либо решение вопроса о соотношении жизни и сознания, можно утверждать, что все живое указывает на трансценденцию, что в любой функции вызывает проект; ничего большего наши описания не подразумевают.

* * *

У подавляющего большинства видов женские и мужские организмы взаимодействуют в репродуктивных целях. В основе своей они обусловлены теми гамететами, которые они вырабатывают. У некоторых водорослей и грибов клетки, от слияния которых получается яйцо, идентичны; эти случаи изогамии значимы в том смысле, что демонстрируют базовую равноценность гамет; обычно они дифференцированы, но их подобие бросается в глаза. Сперматозоиды и яйцеклетки развиваются из первоначально тождественных клеток: образование ооцитов из первичных женских клеток отличается от образования сперматоцитов на уровне протоплазмы, но процессы, происходящие в ядре, практически одинаковы. Мысль, высказанная в 1903 году биологом Анселем, считается верной до сих пор: «Недифференцированная половая клетка-предшественник станет мужской или женской в зависимости от условий, в которые она попадает в половой железе в момент своего возникновения; эти условия обусловлены превращением некоторого числа клеток эпителия в питательные элементы, вырабатывающие особое вещество». Изначальное родство обеих гамет выражается в их структуре: внутри каждого вида они имеют одинаковое число хромосом; в момент оплодотворения субстанции обоих ядер сливаются и число хромосом в каждом из них сокращается в половину от первоначального, причем сокращение в обоих случаях происходит аналогичным образом; два последних деления яйцеклетки, в результате которых образуются полярные тельца, соответствуют последним делениям сперматозоида. Сегодня считается, что в зависимости от вида пол определяет либо мужская, либо женская гамета; у млекопитающих носителем отличной от других хромосомы, обладающей мужским или женским потенциалом, является сперматозоид. Что касается передачи наследственных признаков, то, согласно статистическим законам Менделя, она осуществляется в равной степени как отцом, так и матерью. Важно отметить, что в этом слиянии гамет ни одна не имеет преимущества перед другой: обе жертвуют своей особостью, яйцо поглощает их субстанцию целиком. Таким образом, два весьма распространенных предрассудка оказываются ложными, по крайней мере на этом основном биологическом уровне. Первый – это пассивная роль самки; искра жизни не заключена ни в одной из гамет, она вспыхивает при их слиянии; ядро яйцеклетки есть жизненное начало, полностью симметричное ядру сперматозоида. Второй предрассудок противоречит первому, хотя они

нередко сосуществуют: считается, что постоянство вида обеспечивает самка, а существование мужского начала носит взрывной и мимолетный характер. В действительности зародыш сохраняет наследственное вещество как отца, так и матери и, в свою очередь, передает их вместе своему потомству, либо в мужской, либо в женской форме. Иными словами, зародышевая плазма двупола и остается таковой из поколения в поколение, несмотря на телесные отличия каждой отдельной особи.

Тем не менее между яйцеклеткой и сперматозоидом наблюдаются интереснейшие второстепенные различия; главная особенность яйцеклетки – в том, что она наполнена веществами, предназначенными для питания и защиты эмбриона; она накапливает запасы, за счет которых будут формироваться ткани плода, то есть запасы не живой субстанции, а инертной материи; поэтому она представляет собой массивное и относительно объемное сферическое или эллипсоидальное образование; мы знаем, каких размеров достигает птичье яйцо; женская яйцеклетка имеет в диаметре 0,13 мм, тогда как сперматозоидов в человеческой сперме насчитывается 60 000 на кубический миллиметр: масса сперматозоида ничтожно мала, он состоит из нитевидного хвоста, маленькой продолговатой головки и не отягощен никакой инородной субстанцией; он – сама жизнь; его строение предполагает подвижность, тогда как яйцеклетка, где складировано будущее плода, – элемент неподвижный: она пассивно ждет оплодотворения либо внутри организма самки, либо подвешенной во внешней среде; мужская гамета сама движется ей навстречу; сперматозоид – это всегда голая клетка, а яйцеклетка, в зависимости от вида, может иметь или не иметь защитную мембрану; но в любом случае сперматозоид, вступив с ней в контакт, толкает, шатает ее и проникает внутрь: мужская гамета отбрасывает хвост, ее головка раздувается и ввинчивается в ядро; тем временем у яйца сразу же образуется мембрана, отгораживающая его от других сперматозоидов. У иглокожих, с их наружным оплодотворением, легко наблюдать, как сперматозоиды устремляются к инертно плавающей яйцеклетке и образуют вокруг нее ореол. Такое соперничество тоже важное явление, встречающееся у большинства видов; сперматозоиды гораздо меньше яйцеклетки и обычно выделяются в гораздо большем количестве, поэтому на каждую яйцеклетку находится множество претендентов.

Итак, яйцеклетка, активная как сущностное начало, то есть как ядро, внешне пассивна; ее замкнутая в себе, вскормленная сама в себе масса похожа на густую ночную мглу и покой существования в себе: древние воображали замкнутый мир, непрозрачный атом именно в виде сферы; яйцеклетка неподвижна и ждет; напротив, открытый, крохотный, проворный сперматозоид воплощает нетерпение и беспокойство существования. Не стоит увлекаться аллегориями – яйцеклетку порой уподобляли имманентности, а сперматозоид – трансценденции; он проникает в женское начало ценой отказа от своей трансценденции, от своей подвижности: инертная масса захватывает его, поглощает и кастрирует, лишая хвоста; перед нами магическое действие, тревожное, как всякое пассивное действие; активность же мужской гаметы рациональна, это движение, измеримое в категориях времени и пространства. На самом деле все это – чистый вымысел. Мужские и женские гаметы сливаются воедино в яйце и вместе полностью самоуничтожаются. Ошибка – утверждать, что яйцеклетка хищно пожирает мужскую гамету, и не меньшая ошибка – говорить, что мужская гамета победно завладевает резервами женской клетки: в акте слияния особость обеих утрачивается. Наверное, для механистической мысли движение представляется явлением

рациональным *par excellence*, но для современной физики эта идея не яснее дистанционного действия; к тому же подробности физико-химических процессов, приводящих к слиянию гамет и оплодотворению, нам неизвестны. Однако в их столкновении заключено одно ценное указание. В жизни есть два сопряженных друг с другом вида движения; жизнь сохраняется, лишь преодолевая себя, и преодолевает себя лишь при условии своего сохранения; оба эти момента всегда совершаются вместе, и пытаться их разделить – чистая абстракция; тем не менее на разных этапах доминирует то один, то другой. Сливаясь, обе гаметы одновременно и преодолевают, и продолжают себя, но яйцеклетка в своем строении предвосхищает будущие потребности, она устроена так, чтобы питать зародившуюся в ней жизнь; сперматозоид же, напротив, никак не приспособлен к тому, чтобы обеспечивать развитие вызванного им к жизни зародыша. Зато яйцеклетка не способна сама произвести изменение, которое пробудит вспышку новой жизни, – тогда как сперматозоид подвижен. Без предусмотрительности яйцеклетки его действие было бы напрасным, но без его инициативы яйцеклетка не реализовала бы свои возможности растить жизнь. Тем самым мы приходим к выводу, что роль обеих гамет в основе своей идентична; они вместе создают живое существо, в котором утрачивают и преодолевают себя. Однако во второстепенных, поверхностных процессах, приводящих к оплодотворению, мужское начало производит изменение ситуации, необходимое для зарождения новой жизни, а женское начало позволяет закрепить эту жизнь и превратить в стабильный организм.

Было бы весьма смело выводить из этой констатации, что место женщины – у домашнего очага, но есть на свете смелые люди. Недавно Альфред Фуйе в своей книге «Темперамент и характер» утверждал, что женщина целиком определяется через яйцеклетку, а мужчина – через сперматозоид; на подобных сомнительных аналогиях строятся многие якобы глубокие теории. Не вполне понятно, на какую философию природы опираются эти псевдоидеи. С точки зрения законов наследственности и мужчины и женщины в равной мере происходят от одного сперматозоида и одной яйцеклетки. Думаю, что в этих сумеречных умах скорее болтаются пережитки старинной средневековой философии, согласно которой космос есть точное отражение микрокосма: они воображают, будто яйцеклетка – это женский гомункул, а женщина – гигантская яйцеклетка. Все эти бредни, позабытые еще со времен алхимии, странно контрастируют с точными, научными описаниями, на которые одновременно опираются наши ученые: современная биология плохо вяжется со средневековой символикой, но они предпочитают этого не замечать. Однако простая добросовестность не позволит отрицать, что путь от яйцеклетки до женщины весьма долг. К яйцеклетке еще неприменимо само понятие женского. Гегель справедливо отмечает, что половые отношения нельзя свести к отношениям двух гамет. Следовательно, мы должны изучить женский организм в целом.

Как уже говорилось, у многих растений и некоторых простейших, например моллюсков, специализация гамет не влечет за собой различия особей: каждая особь вырабатывает одновременно и яйцеклетки, и сперматозоиды. Даже в случае разделения полов между ними нет непроницаемых барьеров, как между разными видами; подобно тому как гаметы формируются из недифференцированной изначальной ткани, самцы и самки представляют собой скорее две вариации на единой основе. У некоторых животных (наиболее типичный случай – бонеллия) эмбрион вначале бывает бесполым, и его половую принадлежность обуславливают впоследствии случайные

обстоятельства развития. Сегодня считается, что у большинства видов пол генотипически определяется свойствами яйцеклетки. Неоплодотворенное яйцо пчелы, размножающейся путем партеногенеза, дает исключительно самцов; яйцо тли в тех же условиях – исключительно самок. Примечательно, что из оплодотворенных яиц (за исключением, быть может, некоторых видов пауков) рождается примерно равное число особей мужского и женского пола; дифференциация происходит за счет гетерогенности одного из типов гамет: у млекопитающих либо мужским, либо женским потенциалом обладает сперматозоид; чем именно обусловлен особый характер гетерогенных гамет в ходе сперматогенеза или оогенеза, пока неизвестно; в любом случае статистические законы Менделя вполне убедительно объясняют их равномерное распределение. У обоих полов процесс оплодотворения и начало эмбрионального развития протекают одинаково; эпителиальная ткань, которой предстоит развиться в гонаду, вначале не дифференцирована; семенники обозначаются лишь на определенной стадии созревания, а яичники намечаются еще позже. Именно поэтому между гермафродитизмом и гонохоризмом существует целый ряд промежуточных вариантов; часто один из полов обладает некоторыми органами, характерными для противоположного пола; самым ярким примером тому служит жаба: у самца наблюдается атрофированный яичник, названный органом Биддера, и его можно искусственно заставить вырабатывать яйца. Рудименты такого двойного полового потенциала сохраняются и у млекопитающих: это, среди прочего, мужская матка (*uterus masculinus*) или грудные железы у самца и канал Гартнера или клитор у самки. Даже в видах с ярко выраженным половым диморфизмом встречаются особи, являющиеся одновременно самцом и самкой: интерсексуальность – частое явление и у животных, и у человека; а у бабочек и ракообразных встречаются примеры гинандроморфизма, при которых мужские и женские признаки соседствуют, так сказать, в мозаичном порядке. Дело в том, что плод, хотя его генотип уже определен, все равно подвергается сильному влиянию среды, из которой он черпает свою субстанцию: известно, что у муравьев, пчел, термитов именно от способа питания зависит, превратится ли личинка в полноценную самку, или ее половое созревание затормозится и она перейдет в разряд рабочих; влияние в этом случае затрагивает организм в целом: у насекомых пол сомы определяется на очень ранней стадии и не зависит от гонад. У позвоночных регулирующим фактором служат в основном гормоны, выделяемые гонадами. С помощью целого ряда опытов было доказано, что, меняя эндокринную среду, можно воздействовать на формирование пола; другие опыты по пересадке органов и кастрации, произведенные на взрослых животных, легли в основу современной теории пола: у позвоночных сома самцов и самок идентична, ее можно считать нейтральным элементом; половые признаки она получает под действием гонады; некоторые из вырабатываемых ею гормонов выступают стимуляторами, а другие – ингибиторами; сам половой тракт имеет соматическую природу, и данные эмбриологии свидетельствуют о том, что он формируется под влиянием гормонов из бисексуальных зачатков. Если же гормональное равновесие не было достигнуто и ни тот ни другой половой потенциал не реализовался полностью, возникает интерсексуальность.

Целиком сформировавшиеся мужские и женские организмы, поровну распределенные внутри вида и прошедшие аналогичный путь развития от идентичных корней, представляются сугубо симметричными. И для тех, и для других характерно наличие желез, вырабатывающих гаметы (яичник или семенники); процессы сперматогенеза и оогенеза, как мы видели, протекают аналогично; железы эти выделяют свой секрет в определенный канал с более

или менее сложным строением, в зависимости от иерархии видов: у самки яйцо попадает прямо в яйцевод либо удерживается вначале в клоаке или матке; самец выбрасывает семя наружу либо имеет копуляторный орган, позволяющий ввести его в организм самки. То есть со статистической точки зрения самцы и самки – это два комплементарных типа. Чтобы понять их особенности, нужно рассмотреть их с точки зрения функциональной.

Дать пригодное для всех описание понятия «самка» чрезвычайно трудно; определение самки как носительницы яйцеклеток, а самца – как носителя сперматозоидов совершенно неудовлетворительно, ибо связь между организмом и гонадами крайне изменчива; и наоборот, дифференциация гамет не затрагивает напрямую организма в целом; некоторые, правда, утверждали, что, раз яйцеклетка больше сперматозоида, она поглощает больше жизненной силы; но поскольку сперматозоиды вырабатываются в бесконечно большем количестве, затраты организмов обоих полов уравниваются. В сперматогенезе усматривали пример расточительства, а в овуляции – образец экономии, но в этом явлении также присутствует абсурдная избыточность: подавляющее большинство яйцеклеток так никогда и не оплодотворяется. В любом случае гаметы и гонады не дают целостного представления о микрокосме организма; нужно изучить непосредственно сам организм.

Глядя на эволюционную лестницу животных, нельзя не заметить ее самую примечательную черту: чем выше ступень развития, тем сильнее индивидуализирована жизнь; внизу она направлена только на сохранение вида, наверху проявляется через отдельных особей. У примитивных видов организм почти сводится к репродуктивному аппарату; в этом случае имеет место примат яйцеклетки, а значит, самки, поскольку для чистого повторения жизни предназначена главным образом яйцеклетка, но она представляет собой не что иное, как одну брюшную полость, все ее существование поглощено работой чудовищной овуляции. По сравнению с самцом она достигает гигантских размеров, но члены ее зачастую в зачаточном состоянии, тело представляет собой бесформенный мешок, все органы вырождаются ради развития яиц. По сути самец и самка – это хоть и два отдельных организма, но рассматривать их как две особи можно с трудом: они образуют единое целое с неразрывно связанными элементами; перед нами нечто среднее между гермафродитизмом и гонохоризмом. Так, у представителей семейства *Entoniscidae*, паразитирующего на крабах, самка напоминает белесую колбаску, окруженную выводковыми пластинками с тысячами яиц; среди пластинок находятся крошечные самцы и личинки, производящие сменных самцов. Еще более полное порабощение карликового самца наблюдается у *Edryolidnus*: он закреплен под оболочкой самки, не имеет собственного пищевода, его роль сводится только к размножению. Но во всех этих случаях самка порабощена не меньше: она порабощена видом; если самец прикован к своей супруге, то сама она прикована либо к живому организму, которым питается как паразит, либо к минеральному субстрату; все ее силы уходят на производство яиц, которые оплодотворяет крошечный самец. Когда жизнь принимает чуть более сложные формы, намечается автономия особей и связь между полами ослабляется; однако у насекомых оба они по-прежнему жестко подчинены производству яиц. Часто оба супруга гибнут сразу после совокупления и кладки, как у поденок; иногда, как у коловраток и комаров, самец, не имеющий пищеварительного тракта, гибнет после оплодотворения, а самка может питаться и живет дальше – ибо формирование яиц и кладка требуют некоторого времени; мать умирает, как только обеспечивает судьбу следующего поколения. Привилегированное

положение самки у многих насекомых объясняется тем, что оплодотворение обычно происходит очень быстро, тогда как овуляция и созревание яиц требуют долгих усилий. Огромная, раскормленная маточным молочком царица термитов, откладывающая по яйцу в секунду, пока не станет бесплодной и ее безжалостно не уничтожат, – такая же рабыня, как и карликовый самец, прикрепленный к ее животу и оплодотворяющий яйца по мере их изгнания. Муравейники и ульи представляют собой матриархаты, и самцы в них – незваные гости, и каждый сезон их убивают; в момент брачного лета все муравьи-самцы вылетают из муравейника и устремляются к самкам: если им удастся их нагнать и оплодотворить, они сразу погибают от истощения, если же нет, рабочие муравьи не пускают их обратно – убивают на пороге или оставляют умирать с голоду; но и оплодотворенную самку ждет печальная участь: она в одиночестве зарывается в землю и часто погибает от изнеможения, отложив первые яйца; если же ей удастся создать новый муравейник, она двенадцать лет сидит там взаперти, безостановочно откладывая яйца; рабочие муравьи – самки с атрофированными половыми признаками – живут четыре года, но их жизнь целиком посвящена выращиванию личинок. То же самое у пчел: трутень, настигающий матку в брачном лете, падает на землю с распоротым брюшком; остальные трутни возвращаются обратно в улей и ведут праздное, обременительное существование; с наступлением зимы их убивают. Но рабочие пчелы, недоразвитые самки, покупают право на жизнь непрерывным трудом; царица на самом деле – раба улья; она без усталости откладывает яйца; а когда старая царица умирает и сразу несколько личинок выкармливаются так, что могут претендовать на ее место, та, что вылупится первой, приканчивает остальных в колыбели. У пауков-птицеедов самка откладывает яйца в мешок и носит их до созревания; она гораздо крупнее и сильнее самца и, случается, пожирает его после совокупления; те же нравы наблюдаются у богомола, вокруг которого сложился миф о всепожирающем женском начале; яйцеклетка оскопляет сперматозоид, самка богомола убивает супруга: считается, что все эти факты – прообраз женской мечты о кастрации. Но в действительности самка богомола проявляет такую жестокость главным образом в неволе: на свободе, при относительно изобилии пищи, она обедает самцом лишь в очень редких случаях и съедает его точно так же, как одинокая самка муравья, которая нередко пожирает несколько собственных яиц, чтобы быть в силах откладывать новые яйца и обеспечивать продолжение вида. Видеть в этом предвестие «войны полов», в которой сталкиваются особи как таковые, – сущий бред. Нельзя сказать, что у муравьев, пчел и термитов или у паука и богомола самка поработает и пожирает самца: их обоих разными путями пожирает вид. Самка живет дольше и кажется важнее самца, но не обладает ни малейшей автономией; ее удел – откладывать яйца, выводить личинок и заботиться о них, все прочие функции у нее полностью или частично атрофированы. У самца же, напротив, видны зачатки индивидуального существования. В процессе оплодотворения он чаще всего проявляет больше инициативы, чем самка; он сам ищет ее, атакует, ощупывает, хватает и принуждает к совокуплению; иногда ему приходится драться с другими самцами. Соответственно, у него лучше развиты двигательные, осязательные, хватательные органы; многие самки бабочек бескрылы, тогда как у самцов есть крылья; окраска у самцов ярче, надкрылья, лапки, щупальца развиты сильнее; а иногда все это богатство дополняется суетной роскошью ослепительных красок. Жизнь самца вне мимолетного совокупления бесполезна и бесцельна: праздность трутней – характерное преимущество по сравнению с трудолюбием рабочих пчел. Но это преимущество позорно, и зачастую самец расплачивается жизнью за свое ничтожество, в котором намечается

независимость. Вид держит в рабстве самок и, карая самца за попытку этого рабства избежать, жестоко его уничтожает.

У более развитых форм жизни размножение становится производством отличных друг от друга организмов; у него появляется два аспекта: продолжение вида и создание новых особей; этот новый аспект утверждается по мере того, как отдельная особь приобретает сингулярность. И тут мы ясно видим, что два момента – продолжение и созидание – разделяются; раскол этот, обозначающийся уже в момент оплодотворения яйца, встречается во всей совокупности явлений, связанных с деторождением. Вызвано оно не самой структурой яйцеклетки – самка, как и самец, обладает определенной автономией, и ее связь с яйцеклеткой ослабляется; самка рыб, земноводных, птиц – это уже отнюдь не только брюшная полость; чем слабее связь матери с яйцом, чем менее всепоглощающим является процесс родов, тем более неопределенными становятся отношения родителей с потомством. Иногда заботу о новых ростках жизни берет на себя отец – так часто бывает у рыб. Стихия воды способна переносить яйцеклетки и сперму и обеспечивать их слияние; оплодотворение в водной среде почти всегда наружное; рыбы не совокупляются – разве что некоторые из них трутся друг о друга в порядке стимуляции. Мать выпускает яйцеклетки, отец – семя: их роль одинакова. У матери не больше причин считать яйца своими, чем у отца. У некоторых видов родители вообще бросают яйца, и те развиваются без посторонней помощи; иногда мать заранее готовит для них гнездо; иногда охраняет их после оплодотворения, но во многих случаях о них заботится отец: сразу после оплодотворения он отгоняет подальше самку, которая норовит их сожрать, и бешено защищает от всякого, кто к ним приблизится; кто-то строит защитное гнездо, выпуская пузырьки воздуха, покрытые изолирующим веществом; а многие вынашивают яйца во рту или, как морской конек, в складках живота. Аналогичные явления наблюдаются у земноводных: настоящего совокупления они не знают, самец обвивает самку и тем самым стимулирует кладку яиц; по мере того как яйца изгоняются из клоаки, он выпускает семя. Зачастую – например, у жаб, известных под названием жаб-повитух, – отец, намотав на лапы цепочки яиц, носит их с собой и обеспечивает вылупливание. У птиц образование яйца в организме самки происходит довольно медленно, яйцо сравнительно крупное и изгоняется с трудом; его связь с матерью гораздо теснее, чем с отцом, оплодотворившим его при быстром совокуплении; как правило, высиживает яйцо и потом заботится о птенцах самка; но во многих случаях отец участвует в строительстве гнезда, наряду с самкой защищает птенцов и добывает им пищу; в редких случаях – например, у воробьиных – он высиживает яйца и выращивает птенцов. В зобе самца и самки голубя выделяется нечто вроде молока, которым они кормят голубят. Примечательно, что, когда отец играет роль кормильца, у него всегда и на весь период заботы о потомстве прекращается сперматогенез; он занят поддержанием жизни и не испытывает потребности породить ее новые формы.

Наиболее сложные и конкретно-индивидуальные формы жизнь получает у млекопитающих. Именно у них разрыв между двумя жизненными моментами – продолжением и сотворением – получает окончательное воплощение в разделении полов. У этого класса животных (если брать только позвоночных) мать поддерживает с потомством самую тесную связь, а отец максимально от него отстраняется; весь организм самки приспособлен для служения материнству и определяется им, тогда как половая инициатива становится прерогативой самца. Самка – жертва вида; на протяжении одного, а иногда

двух сезонов вся ее жизнь подчинена половому, эстральному циклу, длительность и периодичность которого варьируется в зависимости от вида; цикл этот распадается на две фазы: во время первой созревают яйцеклетки (число которых различно у разных видов), а в матке идет подготовка к имплантации; во время второй происходит омертвление клеток эпителия, завершающееся экскрецией выработанного вещества в виде белесых выделений. Эструс соответствует периоду течки, но течка у самки носит пассивный характер; она готова принять самца и ждет его; иногда самка млекопитающих, как и некоторых птиц, даже домогается его, но дело ограничивается призывными криками, демонстрацией себя и своего желания; принудить к совокуплению она не способна. В конечном счете решение принимает он. Мы видели, что даже у насекомых, где самка, полностью принося себя в жертву виду, пользуется огромными преимуществами, оплодотворение обычно вызывает самец; у рыб он часто побуждает самку метать икру своим присутствием или прикосновениями, а у земноводных исполняет функцию стимулятора. Но у птиц и млекопитающих он буквально навязывает себя самке; зачастую она терпит его равнодушно или даже оказывает сопротивление. Но даже если она его провоцирует и ведет себя покладисто, все равно он ее берет – а она взята. Часто это слово очень точно отражает суть: он хватается самку и не дает ей двигаться – либо потому, что наделен соответствующими органами, либо потому, что сильнее; именно он активно двигается при совокуплении; у многих насекомых, у птиц и млекопитающих он проникает в нее. Тем самым она предстает как внутреннее бытие, подвергающееся насилию. Самец совершает насилие не над видом, ибо вид продолжается лишь через обновление, и, если бы яйцеклетки и сперматозоиды не сливались, он бы вымер; однако самка, чья задача – оберегать яйцо, хранит его в себе, и ее тело не только дает убежище яйцеклетке, но и изолирует ее от оплодотворяющего воздействия самца. Следовательно, это тело есть сопротивление, которое необходимо сломить, и, проникая в него, самец реализует себя как деятельность. Его доминирующее положение выражается в самой позе совокупления: почти у всех животных самец находится на самке. И орган, который он использует, тоже, разумеется, материален, однако здесь он обнаруживает себя в одушевленной ипостаси: это орудие; тогда как женский орган в этом процессе есть лишь инертное вместилище. Самец оставляет в нем семя, самка его принимает. Тем самым, хотя ее роль в деторождении в основе своей активна, она претерпевает совокупление, отчуждающее ее от самой себя посредством пенетрации и внутреннего оплодотворения; хотя она испытывает половую потребность как потребность индивидуальную, поскольку во время течки ей случается самой искать самца, но процесс соития переживается ею непосредственно как внутренняя история, а не как отношение с миром и с другим. Но главное различие между самцом и самкой млекопитающих состоит в том, что в тот же краткий миг, когда сперматозоид, через который жизнь самца трансцендирует в другого, отделяется от его тела, он становится ему чужим; то есть самец, преодолевая свою индивидуальность, одновременно замыкается в ней снова. Яйцеклетка же, напротив, начала отделяться от самки сразу после созревания, когда оторвалась от фолликула и попала в яйцевод, но при попадании в нее чужой гаметы она закрепляется в матке: самка сначала переживает насилие, затем отчуждение; она носит в чреве плод до определенной стадии созревания, в зависимости от вида, – морская свинка рождается почти взрослой, а собака почти в зародышевом состоянии; весь период вынашивания, когда в самке живет другой, питающийся ее субстанцией, она является одновременно и собой, и не собой, другим; после родов она кормит новорожденного молоком из своих сосцов. То есть не

вполне понятно, когда его можно рассматривать как автономное существо – в момент оплодотворения, рождения или отнятия от груди? Примечательно, что чем в большей мере самка представляет собой отдельную особь, тем более властно, по ту сторону любого разделения, заявляет о себе продолжение жизни; рыбы, птицы, изгоняющие девственную яйцеклетку или оплодотворенное яйцо, находятся в куда меньшей власти потомства, чем самка млекопитающих. Последняя вновь обретает автономию после рождения детенышей: между нею и ими устанавливается дистанция; и начиная с момента разделения она посвящает себя им: заботится о них, проявляя инициативу и изобретательность, бросается защищать их от других животных и даже становится агрессивной. Но обычно она не стремится утвердить свою индивидуальность, не противопоставляет себя самцам или другим самкам; у нее нет инстинкта драчливости[15 – Некоторые куры дерутся за лучшие места в курятнике и клювом устанавливают в своих рядах иерархию. Бывают также коровы, которые в отсутствие самцов силой занимают место во главе стада.]; вопреки опровергнутым ныне утверждениям Дарвина, она не особо выбирает и соглашается на первого подвернувшегося самца. Дело не в том, что она не имеет индивидуальных качеств, наоборот: в периоды, свободные от бремени материнства, она порой может сравняться с самцом: кобыла бежит так же быстро, как жеребец, у охотничьей суки такой же нюх, как у кобеля; самки обезьяны при тестировании проявляют такой же ум, как самцы. Просто эта индивидуальность не востребована: самка отрекается от себя ради вида, который требует подобного отречения.

Удел самца совершенно иной; как мы видели, в самом своем преодолении он отделяется от себя и утверждает в себе самом. Эта черта – константа, от насекомых до высших животных. Даже рыбы и китообразные, живущие в косяках, пассивно слившись в сообщество, вырываются из него в брачный период; они уединяются и становятся агрессивными по отношению к другим самцам. Если у самки пол проявляется непосредственно, то у самца он опосредован: между желанием и его утолением существует дистанция, которую он активно заполняет; он двигается, ищет самку, трогает ее, ласкает, обездвигивает и, наконец, в нее проникает; органы, отвечающие за функции сношения, передвижения и хватания, у него зачастую развиты лучше. Примечательно, что жизненный импульс, под действием которого в нем множатся сперматозоиды, проявляется также в ярком оперении, блестящей чешуе, рогах, гриве, в пении, возбуждении; сейчас уже не считают, что «брачный наряд», в который он облачается в период спаривания, или ритуалы обольщения нацелены на отбор; но в них проявляется жизненная мощь, расцветающая в нем в этот период с бескорыстной роскошью и великолепием. Подобная жизненная щедрость, деятельная подготовка к совокуплению, властное утверждение своего превосходства над самкой в самом соитии – все это способствует полаганию индивида как такового в момент его жизненного преодоления. В этом смысле прав Гегель, усматривая в самце субъектное начало, в то время как самка не выходит за рамки вида. Субъектность и отделение означают немедленный конфликт. Агрессивность – одна из отличительных черт самца в брачный период; ее нельзя объяснить соперничеством, поскольку число самок практически равно числу самцов; скорее соперничество объясняется этой воинственностью. Можно сказать, что самец, перед тем как породить потомство, отстаивает свое личное право на акт, продолжающий вид, и подтверждает в борьбе с сородичами истину своей индивидуальности. Вид обитает в самке и поглощает бо́льшую часть ее индивидуальной жизни; самец, наоборот, включает в свою индивидуальную жизнь присущие виду жизненные силы. Конечно, и он подвластен

превосходящим его законам, в нем происходит сперматогенез, периодически наступает период гона, но эти процессы гораздо меньше затрагивают организм в целом, чем эстральный цикл; производство сперматозоидов не требует особых усилий, как и собственно оогенез; но развитие взрослого животного из яйца – всепоглощающий труд для самки. Быстрый процесс соития не снижает жизненной силы самца. Родительский инстинкт у него почти не проявляется. Чаще всего после совокупления он покидает самку. Если же он остается подле нее как глава семейной группы (моногамной семьи, гарема или стада), то играет роль защитника и кормильца по отношению ко всему сообществу; непосредственно детенышами он интересуется редко. У таких видов, благоприятствующих расцвету индивидуальной жизни, стремление самца к автономии – которое у низших животных стоит ему жизни – увенчивается успехом. Как правило, он крупнее, крепче, быстрее, предприимчивее самки; он ведет более независимую жизнь и менее скован обязанностями; он в большей мере завоеватель и властелин: в животных сообществах всегда повелевает именно он.

В природе ничто не ясно до конца: два типа, самец и самка, не всегда четко различаются; иногда диморфизм, наблюдаемый между ними – в окраске, расположении пятен и крапинок, – выглядит совершенно случайным; бывает, что они, наоборот, неразличимы и их функции почти не дифференцированы, как у некоторых рыб. Однако в целом и особенно на верхних ступенях животной лестницы два пола воплощают в себе два разных аспекта видовой жизни. Вопреки бытовавшему мнению, их оппозиция – это не оппозиция активности и пассивности: ядро яйцеклетки активно, более того, развитие зародыша есть живой, а не механический процесс. Было бы упрощением определять эту оппозицию как противоположность изменчивости и постоянства: сперматозоид создает лишь потому, что его жизненная сила поддерживается в яйце; яйцеклетка может поддерживать себя лишь через преодоление, в противном случае она регрессирует и вырождается. Верно, однако, что в обеих равно активных операциях, поддержании и созидании, синтез становления реализуется по-разному. Поддерживать – значит отрицать дисперсию мгновений, утверждать непрерывность в потоке их брызг; создавать – значит раскрывать внутри единицы времени отдельное и неделимое настоящее; верно и то, что в самке стремится реализоваться, вопреки разделению, непрерывность жизни; тогда как разделение на новые, индивидуализированные силы вызывается инициативой самца, следовательно он вправе утверждаться в своей автономии; он включает энергию вида в собственную жизнь; напротив, индивидуальность самки подавляется видовыми интересами; она словно пребывает во власти чуждых сил: она отчуждена. И потому с утверждением все более отчетливой индивидуальности организмов противостояние полов не сглаживается, а наоборот. Самец находит все больше разнообразных путей для применения сил, которые теперь в его власти; самка все сильнее ощущает свое подчиненное положение; обостряется конфликт между ее собственными интересами и интересами заложенных в ней детородных сил. У коров и кобыл роды гораздо болезненнее и опаснее, чем у мышей и кроликов. Женщина, самая индивидуализированная из самок, представляется также и самой уязвимой; она наиболее драматично переживает свой удел и сильнее всего отличается от самца.

У людей, как и у большинства видов, рождается примерно равное количество особей каждого пола (100 девочек на 104 мальчика); развитие эмбрионов происходит аналогично; однако у зародыша женского пола первичный эпителий дольше остается нейтральным; в результате он дольше находится под

влиянием гормональной среды и направление его развития чаще бывает изменено; считается, что большинство гермафродитов имеют женский генотип, впоследствии маскулинизированный: мужской организм словно бы изначально определяется как мужской, тогда как женский зародыш не сразу принимает свою женственность; но этот первый лепет жизни плода еще слишком мало изучен, чтобы ему можно было придать определенный смысл. Сформированные половые органы у обоих полов симметричны; и мужские и женские гормоны относятся к одной группе химических соединений, стероидам, и являются в конечном счете производными холестерина; от них зависит дифференциация вторичных половых признаков. Ни их формулы, ни анатомические особенности не определяют самку человека как таковую. От самца ее отличает функциональное развитие. Мужчина по сравнению с ней развивается просто. От рождения до пубертата он растет более или менее равномерно; к пятнадцати-шестнадцати годам начинается сперматогенез, непрерывно продолжающийся до старости; его наступление сопровождается выработкой гормонов, определяющих строение мужского тела. С этого момента мужчина живет половой жизнью, которая обычно включена в его индивидуальное существование: в желании и совокуплении его преодоление к виду совпадает с субъективным моментом его трансценденции – он есть тело. У женщины история куда более сложная. Уже на стадии зародыша окончательно определяется запас ооцитов; яичник содержит около пятидесяти тысяч яйцеклеток, заключенных в фолликулы; из них примерно четыреста достигнут зрелости; вид подчиняет себе женщину с момента ее рождения и стремится утвердиться в ней: при появлении на свет женщина переживает нечто вроде первого полового созревания; ооциты внезапно увеличиваются в размерах; затем яичник сокращается примерно на одну пятую – ребенку словно дают передышку; пока организм девочки развивается, ее половая система остается почти неизменной: некоторые фолликулы разбухают, но не достигают зрелости; взросление девочки аналогично взрослению мальчика: часто она даже превосходит своего ровесника ростом и весом. Но в момент пубертата вид снова заявляет о своих правах: под влиянием выделений яичника увеличивается число растущих фолликулов, яичник наливается кровью и увеличивается в объеме, одна из яйцеклеток созревает и начинается менструальный цикл; репродуктивная система приобретает окончательные размеры и форму; сома феминизируется, устанавливается эндокринное равновесие. Примечательно, что это событие протекает в виде кризиса; тело женщины сопротивляется виду, который обосновывается в нем; эта борьба ослабляет ее, подвергает опасности: до пубертатного периода число умерших мальчиков и девочек примерно одинаково; в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет умирает 128 девочек на 100 мальчиков, а от восемнадцати до двадцати двух лет – 105 девочек на 100 мальчиков. Именно в этот момент часто развивается хлороз, туберкулез, сколиоз, остеомиелит и т. д. У некоторых половая зрелость наступает намного раньше нормального срока, даже в четыре-пять лет. У других, наоборот, она никак не начинается: тогда человек инфантилен, страдает аменореей или дисменореей. У отдельных женщин наблюдаются признаки вирилизма: из-за избыточных выделений коры надпочечников у них появляются мужские вторичные половые признаки. Эти аномалии никоим образом не означают победы индивида над тиранией вида: ее никак нельзя избежать, ибо она одновременно и поработачивает индивидуальную жизнь, и питает ее; этот дуализм проявляется на уровне функций яичника; жизненная сила женщины коренится в яичнике, как жизненная сила мужчины – в семенниках; в обоих случаях оскотелый индивид не просто бесплоден, он регрессирует и дегенерирует; «несформировавшийся», неправильно сформировавшийся организм обеднен и разлажен целиком; он полноценен лишь

при наличии полноценной половой системы; и тем не менее многие половые феномены никак не затрагивают индивидуальную жизнь субъекта, а иногда и угрожают ей. Молочные железы, развивающиеся в момент полового созревания, не играют никакой роли в индивидуальном строении женщины: на любом этапе жизни их можно ампутировать. Многие выделения яичника нацелены на созревание яйцеклетки, на адаптацию матки к ее нуждам: для организма в целом они скорее дестабилизирующий, чем регулирующий, фактор; женщина лучше приспособлена к нуждам яйцеклетки, чем к своим собственным. От пубертата до менопаузы внутри женщины разворачиваются события, не имеющие отношения лично к ней. Англосаксы называют менструацию «the curse» – «проклятие»; и действительно, менструальный цикл не преследует никакой индивидуальной цели. Во времена Аристотеля считалось, что каждый месяц истекает та кровь, которая в случае оплодотворения послужила бы кровью и плотью младенца; эта древняя теория истинна в том, что у женщины безостановочно намечается труд беременности. У других млекопитающих эстральный цикл длится лишь один сезон и ему не сопутствуют кровавые выделения; только у высших обезьян и у женщины он повторяется ежемесячно и несет с собой боль и кровь [16 – В последние годы был проделан обстоятельный анализ этих явлений на основе сопоставления процессов, протекающих у женщины, и тех, что наблюдаются у высших обезьян, в частности у вида резус. «Очевидно, что ставить опыты над этими животными гораздо легче», – пишет Луи Гальен (Gallien L. La Sexualite).]. В течение примерно двух недель один из граафовых пузырьков, заключающих в себе яйцеклетки, увеличивается в объеме и созревает; одновременно яичник секретирует гормон, образующийся на уровне фолликулов и именуемый фолликулином. На четырнадцатый день происходит овуляция: оболочка фолликула лопается (что иногда сопровождается легким кровоизлиянием), яйцо попадает в трубы, а из лопнувшего фолликула развивается желтое тело. Тогда начинается вторая, или лютеиновая, фаза; для нее характерна секреция гормона прогестерона, который воздействует на матку. Матка изменяется: капилляры стенки наливаются кровью, она сморщивается, собирается в складки, образуя нечто вроде кружев; так в матке создается колыбель, готовая принять оплодотворенное яйцо. Эти клеточные трансформации необратимы, и, если оплодотворения не происходит, все эти образования не рассасываются; у других млекопитающих ненужные остатки, возможно, выводятся через лимфатические сосуды. Но у женщины, когда рушатся эндометриальные кружева, происходит отслоение слизистой оболочки, капилляры лопаются и кровяная масса истекает наружу. Затем желтое тело дегенерирует, слизистая оболочка восстанавливается, и начинается новая фолликулярная фаза. Этот сложный процесс, подробности которого еще во многом остаются загадкой, приводит к встряске всего организма, поскольку сопровождается секрецией гормонов, воздействующих на щитовидную железу и гипофиз, на центральную и вегетативную нервную систему, а значит, на все внутренние органы. Почти все женщины – более 85 процентов – испытывают в этот период недомогание. Перед началом кровотечения артериальное давление повышается, затем падает; повышается частота пульса, а зачастую и температура: у многих начинается жар; появляются боли в брюшной полости; часто наблюдается склонность к запору, а затем к диарее; также нередки случаи увеличения печени, задержки мочи, альбуминурии; многие страдают гиперемией слизистой носоглотки (болит горло), а кто-то – нарушениями слуха и зрения; повышается потоотделение, пот в начале месячных имеет специфический запах, иногда очень сильный и сохраняющийся до конца менструации. Основной обмен веществ ускоряется. Количество красных телец сокращается, при этом кровь переносит вещества, обычно накапливающиеся в

тканях, в частности соли кальция; наличие этих солей влияет на яичник, под их действием щитовидная железа гипертрофируется, а деятельность гипофиза, управляющего изменениями слизистой оболочки матки, активизируется; эта нестабильность желез вызывает сильную нервную возбудимость: поражена центральная нервная система, часто возникают головные боли, реактивность вегетативной системы повышена; автоматический контроль центральной нервной системы понижен, что приводит к непроизвольным реакциям, приступам судорог и выражается в резких перепадах настроения: женщина становится более возбудимой, более нервной и раздражительной, чем обычно, у нее могут случаться серьезные психические расстройства. В этот период она особенно мучительно ощущает свое тело как нечто непроницаемое и отчужденное; оно находится во власти чуждой жизни, которая каждый месяц снова и снова упорно строит и разрушает в нем свою колыбель; каждый месяц готовится родиться ребенок, и каждый месяц в потоке красных кружев случается выкидыш; женщина, как и мужчина, есть тело[17 – «Стало быть, я есмь мое тело, по крайней мере ровно настолько, насколько что-то имею, и, с другой стороны, мое тело есть своего рода естественный субъект, предварительный набросок моего целостного бытия» (Мерло-Понти. Феноменология восприятия).], но ее тело есть нечто иное, чем она сама.

Женщине ведомо более глубокое отчуждение, когда оплодотворенное яйцо опускается в матку и развивается в ней; конечно, беременность – это нормальное явление, и, протекая в нормальных с точки зрения здоровья и питания условиях, она не вредит матери; между нею и плодом даже устанавливается некоторое взаимодействие, благотворное для нее; тем не менее беременность, вопреки оптимистической теории с ее более чем явной общественнополезной направленностью, – это изнурительный труд, который не приносит женщине никакой личной выгоды[18 – В данном случае я встаю исключительно на физиологическую точку зрения. Очевидно, что с точки зрения психологической материнство может быть для женщины весьма полезно, но может и обернуться катастрофой.] и, напротив, требует тяжких жертв. В первые месяцы она часто сопровождается отсутствием аппетита и рвотой – чего не наблюдается ни у одной другой самки домашних животных и в чем выражается бунт организма против завладевающего им вида; в организме снижается содержание фосфора, кальция и железа, недостаток которого впоследствии трудно восполнить; гиперактивный метаболизм раздражает эндокринную систему; нервная система находится в состоянии повышенной возбудимости; что касается крови, ее удельный вес уменьшается, понижается гемоглобин – она подобна «крови голодающих, людей, страдающих геморроем, подвергнутых неоднократным кровопусканиям или перенесших болезнь»[19 – См.: «Трактат о физиологии» Анри Виня: Vignes H. Traite de physiologie / sous la direction de Roger et Binet. t. XI.]. Здоровая, хорошо питающаяся женщина может хотя бы надеяться без особого труда восстановить силы после родов; но во время беременности нередко возникают серьезные осложнения или, по крайней мере, опасные расстройства; и если женщина не слишком крепкая и ее гигиена не на высоте, материнство ее преждевременно изуродует и состарит: все знают, насколько часто это случается в деревнях. Сами роды болезненны и опасны. Этот кризис самым наглядным образом показывает, что тело не всегда способно удовлетворить и вид и индивида вместе; бывает, что ребенок умирает, бывает, что при появлении на свет он убивает мать или у нее после родов развивается хроническое заболевание. Грудное вскармливание – тоже изнурительное бремя; под влиянием целого ряда факторов – главный из них, по-видимому, состоит в

выработке гормона прогестерона – молочные железы начинают выделять молоко; прилив молока болезнен и часто сопровождается жаром: женщина кормит новорожденного в ущерб собственным силам. Конфликт вида и индивида, иногда принимающий при родах драматические формы, делает тело женщины тревожно-уязвимым. Есть такая поговорка, что у женщин «все болезни от живота»; и они в самом деле несут в себе враждебное им начало: вид подтачивает их изнутри. Многие женские болезни – результат не внешней инфекции, а внутренних нарушений; так, причиной метритов является реакция слизистой оболочки матки на чрезмерное возбуждение яичника; если желтое тело сохраняется, а не рассасывается после менструации, оно вызывает сальпингит, эндометрит и т. д.

Избавление от власти вида для женщины также тяжелый кризис; между сорока пятью и пятьюдесятью годами у нее наблюдаются явления климакса, обратные половому созреванию. Активность яичников снижается и даже прекращается совсем – и это прекращение влечет за собой оскудение жизненных сил индивида. Предполагается, что железы внутренней секреции – щитовидная железа и гипофиз – стараются восполнить немощь яичников; поэтому наряду с возрастным упадком наблюдается резкий всплеск: приливы, повышенное давление, нервозность; иногда обостряется половой инстинкт. У некоторых женщин отмечаются жировые отложения, у других – вирилизм. У большинства эндокринное равновесие восстанавливается. Тогда женщина наконец избавляется от бремени самки; она ничем не похожа на евнуха, ибо ее жизненная сила осталась прежней, но она перестала быть добычей превосходящих ее сил – и совпадает с самой собой. Иногда говорят, что пожилые женщины суть «третий пол»; и действительно, они не самцы, но уже и не самки; и нередко их физиологическая автономия находит выражение в здоровье, равновесии и бодрости, которых им прежде не хватало.

На собственно половые отличия у женщины накладываются более или менее прямо вытекающие из них особенности; это гормональные влияния, обуславливающие ее соматическую организацию. В среднем она ниже и легче мужчины, у нее более хрупкий скелет, более широкий таз, приспособленный к функциям беременности и родов; в ее соединительных тканях есть жировые отложения, поэтому ее формы более округлы, чем у мужчины; общий облик обоих полов – телосложение, кожа, волосяной покров и т. д. – четко дифференцирован. Мускульная сила женщины значительно уступает мужской, примерно на треть; у нее слабее развиты дыхательные пути: меньше объем легких, трахеи и гортани; различие в размерах гортани влечет за собой и различие мужского и женского голоса. Удельный вес крови у женщин ниже: ниже содержание гемоглобина; значит физически они менее крепки, больше предрасположены к анемии. Частота пульса у них выше, сосудистая система менее стабильна – они легко краснеют. Нестабильность – самая яркая черта их организма в целом; у мужчины, среди прочего, метаболизм кальция стабилен, в то время как у женщины содержание известковых солей гораздо ниже: у нее они выводятся из организма во время месячных и расходуются во время беременности; судя по всему, яйцеклетки действуют на кальций как катаболики; эта нестабильность приводит к нарушению функций яичников и щитовидной железы, которая у женщины развита сильнее, чем у мужчины, а нерегулярная работа эндокринных желез влияет на вегетативную нервную систему; нервный и мышечный контроль ослаблен. Этим недостатком устойчивости и контроля объясняется их эмоциональность, непосредственно связанная с сосудистыми изменениями: сердцебиением, покраснением кожи и

др.; а потому они подвержены судорожным реакциям: слезам, истерическому смеху, нервным срывам.

Как мы видим, многие из этих черт опять-таки проистекают из подчинения женщины виду. Самый поразительный вывод из нашего обзора состоит в том, что из всех самок млекопитающих она наиболее отчуждена и самым решительным образом отвергает это отчуждение; ни у одной самки организм не подчинен так властно репродуктивной функции и не принимает ее с таким трудом: кризис пубертата и менопаузы, ежемесячное «проклятие», долгая и часто трудная беременность, болезненные и порой опасные роды, болезни, осложнения отличают именно самку человека, можно сказать, что ее удел тем тяжелее, чем сильнее она ему противится, утверждая себя как индивида. В сравнении с ней положение мужчины бесконечно предпочтительнее: его половая жизнь не вступает в противоречие с личным существованием; она протекает ровно, без кризисов и, как правило, без осложнений. В среднем женщины живут столько же, сколько и мужчины, но они гораздо чаще болеют и во многие периоды жизни не принадлежат себе.

Эти биологические данные чрезвычайно важны: они играют в истории женщины первостепенную роль, они – основа, сущность ее положения; нам придется к ним обращаться во всех дальнейших рассуждениях. Ведь если тело есть орудие нашего воздействия на мир, то мир предстает совершенно по-разному в зависимости от способа его восприятия. Вот почему мы так долго изучали эти данные; они – один из ключей, позволяющих понять женщину. Однако мысль о том, что они раз и навсегда предрешают ее удел, мы решительно отвергаем. Их недостаточно для определения иерархии полов; они не объясняют, почему женщина – Другой; они не обрекают ее на вечное подчинение.

* * *

Нередко утверждалось, что только физиология позволяет дать ответ на следующие вопросы: одинаковы ли у обоих полов шансы на личный успех, который из полов играет главную роль в жизни вида? Однако первая проблема применительно к женщине и всем остальным самкам ставится по-разному, поскольку животные образуют устойчивые виды, которым можно дать статичные описания: чтобы установить, уступает кобыла в скорости жеребцу или нет, лучше или хуже справляются шимпанзе-самцы с тестами на умственные способности, чем их подруги, достаточно свести воедино данные наблюдений; человечество же пребывает в состоянии непрерывного становления. Некоторые ученые-материалисты сочли, что проблема ставится чисто статически; проникшись теорией психофизиологического параллелизма, они попытались сравнить женские и мужские организмы с помощью математики, воображая, что их функциональные способности непосредственно определяются результатами этих измерений. Для примера приведу одну из праздных дискуссий, которые породил этот метод. Предполагалось, что мозг каким-то загадочным способом вырабатывает мысль, а потому казалось крайне важным выяснить, весит ли женский мозг в среднем меньше мужского или столько же. Обнаружилось, что средний вес первого – 1220 г, а второго – 1360 г, причем вес женского мозга колеблется от 1000 до 1500 г, а вес мужского – от 1150 до 1700 г. Но абсолютный вес – не показатель; было решено учитывать вес относительный. Высчитали, что он составляет $1/48,4$ у мужчины и $1/44,2$ у женщины. Казалось бы, превосходство за ней. Нет, нужно уточнить еще: при

подобных сравнениях преимущество всегда на стороне меньшего по размерам организма; чтобы при сравнении двух групп индивидов, принадлежащих к одному виду, по всем правилам абстрагироваться от тела, следует разделить вес мозга на 0,56 веса тела. Мужчина и женщина при этом рассматриваются как два разных типа. Получаются следующие результаты:

Мужчина: $P_{0,56} = 498$

Женщина: $P_{0,56} = 446$

Мы приходим к равенству. Но эти обстоятельные дебаты во многом лишены интереса по той причине, что никакой связи между весом мозга и умственным развитием установить не удалось. Точно так же невозможно дать психическое толкование химических формул, определяющих мужские и женские гормоны. Мы со своей стороны категорически отвергаем идею психофизиологического параллелизма; основы этого учения давно и бесповоротно подорваны. Я остановилась на нем лишь потому, что оно хоть и опровергнуто с философской и научной точки зрения, но продолжает смущать многие умы; впрочем, в иных умах сохраняются и более древние пережитки. Мы отвергаем также любую систему координат, которая подразумевает существование естественной иерархии ценностей, например эволюционной иерархии; бессмысленно задаваться вопросом, является ли женское тело более инфантильным, чем мужское, ближе ли оно к телу высших приматов, и т. д. Все эти рассуждения, смесь невнятного натурализма с еще более невнятной этикой и эстетикой, – одна болтовня. Сравнить самку и самца человеческого вида можно лишь в человеческом плане. Но определение человека – это существо, не данное раз и навсегда, а делающее себя тем, что оно есть. Как очень верно выразился Мерло-Понти, человек есть не естественный вид, но историческая идея. Женщина – это не застывшая реальность, но становление, и только в становлении ее следует сопоставлять с мужчиной; иначе говоря, нужно определить ее возможности; многие споры теряют смысл из-за стремления свести женщину к тому, чем она была, к тому, что она есть сегодня, но вопрос ставится о ее способностях; верно, что способности наглядно проявляются, только когда они реализованы, но верно и то, что, рассматривая существо, которое есть трансценденция и преодоление, никогда нельзя подвести черту.

Однако, скажут мне, при моем подходе – подходе Хайдеггера, Сартра, Мерло-Понти – тело является не вещью, но положением: оно – наше воздействие на мир, набросок наших проектов. Женщина слабее мужчины; ее мускульная сила меньше, у нее меньше красных кровяных телец, ниже дыхательные способности; она медленнее бежит, поднимает меньший вес и почти ни в одном виде спорта не может состязаться с мужчиной; победить его она тоже не может. К этой слабости добавляется неустойчивость, недостаток контроля и уязвимость, о которых мы говорили; таковы факты. Значит, ее воздействие на мир более ограничено; в ее проектах меньше твердости и настойчивости, и она менее способна их осуществить. Иначе говоря, ее индивидуальная жизнь менее богата, чем у мужчины.

Да, отрицать эти факты невозможно – но их смысл нельзя почерпнуть только в них самих. Если мы встаем на человеческую точку зрения и определяем

тело, исходя из существования, биология становится наукой абстрактной. Как только тот или иной физиологический факт (меньшая мускульная сила) обретает некое значение, это значение сразу оказывается обусловлено контекстом в целом; «слабость» предстает таковой лишь в свете целей, которые ставит перед собой мужчина, орудий, которые имеются в его распоряжении, и законов, которые он себе устанавливает. Если бы он не хотел постигать мир, сама идея воздействия на него не имела бы смысла; когда для этого постижения не требуется применять телесную силу во всей полноте, выше необходимого минимума, различия стираются; там, где нравами запрещено насилие, мускульная энергия не может быть основой господства: для конкретного определения понятия «слабость» нужна система экзистенциальных, экономических и моральных координат. Кто-то сказал, что род человеческий – это антифизис; слово не совсем точное, ибо человек не может оспорить данность; но он превращает данность в истину тем, как принимает ее; природа для него реальна лишь постольку, поскольку включена в его действие, и его собственная природа – не исключение. Как невозможно абстрактно измерить его воздействие на мир, так невозможно и абстрактно определить, насколько тяжело для женщины бремя детородной функции: у животных отношение материнства и индивидуальной жизни регулируется природой, брачным циклом и сменой времен года; у женщины оно неопределенно и устанавливается только обществом; порабощение женщины видом сильнее или слабее в зависимости от того, требует общество большей или меньшей рождаемости, в зависимости от гигиенических условий, в которых протекают беременность и роды. То есть можно сказать, что если у высших животных индивидуальное существование более властно утверждает себя у самца, чем у самки, то у человека индивидуальные «возможности» зависят от экономического и социального положения.

К тому же индивидуальные преимущества самца отнюдь не всегда обеспечивают ему внутривидовое превосходство; самка обретает в материнстве автономию иного рода. Иногда самец навязывает свое господство – как, например, у обезьян, которых изучал Цукерман; но зачастую оба члена пары ведут раздельную жизнь; а лев на равных делит с львицей заботы о семье. И в этом плане человеческий вид также несводим ни к какому другому; во-первых, мужчины определяются не как индивиды; мужчины и женщины никогда не боролись друг с другом в каких-то особых состязаниях; пара есть изначально *mitsein*; причем она всегда предстает как устойчивый или преходящий элемент более широкого сообщества; кто же более необходим виду в этих обществах, мужчина или женщина? На уровне гамет, на уровне биологических функций соития и беременности мужское начало создает для поддержания, женское – поддерживает для созидания: во что превращается это разделение в общественной жизни? У видов, живущих на чужих организмах или на субстрате, у видов, в изобилии и без труда получающих корм от природы, роль самца ограничивается оплодотворением; когда для того, чтобы обеспечить детенышей пищей, нужно ее искать, охотиться, бороться, самец часто помогает в уходе за ними; его помощь становится совершенно необходимой у вида, где дети, после того как мать перестает кормить их молоком, еще долго не способны обеспечивать свои потребности: тогда труд самца чрезвычайно важен; без него порожденные им жизни не смогут себя поддержать. Для того чтобы оплодотворять каждый год некоторое количество самок, достаточно одного самца, но, чтобы детеныши после рождения выжили, чтобы защищать их от врагов и отвоевывать у природы все, в чем они нуждаются, необходимы именно самцы. На разных экономических этапах человеческой истории равновесие продуктивных и репродуктивных сил

реализуется по-разному; и эти же силы определяют отношение мужчины и женщины к детям и, как следствие, их отношения между собой. Но здесь мы уже выходим за рамки биологии: опираясь только на нее, невозможно постулировать главенство того или иного пола с точки зрения продолжения вида.

Наконец, общество – это не естественный вид: вид реализует себя в нем как существование; вид трансцендирует к миру и к будущему; его нравы нельзя вывести из биологии; индивиды никогда не пребывают целиком во власти природы, они повинуются обычаю – вторичной природе, отражающей желания и страхи, в которых выражается их онтологическая установка. Субъект осознает и осуществляет себя не как тело, но как тело, подчиненное различным табу и законам: он обретает цену лишь во имя определенных ценностей. И ценности эти, повторим еще раз, основаны не на физиологии – скорее биологические данные несут те ценности, какими наделяет их существующее. Если женщина внушает уважение или страх и к ней запрещено применять насилие, превосходство мужчины в мускульной силе не является источником власти. Если нравы, как у некоторых индейских племен, требуют, чтобы девушки сами выбирали себе мужей или чтобы вопросы брака решал отец, половая агрессивность мужчины не дает ему никакой инициативы и никакого преимущества. Тесная связь матери с ребенком будет для нее источником достоинства или унижения, в зависимости от того, насколько высока ценность ребенка, – а она может сильно разниться; и сама эта связь, как мы уже говорили, будет признаваться или нет в зависимости от общественных предрассудков.

Тем самым нам предстоит прояснить биологические данные в свете онтологического, экономического, социального и психологического контекста. Подчинение женщины виду, границы ее индивидуальных способностей – факты чрезвычайно важные; тело женщины – один из главных элементов того положения, какое она занимает в этом мире. Но для ее определения одного тела недостаточно; оно обладает жизненной реальностью лишь постольку, поскольку принято сознанием через действия и в рамках определенного общества; биология не позволяет дать ответ на занимающий нас вопрос: почему женщина – это Другой? Следует выяснить, как ее природа приспособлялась к новым условиям в ходе истории; выяснить, что сделало человечество с человеческой самкой.

Глава II. Точка зрения психоанализа

Психоанализ, по сравнению с психофизиологией, сделал огромный шаг вперед: он показал, что любой фактор, воздействующий на психическую жизнь, предварительно облекается человеческим смыслом; конкретным существованием обладает не тело-объект, описанное учеными, а тело, переживаемое субъектом. Самка является женщиной в той мере, в какой она ощущает себя таковой. Некоторые важные с точки зрения биологии данные не являются частью проживаемой ситуации: так, строение яйцеклетки никак на ней не отражается; напротив, не самый биологически значимый орган вроде клитора играет в ней первостепенную роль. Женщина не определяется природой – женщина определяет себя сама, принимая для себя природу эмоционально.

На таком подходе сложилась целая система; в наши задачи не входит ее критика в целом, мы лишь рассмотрим ее вклад в изучение женщины. Разговор о психоанализе вообще – дело нелегкое. Как и все религии, будь то христианство или марксизм, он строится на точных понятиях, но оказывается удручающе расплывчатым. Слова берутся то в самом узком смысле – например, термин «фаллос» четко обозначает отросток плоти, мужской половой орган, – то в бесконечно расширительном, придающем им символическое значение: фаллос якобы воплощает всю совокупность характера и положения мужчины. Если нападают на букву учения, психоаналитик утверждает, что ее дух остался непонятым; если соглашаются с духом, он немедленно призывает следовать букве. Учение не важно, говорит он, психоанализ – это метод; но успех метода укрепляет его сторонника в своей вере. К тому же где искать истинное лицо психоанализа, если не у самих психоаналитиков? Но среди них, как и среди христиан и марксистов, есть еретики; и психоаналитики не раз заявляли, что «у психоанализа нет хуже врагов, чем психоаналитики». Несмотря на схоластическую, доходящую до педантизма точность, многие недоразумения так и не удалось прояснить. Как отмечали Сартр и Мерло-Понти, положение «сексуальность равновелика существованию» можно понимать в двух совершенно разных смыслах: либо что всякое проявление существующего имеет сексуальное значение, либо что любой феномен сексуальности имеет экзистенциальный смысл; примирить два эти утверждения вполне возможно, но зачастую их просто смешивают. Кроме того, как только мы проводим различие между «сексуальным» и «генитальным», понятие «сексуальность» становится неопределенным. «Сексуальное у Фрейда есть внутренняя способность приводить в действие генитальное», – пишет Дальбье. Но нет ничего более туманного, чем идеи «способности», то есть возможного: неопровержимое доказательство возможности дает только реальность. Фрейд не был философом и отказался давать философское обоснование своей системе; его ученики заявляют, что тем самым он избавил себя от любых нападков метафизического характера. Однако за всеми этими утверждениями стоят метафизические постулаты: использовать его язык – значит принимать определенную философию. Этого требуют те самые недоразумения, которые затрудняют критический анализ.

Фрейд не слишком интересовался уделом женщины; его описание он явно скопировал с описания удела мужского, изменив лишь некоторые черты. До него сексолог Мараньон заявил: «Либи́до как дифференцированная энергия есть, так сказать, сила мужской направленности. То же можно сказать и об оргазме». По его мнению, женщины, достигающие оргазма, суть «мужеподобные» (virilodes) женщины; сексуальный порыв «односторонен» и женщина просто находится на полпути[20 – Любопытно, что эта теория встречается у Д. Г. Лоуренса. В романе «Пернатый змей» дон Сиприано следит, чтобы его любовница никогда не достигала оргазма: она должна вибрировать в унисон с мужчиной, а не обретать индивидуальность в удовольствии.]. Фрейд до такого не доходит; он признает, что сексуальность у женщины так же развита, как и у мужчины, но не изучает ее как таковую. Он пишет: «Либи́до всегда и закономерно по природе своей – мужское, независимо от того, встречается ли оно у мужчины или женщины». Женское либи́до как нечто особое он полагать отказывается: для него оно – сложная девиация человеческого либи́до вообще. Последнее, по его мысли, вначале развивается одинаково у обоих полов: все дети проходят оральную стадию, фиксацию на материнской груди, затем стадию анальную и, наконец, достигают стадии генитальной; в этот момент происходит их дифференциация.

Фрейд выявил один факт, значение которого ранее недооценивалось: мужской эротизм окончательно локализуется в пенисе, тогда как у женщины имеются две отдельные эротические системы – клиторальная, развивающаяся на этапе детства, и вагинальная, достигающая расцвета лишь после пубертата; когда мальчик достигает генитальной стадии, его развитие заканчивается; ему предстоит перейти от аутоэротизма, при котором удовольствие направлено на него самого как субъекта, к гетерозротизму, при котором удовольствие будет связано с неким объектом, обычно с женщиной; этот переход совершится в момент полового созревания, пройдя через стадию нарциссизма, – но пенис, как и в детстве, останется главным эротическим органом. Женщине также предстоит, пройдя через нарциссизм, перенести свое либидо на мужчину как объект; но этот процесс будет намного сложнее, потому что ей придется перейти от клиторального удовольствия к вагинальному. У мужчины есть только одна генитальная стадия, тогда как у женщины их две; и для нее гораздо выше риск не завершить свое сексуальное развитие, остаться на инфантильной стадии, а следовательно, приобрести неврозы.

Ребенок уже на стадии аутоэротизма более или менее сильно привязан к объекту; мальчик испытывает влечение к матери и хочет идентифицировать себя с отцом; он страшится своих притязаний, боится, что отец в наказание может нанести ему увечье; из эдипова комплекса рождается комплекс кастрации; тогда он испытывает по отношению к отцу агрессивные чувства, но одновременно интериоризирует его авторитет: так формируется сверх-я, цензурирующее инцестуальные наклонности; эти наклонности вытесняются, комплекс ликвидируется, и сын освобождается от отца, которого он на самом деле вообрал в себя в виде моральных правил. Сверх-я тем сильнее, чем определеннее был эдипов комплекс и чем энергичнее он был преодолен. Историю девочки Фрейд поначалу описал как совершенно симметричную; затем назвал женскую форму детского комплекса комплексом Электры; но вполне очевидно, что определение он ему дал не исходя из него самого, а отталкиваясь от его мужского аналога; тем не менее он признает, что между ними существует очень важное различие: девочка вначале фиксируется на матери, тогда как мальчик никогда не испытывает сексуального влечения к отцу; эта сосредоточенность – пережиток оральной стадии; ребенок отождествляет себя с отцом; но примерно к пяти годам она обнаруживает анатомическое различие между полами и реагирует на отсутствие пениса комплексом кастрации: воображает, что она калека и страдает от этого; тогда ей приходится отказаться от своих мужских притязаний, она отождествляет себя с матерью и пытается соблазнить отца. Комплекс кастрации и комплекс Электры усиливают друг друга; девочка испытывает тем более мучительное чувство фрустрации, что, любя отца, она хочет быть похожей на него; и наоборот, это сожаление укрепляет ее любовь – компенсировать свою неполноценность она может нежностью, которую внушает отцу. В матери девочка видит соперницу и относится к ней враждебно. Затем у нее тоже формируется сверх-я, инцестуальные тенденции вытесняются; но ее сверх-я менее устойчиво: комплекс Электры не так четко выражен, как эдипов комплекс, потому что первой была фиксация на матери; а поскольку отец сам был объектом любви, которую он осуждает, его запреты слабее, чем в случае с сыном-соперником. Как мы видим, у девочки не только генитальное развитие, но и вся сексуальная драма протекает сложнее, чем у ее братьев: у нее может возникнуть искушение в качестве реакции на комплекс кастрации отказаться от своей женственности, упорно жаждать иметь пенис и отождествлять себя с отцом; подобная установка приведет к

тому, что она остановится на клиторальной стадии, станет фригидной или обратится к однополой любви.

В этом описании можно найти два основных недостатка, связанные с тем, что Фрейд скопировал его с мужского образца. Он считает, что женщина чувствует себя увечным мужчиной, – но идея увечья предполагает сравнение и оценку; сегодня многие психоаналитики допускают, что девочка сожалеет об отсутствии пениса, но вовсе не думает, что ее этого органа лишили; да и сожаление это возникает далеко не всегда; оно не может зародиться из простого анатомического сопоставления; многие девочки узнают о мужском телосложении значительно позже, и то лишь визуально; для мальчика пенис – это живой опыт, он может давать ему пищу для гордости, но эта гордость не имеет в качестве непосредственного коррелята унижение его сестер, ибо те знакомы с мужским органом только внешне: этот отросток, этот хрупкий стебелек плоти может быть им безразличен или даже внушать отвращение; если у девочки появляется желание иметь пенис, то это результат предварительной валоризации мужественности; Фрейд считает ее данностью, тогда как она требует обоснования[21 – Гораздо более подробное обсуждение этого вопроса см. в главе I второго тома.]. С другой стороны, понятие комплекса Электры весьма расплывчато, поскольку не опирается на описание женского либидо в его своеобразии. Уже у мальчиков эдипов комплекс чисто генитального характера встречается далеко не всегда; но, за очень редкими исключениями, нельзя согласиться, что отец служит для дочери источником генитального возбуждения; одна из главных проблем женского эротизма состоит в том, что клиторальное удовольствие существует само по себе: многие эрогенные зоны развиваются в женском теле лишь к моменту полового созревания, в связи с вагинальным эротизмом; говорить, что поцелуи и ласки отца «внутренне способны» вызывать у десятилетней девочки клиторальное удовольствие, в большинстве случаев бессмысленно. Если же признать, что комплекс Электры носит лишь весьма смутный аффективный характер, то перед нами встанет проблема эмоций вообще, а решить ее в отрыве от сексуальности средствами фрейдизма невозможно. Во всяком случае, отца обожествляет не женское либидо: ведь желание, которое мать внушает сыну, не ведет к ее обожествлению; своеобразие женского желания в том, что оно направлено на высшее существо; но девочка не конституирует свой объект, она его претерпевает. Верховная власть отца – факт социального порядка, и Фрейд не сумел это учесть: он сам признает, что невозможно выяснить, какая высшая сила в какой-то момент истории решила, что отец главнее матери; по его мнению, это решение было шагом вперед, но причины его неведомы. «В данном случае это не может быть отец, так как увеличение интеллектуальности возвышает его до уровня авторитета», – пишет он в своем последнем труде[22 – См.: «Моисей и монотеизм», перевод А. Хомика.].

Адлер отмежевался от Фрейда именно потому, что понял: система, где развитие человеческой жизни основано на одной лишь сексуальности, неубедительна; он предполагал вновь включить сексуальность в целостную личность; если у Фрейда любое поведение предстает продуктом желания, то есть поиска удовольствия, то человек у Адлера ставит перед собой определенные цели; движущую силу сменяют у него мотивы, целеполагание, планы; он отводит интеллекту такое место, что сексуальное у него зачастую имеет лишь символическую ценность. Согласно его теории, человеческая драма распадается на три момента: каждый индивид наделен волей к власти, но ей сопутствует комплекс неполноценности; этот конфликт заставляет его

прибегать к тысяче уловок, чтобы избежать испытания реальностью, которую он боится не одолеть; субъект устанавливает дистанцию между собой и обществом, которого он страшится: отсюда проистекают неврозы, то есть расстройство общественного чувства. Что касается женщины, то у нее комплекс неполноценности принимает форму стыдливого отказа от своей женственности: комплекс этот вызван не отсутствием пениса, но ее положением в целом; девочка завидует фаллосу лишь как символу преимуществ, которыми пользуются мальчики; место отца в семье, повсеместное верховенство людей мужского пола, воспитание – все утверждает ее в мысли о превосходстве мужчин. Позже, с началом половых отношений, новым унижением для нее становится сама поза коитуса: женщина лежит под мужчиной. Ее реакцию можно обозначить как «мужской протест»; она либо стремится уподобиться мужчине, либо начинает бороться с ним женским оружием. Материнство дает ей возможность обрести в ребенке эквивалент пениса. Но это предполагает, что для начала она целиком примет себя как женщину, а значит, смирится со своей неполноценностью. Ее разлад с самой собой гораздо глубже, чем у мужчины.

Мы не собираемся подробно рассматривать теоретические расхождения Фрейда и Адлера и возможности их примирить; ничего нельзя объяснить ни через движущую силу, ни через мотивы: всякая движущая сила полагает некий мотив, но мотив осмысливается только через движущую силу, значит синтез фрейдизма и адлеризма вполне возможен. На самом деле Адлер, хотя и вводит понятия цели и целеполагания, полностью сохраняет идею психической каузальности; он соотносится с Фрейдом примерно так же, как энергетизм к механицизму: физик всегда признает детерминизм, идет ли речь о толчке или силе притяжения. Это общий постулат всех психоаналитиков: они считают, что человеческую историю можно объяснить через набор определенных элементов. Все они предназначают женщине один и тот же удел. Ее драма сводится к конфликту между «мужеподобными» и «женскими» тенденциями; первые реализуются в клиторальной системе, вторые – в вагинальном эротизме; в детстве она отождествляет себя с отцом, потом начинает чувствовать себя неполноценной по сравнению с мужчиной, и перед ней возникает альтернатива: либо отстаивать свою автономию и уподобиться мужчине, что на фоне комплекса неполноценности вызывает напряжение и риск развития неврозов, – либо найти счастливое осуществление себя в любовном подчинении; второе решение облегчается для нее любовью, какую она питала к властелину-отцу; именно его она ищет в любовнике или муже, и половая любовь сопровождается у нее желанием подчиняться. Вознаграждением для нее станет материнство, оно снова наделяет ее автономией, но иного рода. Считается, что у этой драмы есть собственная динамика; она развивается вопреки всем превратностям, искажающим ее, и каждая женщина претерпевает ее пассивно.

Психоаналитикам несложно находить эмпирические подтверждения своих теорий: известно, что довольно ловкое усложнение системы Птолемея долго позволяло утверждать, что она точно отражает истинное расположение планет; так что, если совместить Эдипа с Эдипом наоборот, выявляя в любом страхе и тревоге желание, можно с успехом подвести под фрейдизм даже те факты, что ему противоречат. Уловить форму можно только при наличии определенного фона, и от того, как постигается форма, зависят очертания, которые приобретает за ней этот фон; тем самым, если упорно пытаться описать какую-нибудь частную историю во фрейдистской логике, за ней обнаружится и фрейдистская схема. Только когда учение требует все новых и

новых побочных объяснений, неопределенных и произвольных, только когда наблюдение выявляет не меньше аномалий, чем нормальных случаев, – тогда предпочтительнее выйти за прежние рамки. К тому же сегодня психоаналитики, каждый по-своему, всячески стараются сгладить понятия фрейдизма, сделать их более гибкими. Вот, например, что пишет один современный психоаналитик: «Поскольку существует комплекс, в нем, по определению, имеется несколько составляющих... Комплекс образуется из соединения этих разрозненных элементов, а не в репрезентации одного из них через другие»[23 – Baudouin Ch. L'âme enfantine et la psychanalyse (1931).]. Но идея простого соединения элементов неприемлема: психическая жизнь – не мозаика; в каждом своем движении она цельна, и с этой цельностью нельзя не считаться. А это возможно лишь при условии, что в разрозненных фактах обнаруживается изначальная интенция существования. Если не добраться до этого истока, человек предстает полем битвы между одинаково бессмысленными и случайными влечениями и запретами. Все психоаналитики последовательно отвергают идею выбора и ее коррелят, понятие ценности; в этом и состоит внутренняя слабость их системы. Фрейд, отсекая влечения и запреты от экзистенциального выбора, не способен объяснить их происхождение – он берет их как данность. Понятие ценности он попытался заменить понятием авторитета, но сам признает в «Моисее и его народе», что объяснить этот авторитет не способен никак. К примеру, инцест запрещен, потому что его запретил отец; но откуда взялся этот запрет – загадка. Сверх-я интериоризирует веления и запреты, исходящие от незаконной тирании; перед нами неизвестно откуда взявшиеся инстинктивные наклонности; две эти реальности существуют сами по себе, потому что мораль изначально сочли не имеющей отношения к полу; человеческая цельность словно расколота, нет никакого перехода от индивида к обществу: чтобы их соединить, Фрейду приходится сочинять какие-то странные романы[24 – Фрейд З. Тотем и табу.]. Адлер понял, что объяснить комплекс кастрации можно только в социальном контексте; он затронул проблему валоризации, но не добрался до онтологического истока признанных обществом ценностей и не осознал, что ценности вовлечены в сексуальность как таковую, а потому и недооценил их значение.

Безусловно, сексуальность играет в человеческой жизни значительную роль; можно сказать, что вся жизнь целиком пронизана ею; уже из физиологии нам стало ясно, что жизнь семенников и яичника неотделима от жизни сомы. Существующий есть тело определенного пола, значит в его отношения с другими существующими, то есть другими телами определенного пола, всегда вовлечена сексуальность; но если тело и сексуальность суть конкретные проявления экзистенции, то, исходя из нее, можно выявить и их значения – в отсутствие такой перспективы психоанализ принимает как данность факты, не получившие объяснения. Например, нам говорят, что девочка стыдится мочиться на корточках, с обнаженными ягодицами; но что такое стыд? Точно так же, прежде чем задаваться вопросом, гордится ли мужчина тем, что имеет пенис, или же пенис есть выражение его гордости, нужно выяснить, что такое гордость и каким образом притязания субъекта могут воплощаться в объекте. Не следует принимать сексуальность как непреложную данность; у существующего есть более исконный «поиск бытия»; сексуальность – лишь один из его аспектов. Это показывает Сартр в «Бытии и ничто»; о том же говорит Башляр в своих трудах о Земле, Воздухе и Воде. Психоаналитики считают первичной истиной человека его отношения с собственным телом и телами ему подобных в рамках общества; но в человеке изначально заложен интерес к сущности окружающего его мира природы, и он пытается обнаружить

ее посредством труда, игры, любых опытов «динамического воображения»; человек стремится конкретно достичь экзистенции через мир в целом, постигаемый всеми возможными способами. Месить глину, рыть яму – действия столь же изначальные, как объятия, как коитус: видеть в них только сексуальные символы – ошибка; яма, вязкость, впадина, твердость, цельность – исконные реалии; интерес к ним человека продиктован не либидо – скорее само либидо будет окрашено в соответствии с тем, как они человеку открылись. Цельность влечет мужчину не потому, что символизирует девственность женщины, наоборот, любовь к цельности заставляет его ценить девственность. Труд, война, игра, искусство определяют способы бытия в мире, несводимые ни к каким другим; в них выявляются качества, пересекающиеся с теми, что заявляют о себе в сексуальности; индивид выбирает себя одновременно и через них, и через эротический опыт. Но восстановить целостность этого выбора можно лишь с онтологической точки зрения.

Именно понятие выбора психоаналитик отвергает особенно яростно – во имя детерминизма и «коллективного бессознательного»; такое бессознательное якобы поставляет человеку готовые образы и универсальные символы; именно оно якобы объясняет аналогии между сновидениями, оговорками, маниями, аллегориями и человеческими судьбами; говорить о свободе якобы означает отказать себе в возможности объяснить все эти волнующие соответствия. Но идея свободы отнюдь не противоречит наличию определенных констант. Метод психоанализа, несмотря на ошибки теории, нередко оказывается плодотворным как раз потому, что в каждой частной истории присутствуют общепризнанные данные общего характера: определенные ситуации и типы поведения повторяются; момент решения возникает в недрах всеобщего и повторяющегося. «Анатомия – это судьба», – говорил Фрейд; с этой фразой перекликаются слова Мерло-Понти: «Тело – это всеобщее». В разделении существующих проявляется единое существование, воплощенное в аналогичных организмах, значит в связи онтологического и сексуального должны быть некие константы. В данную конкретную эпоху через технические средства, экономическую и социальную структуру некоего сообщества всем его членам открывается один и тот же мир; тем самым возникает и постоянная связь сексуальности с социальными формами; аналогичные индивиды, поставленные в аналогичные условия, постигнут в окружающей их данности аналогичные значения; эта аналогия не может быть основой для строгой всеобщности, но позволяет выявлять в индивидуальных историях общие типы. Символ явлен нам не как аллегория, выработанная неким загадочным бессознательным, но как постижение значения через аналог значащего объекта; в силу идентичности экзистенциальной ситуации для всех существующих и идентичной фактичности, с которой они сталкиваются, значения для многих индивидов раскрываются одинаково; символика не упала с неба и не вышла из подземных глубин – она, подобно языку, была выработана человеческой реальностью, то есть одновременно и *mitsein*, и разделением; этим объясняется и факт присутствия в символике индивидуального вымысла – на практике психоаналитическому методу приходится его признать, независимо от того, согласуется ли это с теорией. В такой перспективе становится, например, понятной та ценность, какой обычно наделяют пенис [25 – Подробнее мы остановимся на этой теме в первой главе второго тома.]. Ее возможно осмыслить, только исходя из экзистенциального факта – склонности субъекта к отчуждению; тревога за свою свободу заставляет субъекта искать себя в вещах, что является одним из способов бегства от себя; склонность эта настолько глубока и сильна, что ребенок сразу после отнятия от груди, то

есть отделения от Целого, старается уловить свое отчужденное существование в зеркалах, в родительском взоре. Первобытные люди отчуждаются в мане, в тотеме; люди цивилизованные – в своей индивидуальной душе, в своем «я», своем имени, собственности, труде: таково первое искушение неподлинного бытия. Пенис для маленького мальчика как нельзя лучше годится на роль «двойника»: для него он одновременно и посторонний предмет, и он сам; это игрушка, кукла – и его собственная плоть; родители и няньки обращаются с ним как с маленьким человечком. Понятно, что для ребенка он становится «alter ego, как правило, более хитрым, умным и ловким, чем сам индивид»[26 – Balint A. La Vie intime de l'enfant. P. 101.]; поскольку функция мочеиспускания, а позднее эрекция занимают промежуточное положение между сознательными и непроизвольными процессами, поскольку пенис есть капризный, почти посторонний источник субъективно ощущаемого удовольствия, субъект полагает его как самого себя и нечто отличное от самого себя; в нем зримо воплощена особая трансцендентность, и он служит источником гордости; поскольку фаллос существует отдельно, мужчина может включить переполняющую его жизнь в собственную индивидуальность. Тем самым мы понимаем, что длина пениса, напор струи при мочеиспускании, сила эрекции и эякуляции превращаются для него в меру собственной ценности[27 – Мне рассказывали о крестьянских детях, которые забавы ради соревновались в экскрементах: тот, чьи испражнения были самыми объемными и крепкими, пользовался авторитетом, с каким не могли сравниться никакие иные достижения – ни в играх, ни даже в драке. Фекалии играли ту же роль, что и пенис: здесь также имело место отчуждение.]. Перед нами константа: фаллос есть телесное воплощение трансценденции; константой является и то, что ребенок чувствует себя трансцендируемым, преодоленным, то есть насильно лишенным трансцендентности отцом; тем самым мы возвращаемся к фрейдистской идее о комплексе кастрации. Девочка, лишенная такого alter ego, не отчуждается ни в каком материальном предмете, не восполняет себя: тем самым ей приходится превратить в объект себя целиком, полагать себя как Другого; вопрос, сравнивала она себя с мальчиками или нет, не так уж важен, главное, что отсутствие пениса, даже неосознаваемое, не позволяет ей воспринимать себя с точки зрения пола; из этого вытекает множество следствий. Однако указанные константы все же не определяют удел: особая ценность фаллоса обусловлена тем, что он символизирует превосходство и в других областях. Если бы женщина могла утвердить себя в качестве субъекта, она бы придумала эквиваленты фаллоса: кукла, воплощающая обетование ребенка, может стать более ценным объектом обладания, нежели пенис[28 – Ко всем этим вопросам мы вернемся во второй части; здесь они обозначены просто для порядка.]. Существуют общества с родством по материнской линии, где женщины владеют масками, в которых отчуждается все сообщество; слава пениса в таких условиях сильно меркнет. Эта анатомическая привилегия становится основой подлинной человеческой привилегии лишь в рамках ситуации, рассматриваемой в целом. Истина психоанализа обретается только в историческом контексте.

Точно так же как недостаточно сказать, что женщина – это самка, ее нельзя определить через осознание ею своей женственности: она осознает ее в обществе, членом которого является. Интериоризируя бессознательное и психическую жизнь в целом, сам язык психоанализа, все эти понятия: «комплекс», «влечение» и пр. – подразумевают, что драма индивида разворачивается в нем самом. Но любая жизнь – это отношения с миром; индивид определяет себя, выбирает себя через мир; и чтобы ответить на

интересующие нас вопросы, следует обратиться к миру. Психоанализ, в частности, не способен объяснить, почему женщина – это Другой. Ведь даже Фрейд признает, что престиж пениса объясняется главенством отца, но каковы истоки мужского превосходства, ему неизвестно.

Итак, не отрицая огульно достижений психоанализа, многие наблюдения которого весьма плодотворны, мы отвергаем его метод. Прежде всего, мы будем рассматривать сексуальность не просто как данность: узость такого подхода проявляется в скудных описаниях, касающихся женского либидо; как я уже говорила, психоаналитики никогда не изучали его само по себе, но только отталкиваясь от либидо мужского; они словно не ведают о том, что влечение, какое вызывает у женщины мужчина, глубоко двойственно. Фрейдисты и адлерианцы объясняют тревожное отношение женщины к мужскому члену как инверсию фрустрированного желания. Штекель пошел дальше, увидев в нем первичную реакцию, но описал ее поверхностно: по его мнению, женщина боится дефлорации, пенетрации, беременности, боли, и этот страх обуздывает ее желание; это слишком рациональное объяснение. Вместо того чтобы утверждать, будто желание оборачивается тревогой или подавлено страхом, следовало бы рассматривать тот своего рода настойчивый и одновременно испуганный зов, каким является женское желание, как изначальную данность; для него характерен неразрывный синтез притяжения и отталкивания. Примечательно, что многие самки животных бегут от совокупления, которого сами же домогаются; им приписывают кокетство и лицемерие, но пытаться объяснять примитивные формы поведения, уподобляя их более сложным формам, абсурдно; наоборот, как раз такое примитивное поведение лежит в основе того, что у женщины именуется кокетством и лицемерием. Идея «пассивного либидо» только сбивает с толку, потому что либидо изначально определено исходя из самца – как порыв, энергия; но ведь нельзя априори понять, что свет может быть одновременно желтым и синим: сначала надо просто увидеть зеленый цвет. Мы бы лучше представляли себе реальность, если бы не определяли либидо с помощью расплывчатых понятий вроде «энергии», а сопоставили значение сексуальности с другими формами человеческого поведения: «брать», «хватать», «есть», «делать», «терпеть» и др.; ибо сексуальность – один из способов постижения и присвоения объекта; следовало бы также изучить свойства эротического объекта, каким он дан не только в половом акте, но и в восприятии вообще. Подобное исследование выходит за рамки психоанализа, для которого эротизм – понятие неделимое.

С другой стороны, мы совершенно иначе будем ставить проблему женского удела: мы установим место женщины в мире ценностей и придадим ее поведению измерение свободы. Мы считаем, что перед ней стоит выбор между утверждением своей трансцендентности и отчуждением в качестве объекта; женщина – не игрушка противоречивых влечений, она изобретает решения, между которыми существует этическая иерархия. Подменяя ценность авторитетом, а выбор – влечением, психоанализ предлагает некий эрзац морали – идею нормальности. Идея эта, конечно, очень полезна в медицине, но в психоанализе она получила подозрительно широкое толкование. Deskриптивная схема предстает законом, а механистическая психология не способна, разумеется, принять понятие изобретения морали; в крайнем случае она может описать нечто меньшее, но никогда – большее; в крайнем случае она признает неудачи, но никогда – творчество. Если субъект не проходит полностью путь развития, считающийся нормальным, говорят, что его развитие затормозилось, толкуют эту остановку как недостаток, как

отрицание и никогда – как положительное решение. Между прочим, именно поэтому так коробит психоанализ великих людей: нам заявляют, что у них не реализовался тот или иной перенос или сублимация; никто не предположит, что, быть может, они сами от них отказались и имели на то веские причины; никто не хочет представить себе, что их поведение могло быть мотивировано свободно полагаемыми целями; индивида всегда объясняют в его связи с прошлым, а не исходя из будущего, в которое он себя проецирует. Поэтому нам всегда предъявляют его неподлинный образ, а в неподлинном нельзя отыскать иного критерия, кроме нормальности. С этой точки зрения описание женского удела просто поразительно. «Отождествляться» с матерью или с отцом, в том смысле, как это понимают психоаналитики, – значит отчуждаться в данном образце, предпочитать спонтанному движению собственного существования чужой образ, то есть играть в бытие. Нам показывают женщину, которой уготовано два способа отчуждения; очевидно, что игра в мужчину заведомо приведет ее к неудаче, но и игра в женщину – тоже ловушка: быть женщиной – значит быть объектом, Другим; а Другой остается субъектом в отказе от себя. Истинная проблема для женщины, отвергнув этот отказ, осуществиться как трансценденция: она должна осознать, какие возможности открывает перед ней так называемое мужское и женское поведение; если ребенок идет по пути, указанному одним из родителей, он, быть может, свободно продолжает их замыслы: его поведение может быть результатом выбора, обусловленного некими целями. Даже у Адлера воля к власти есть лишь разновидность абсурдной энергии; любой проект, в котором воплощается трансценденция, он именует «мужским протестом»; по его мнению, если девочка лазит по деревьям, то она хочет сравняться с мальчиками: ему и в голову не приходит, что ей просто нравится лазить по деревьям; для матери ребенок – вовсе не «эквивалент пениса», а нечто совсем иное; писать картины и книги, заниматься политикой – это не только «удачные способы сублимации», но и реализация сознательно поставленных целей. Отрицать это – значит исказить всю историю человечества. Между нашими описаниями и описаниями психоаналитиков можно заметить некоторые параллели. Дело в том, что, с точки зрения мужчин – на которую встают все психоаналитики, и мужского и женского пола, – любое поведение отчуждающего типа считается женским, а поведение, при котором субъект полагает свою трансцендентность, – мужским. Дональдсон, занимавшийся историей женщины, заметил, что определения «мужчина есть человек мужского пола, женщина есть человек женского пола» были асимметрично искажены; психоаналитики особенно любят определять мужчину как человека, а женщину как самку: всякий раз, когда она ведет себя как человек, говорят, что она подражает мужчине. Психоаналитик рисует нам девочку и девушку, которых побуждают отождествить себя с отцом или с матерью, которая разрывается между «мужеподобными» и «женскими» наклонностями; мы же полагаем, что она колеблется между предлагаемой ей ролью объекта, Другого, и отстаиванием собственной свободы; тем самым в некоторых пунктах нам случается соглашаться, в частности, когда мы рассматриваем пути неподлинного отказа от себя, открывающиеся перед женщиной. Но мы наделяем их совсем иным значением, нежели последователи Фрейда или Адлера. Мы определяем женщину как человека в поисках ценностей в мире ценностей, в мире, экономическую и социальную структуру которого необходимо знать; мы будем изучать женщину в экзистенциальной перспективе через ее положение в целом.

Глава III. Точка зрения исторического материализма

Теория исторического материализма выявила ряд чрезвычайно важных истин. Человечество есть не животный вид, но историческая реальность. Человеческое общество есть антифизис: оно не претерпевает пассивно присутствие природы, но берет на себя ответственность за нее. Эта ответственность реализуется не субъективно, как внутренняя операция, но объективно – в практике. Тем самым женщину нельзя рассматривать просто как организм определенного пола: важны лишь те ее биологические данные, которые приобретают конкретную ценность в деятельности; самосознание женщины определяется не только половой принадлежностью: оно отражает ее положение, зависящее от экономической структуры общества, в которой находит выражение достигнутый человечеством уровень технического развития. Как мы видели, с биологической точки зрения для женщины характерны две основные черты: ее власть над миром не столь широка, как у мужчины, и она в большей мере подчинена требованиям вида. Но эти черты могут обладать совершенно разной ценностью в зависимости от социально-экономического контекста. В человеческой истории власть над миром никогда не определяется через голое тело: уже рука с ее хватательным большим пальцем преодолевает себя в орудии, умножающем ее могущество; уже в древнейших, доисторических документах человек всегда предстает вооруженным. В эпоху, когда нужно было орудовать тяжелыми дубинами и давать отпор диким зверям, физическая слабость женщины становилась очевидным недостатком: как только для использования орудия требовалось чуть больше сил, чем было у женщины, она оказывалась совершенно беспомощной. Но может быть и так, что возможности техники снимают различие в мускульной силе между мужчиной и женщиной: избыток создает превосходство лишь с точки зрения определенной потребности, а иначе иметь слишком много ничем не лучше, чем иметь достаточно. Так, работа на многих современных машинах не требует всей мужской силы, и если этот необходимый минимум не превосходит возможностей женщины, она становится равной с мужчиной в труде. В самом деле, сегодня можно управлять колоссальной энергией, просто нажимая кнопку. Что же касается материнских обязанностей, то их значение сильно разнится в зависимости от нравов: они обременительны, если от женщины требуется постоянно рожать и ей приходится кормить и воспитывать детей без посторонней помощи; если же она рождает по своей свободной воле, если общество помогает ей во время беременности и заботится о ребенке, то бремя материнства легко и его несложно восполнить в сфере труда.

Именно в таком ключе Энгельс излагает историю женщины в «Происхождении семьи»; для него эта история зависит в основном от истории техники. В каменном веке, когда земля находилась в общем владении всех членов племени, возможности земледелия были ограничены примитивностью первобытной лопаты и мотыги; женских сил хватало на труд, необходимый для садоводства. В рамках этого начального разделения труда два пола уже образуют некое подобие двух классов; эти классы равны: пока мужчина охотится и ловит рыбу, женщина остается у своего очага, но работа по дому включает в себя производительный труд – изготовление глиняной посуды, ткачество, огородничество; тем самым женщина играет важную роль в экономической жизни. С открытием меди, олова, бронзы, железа, с появлением плуга сфера земледелия расширяется: чтобы корчевать лес и

возделывать поля, требуется напряженный труд. Тогда мужчина прибегает к услугам других мужчин и держит их в рабстве. Возникает частная собственность: мужчина, хозяин рабов и земли, становится также и собственником женщины. В этом и состоит «всемирно-историческое поражение женского пола». Оно объясняется переворотом, случившимся в разделении труда вследствие изобретения новых орудий. «Та самая причина, которая прежде обеспечивала женщине ее господство в доме, – ограничение ее труда домашней работой, – эта же самая причина теперь делала неизбежным господство мужчины в доме; домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины, его труд был всем, ее работа – незначительным придатком». Тогда же на смену материнскому праву приходит право отцовское: владение передается от отца к сыну, а не от женщины к ее племени. Так возникает патриархальная семья, основанная на частной собственности. В такой семье женщина угнетена. Мужчина, полновластный господин, позволяет себе, среди прочего, и сексуальные прихоти: спит с рабынями или гетерами; он полигамен. Как только нравы начинают допускать и обратный вариант, женщина мстит неверностью – брак естественно дополняется адюльтером. Это единственный доступный женщине способ защититься от домашнего рабства, в котором ее держат; ее социальное угнетение есть следствие угнетения экономического. Равенство может быть восстановлено лишь тогда, когда оба пола будут иметь равные юридические права; но это освобождение требует, чтобы весь женский пол вернулся в общественное производство. «Освобождение женщины станет возможным только тогда, когда она сможет в крупном, общественном масштабе участвовать в производстве, а работа по дому будет занимать ее лишь в незначительной мере. А это сделалось возможным только благодаря современной крупной промышленности, которая не только допускает женский труд в больших размерах, но и прямо требует его...»

Итак, удел женщины и судьба социализма тесно связаны между собой; это явствует и из обширного труда Бебеля, посвященного женщине. «Женщину и рабочего, – говорит он, – объединяет то, что оба они угнетены». И освобождение им обоим должно принести то же самое развитие экономики в результате переворота, вызванного машинным производством. Проблема женщины сводится к проблеме ее способности к труду. Женщина, могущественная во времена, когда техника соответствовала ее возможностям, низвергнутая с престола, когда она оказалась не способна с техникой управляться, в современном мире вновь обретает равенство с мужчиной. Лишь сопротивление старого капиталистического патернализма в большинстве стран препятствует практическому осуществлению этого равенства – оно осуществится, когда сопротивление будет сломлено. По утверждению советской пропаганды, в СССР оно уже осуществилось. А когда социалистическое общество будет построено во всем мире, не будет ни мужчин, ни женщин, а только равные между собой трудящиеся.

Хотя намеченная у Энгельса теория представляет собой определенный шаг вперед по сравнению с рассмотренными выше, она все же не оправдывает надежд, поскольку обходит стороной главные проблемы. Поворотным пунктом истории стал переход от общинного строя к частной собственности – но нам ничего не говорят о том, как он мог произойти; сам Энгельс признается, что «об этом мы до сих пор ничего не знаем»[29 – «Происхождение семьи, частной собственности и государства».]; ему не только неизвестны исторические подробности этого перехода – он даже не предлагает какого-либо его толкования. Равным образом неясно, почему частная собственность

неизбежно повлекла за собой порабощение женщины. Исторический материализм принимает как общепризнанные факты, нуждающиеся в объяснении: он безоговорочно постулирует принцип интереса, связывающий человека с собственностью; но в чем источник этого интереса, источника всех общественных институтов? Тем самым очерк Энгельса остается поверхностным, а открываемые им истины выглядят случайными. Дело в том, что, не выходя за пределы исторического материализма, углубить их невозможно. Он не может дать ответ на поставленные нами вопросы, потому что вопросы эти относятся к человеку целиком, а не к абстрактному homo Sconomicus.

Ясно, например, что сама идея индивидуального владения обретает смысл лишь в свете изначального положения существующего. Чтобы она возникла, субъект сперва должен иметь склонность полагать себя в своей принципиальной особости, утверждать свое существование как автономное, отдельное от других. Понятно, что эти притязания остаются субъективными, внутренними, не истинными до тех пор, пока у индивида нет практических способов для его объективного осуществления; за неимением подходящих средств он вначале никак не испытывал своей власти над миром, чувствовал себя затерянным в природе и сообществе, пассивной игрушкой грозных, темных сил; о себе он мог думать, лишь отождествляя себя со всем племенем, – тотем, мана, земля были реалиями коллективными. Изобретение бронзы позволило человеку, через испытание тяжелым производительным трудом, открыть в себе творца, покорителя природы, он больше не боится ее; одолев ее сопротивление, он дерзает осознать себя как автономную деятельность и осуществиться в своей единичности[30 – Гастон Башляр в «Земле и грезах воли» дает, среди прочего, весьма показательный анализ кузнечного труда. Он показывает, как человек, утверждая себя через молот и наковальню, становится отдельным. «Мгновение для кузнеца – мгновение сразу и изолированное, и раздувшееся. Оно продвигает труженика к овладению временем благодаря насилию над мгновением»; и далее: «Кующий человек принимает вызов восставшей против него вселенной» (перевод Б. М. Скуратова. – Прим. ред.)]. Но этого осуществления никогда бы не произошло, если бы человек изначально его не захотел; урок труда не заложен в пассивном субъекте: выковывая орудия труда и покоряя землю, субъект выковал и покорил самого себя. С другой стороны, самоутверждения субъекта недостаточно для объяснения собственности – любое сознание, бросая вызов, в борьбе, в своей отдельной битве может попытаться возвыситься до самостоятельности. Для того чтобы вызов принял форму потлача, то есть экономического соперничества, для того чтобы затем сперва вождь, а потом и все члены племени стали притязать на частное имущество, нужно, чтобы в человеке обнаружилась еще одна изначальная склонность: как мы уже говорили в предыдущей главе, существующий сознает себя лишь через отчуждение; он ищет себя через мир, в каком-либо чуждом ему образе, и делает этот образ своим. В тотеме, в мане, на занимаемой им земле с племенем встречается его отчужденное существование; когда индивид отделяется от общины, ему требуется особое воплощение: мана индивидуализируется в вожде, затем в каждом индивиде; и одновременно каждый старается присвоить себе клочок земли, орудия труда, урожай. В этих богатствах, своих богатствах, человек обретает самого себя, потому что он затерялся в них; и тогда становится понятно, что он может придавать им столь же основополагающее значение, как и самой своей жизни. В этом случае интерес человека к своей собственности становится умопостижимым отношением. Но, как мы видим, это отношение нельзя описать только через орудие труда – следует осмыслить все поведение человека,

вооруженного этим орудием, поведение, предполагающее онтологическую инфраструктуру.

Точно так же невозможно вывести угнетение женщины из частной собственности. Здесь снова проявляется несостоятельность энгельсовского подхода. Он верно отметил, что мускульная слабость женщины сделалась конкретным недостатком лишь в ее отношении с бронзовыми и железными орудиями труда; но он не уловил, что сами по себе пределы ее способности к труду становятся конкретным изъяном лишь в определенной перспективе. Именно потому, что мужчина есть трансценденция и честолюбие, он и проецирует новые требования на каждое новое орудие: изобретя бронзовые инструменты, он перестал довольствоваться возделыванием садов и захотел расчищать и распахивать обширные поля – эта его воля возникла не из бронзы как таковой. Беспомощность женщины повлекла за собой ее крах, потому что мужчина стал оценивать ее с точки зрения проекта обогащения и экспансии. Но и этого проекта недостаточно, чтобы объяснить факт ее угнетения: разделение труда по половому признаку могло принять форму дружеского сотрудничества. Если бы изначальные отношения человека с себе подобными строились исключительно на дружбе, любой тип порабощения был бы невыносим: феномен этот есть одно из следствий стремления к господству в человеческом сознании, которое пытается стать объективным спутником его самодостаточности. Если бы в сознании изначально не было категории Другого и притязаний на господство над Другим, изобретение бронзовых орудий не могло бы повлечь за собой угнетения женщины. Энгельс не осознает и особого характера этого угнетения. Он попытался свести противостояние полов к классовой борьбе, впрочем без особой убежденности; его тезис не выдерживает критики. Действительно, разделение труда между полами и вытекающее из него угнетение в чем-то напоминают деление на классы, но смешивать их нельзя; в расщеплении на классы нет никакой биологической основы; раб в процессе труда осознает себя в противостоянии хозяину, пролетариат всегда переживает свое положение в бунте, обращаясь тем самым к главному – к тому, что он несет угрозу для эксплуататоров; его цель – перестать существовать как класс. Как мы уже говорили во введении, положение женщины совершенно иное – в частности, из-за совместной жизни и общих интересов, которые делают ее солидарной с мужчиной, и из-за того, что мужчина находит в ней сообщницу; в ней нет никакой жажды бунта, она не может перестать существовать как пол, она лишь требует отмены некоторых последствий половых различий. Еще важнее то, что женщину нельзя с чистой совестью рассматривать только как работницу; ее репродуктивная функция не менее важна, чем продуктивный труд – как в экономике общества, так и в частной жизни; бывают времена, когда рожать детей полезнее, чем ходить за плугом. Энгельс уходит от этой проблемы; он лишь заявляет, что социалистическое общество уничтожит семью, но это весьма абстрактное решение; известно, как часто приходилось в СССР коренным образом пересматривать политику в области семьи, в зависимости от разного соотношения текущих потребностей производства и потребностей в росте населения; к тому же уничтожение семьи не обязательно означает освобождение женщины; примеры Спарты и нацизма показывают, что женщина, напрямую связанная с государством, может быть отнюдь не меньше угнетена мужчинами. Истинно социалистическая этика, то есть этика, стремящаяся к справедливости, не уничтожая свободы, налагающая на индивидов обязанности, не стирая их индивидуальности, окажется в сильном затруднении, столкнувшись с проблемами положения женщины. Невозможно просто уподобить деторождение труду или службе,

наподобие военной. Требование рожать детей является для женщины куда более глубоким вторжением в ее жизнь, чем для граждан – регламентация их занятий: ни одно государство еще не дерзнуло сделать коитус обязательным. Женщина вкладывает в половой акт и материнство не только время и силы, но и главные ценности. И напрасно рационалистический материализм пытается игнорировать этот драматизм сексуальности; половой инстинкт не поддается регламентации; нельзя исключить, что в нем самом не заложен отказ от своего утolenия, говорил Фрейд; но несомненно то, что его нельзя включить в сферу общественного, потому что в эротизме присутствует бунт сиюминутности против времени, бунт индивидуального против всеобщего; желание канализировать или эксплуатировать его может его убить, ибо с живой стихией нельзя обращаться как с инертной материей и тем более нельзя насилловать ее, как насилуют свободу. Невозможно прямо принудить женщину рожать: все, что можно сделать, – это ограничить ее такой ситуацией, из которой не будет иного выхода, кроме материнства: закон или нравы требуют от нее вступить в брак, противозачаточные средства и аборты оказываются под запретом, развод не допускается. Эти древние правила патриархата воскресили сейчас в СССР; там возродили патерналистские теории брака; и тем самым государство пришло к тому, что вновь потребовало от женщины стать эротическим объектом: в одной недавней речи советских гражданок призывали изящно одеваться, пользоваться косметикой и кокетничать, дабы удержать мужей и разжечь в них желание. Этот пример наглядно показывает, что женщину невозможно рассматривать только как производительную силу – для мужчины она сексуальный партнер, детородное устройство, эротический объект, Другая, через которую он ищет самого себя. Сколько бы тоталитарные и авторитарные режимы ни запрещали единодушно психоанализ и ни заявляли, что у граждан, присягнувших на верность коллективу, индивидуальных драм быть не может, эротика остается опытом, где всеобщее всегда уступает индивидуальному. И для демократического социализма, где уничтожены классы, но не индивиды, вопрос индивидуального удела будет полностью сохранять свое значение – и будет полностью сохранять свое значение разделение полов. Половые отношения, связывающие женщину с мужчиной, отличны от его отношений с ней; а связь женщины с ребенком не сводима ни к какой другой. Не только бронзовое орудие породило женщину – и одной машине ее не уничтожить. Требовать для нее всей полноты человеческих прав и возможностей не значит закрывать глаза на особенности ее положения. А чтобы ее понять, нужно выйти за рамки исторического материализма, который видит в мужчине и женщине только хозяйственные единицы.

Иными словами, мы по одной и той же причине отвергаем и половой монизм Фрейда, и экономический монизм Энгельса. Психоаналитик будет толковать любые социальные требования женщины как феномен «мужского протеста»; для марксиста, наоборот, в женской сексуальности лишь выражается более или менее сложным и косвенным путем ее экономическое положение; но ни категории «клиторальный» и «вагинальный», ни категории «буржуазный» и «пролетарский» равно не способны описать конкретную женщину. В основе как индивидуальных драм, так и экономической истории человечества лежит экзистенциальная инфраструктура, и только она позволяет понять ту особую форму, какой является человеческая жизнь, в ее единстве и цельности. Ценность фрейдизма обусловлена тем, что существующий есть тело; в том, каким образом он воспринимает себя как тело среди других тел, находит конкретное выражение его экзистенциальная ситуация. Точно так же в марксистской теории верно то, что онтологические притязания существующего

обретают конкретный облик в зависимости от имеющихся у него материальных возможностей, особенно тех, что открывает перед ним техника. Но ни сексуальность, ни техника не способны ничего объяснить сами по себе, не будучи включены в целостную человеческую реальность. Именно поэтому у Фрейда запреты, налагаемые сверх-я, и влечения «я» выглядят как случайные факты, а в очерке истории семьи у Энгельса наиболее важные события происходят как будто внезапно, по прихоти таинственного случая. В своем стремлении понять женщину мы не станем отвергать определенных достижений ни биологии, ни психоанализа, ни исторического материализма; но мы будем исходить из положения, что тело, половая жизнь и технические средства конкретно существуют для человека лишь постольку, поскольку он осознает их в общей перспективе своего существования. Ценность мускульной силы, фаллоса, орудий труда определяется лишь в мире ценностей: она обусловлена основополагающим проектом существующего, трансцендирующего к бытию.

Часть вторая. История

I

Этот мир всегда принадлежал мужчинам – и ни одно из предложенных объяснений этого факта не показалось нам убедительным. Чтобы понять, как возникла иерархия полов, мы рассмотрим данные этнографии и истории первобытного общества в свете философии экзистенциализма, философии существования. Как мы уже отмечали, когда сталкиваются две категории людей, каждая из них хочет навязать другой свое господство; если обе они в состоянии отстаивать это требование, между ними устанавливаются обоюдные отношения, иногда враждебные, иногда дружественные и всегда напряженные; если же одна из них имеет преимущество, она одерживает верх над другой и всячески старается держать ее в угнетении. То есть мы понимаем, что у мужчины возникла воля к господству над женщиной; но какое преимущество позволило ему осуществить эту волю?

Сведения этнографов о первобытных формах человеческого общества до ужаса противоречивы, особенно когда этнографы хорошо информированы и не следуют догме. Составить себе представление о положении женщины в период, предшествующий земледельческому, особенно трудно. Мы даже не знаем, были ли мускулатура и дыхательный аппарат женщины в условиях жизни, так не похожих на наши, столь же развиты, как и у мужчины. Ей доставалась тяжелая работа, – в частности, именно она переносила тяжести; правда, последний факт неоднозначен: не исключено, что эта функция возлагалась на нее потому, что в обозе мужчина держал руки свободными, дабы обороняться от возможных нападений зверей или людей; то есть его задача была более опасной и требовала большей физической силы. Тем не менее женщины во многих случаях были, по-видимому, достаточно крепки и выносливы, чтобы участвовать в военных походах. Судя по рассказам Геродота, по легендам о дагомейских амазонках и многим другим древним и современным

свидетельствам, женщинам случалось принимать участие в войнах и кровавых вендеттах; при этом они проявляли не меньшее мужество и жестокость, чем мужчины; как пишут, некоторые из них впивались зубами в печень врагов. И все же преимущество в физической силе было тогда, как и сейчас, скорее всего, на стороне мужчины; в век дубины и диких зверей, в век, когда природе приходилось сопротивляться сильнее всего, а орудия были самыми примитивными, это превосходство должно было иметь колоссальное значение. В любом случае, как бы ни были крепки в то время женщины, в борьбе против враждебного мира бремя деторождения им чрезвычайно мешало; рассказывают, что амазонки калечили себе груди, а значит, отказывались от материнства по крайней мере на тот период, что посвящали себя ратному делу. Что же касается обычных женщин, то беременность, роды, менструация снижали их трудоспособность и обрекали на долгие периоды бессилия; они нуждались в защите воинов, чтобы обороняться от врагов, прокормить себя и свое потомство; им необходимы были продукты охоты и рыболовства, которыми занимались мужчины; поскольку никакого контроля за рождаемостью, естественно, не существовало, а природа не даровала женщинам периодов бесплодия, как самкам других млекопитающих, непрерывное материнство, по-видимому, поглощало бо́льшую часть их сил и времени; они были не способны обеспечить жизнь детям, которых производили на свет. Таков первый факт, имеющий важные последствия: на заре человечества жизнь была трудной; народы, занимаясь собирательством, охотой и рыболовством, ценой тяжелейших усилий отвоевывали у земли лишь скудные богатства; детей рождалось слишком много, учитывая ресурсы общины; абсурдная плодовитость женщины мешала ей активно участвовать в приумножении этих ресурсов, зато она бесконечно создавала новые потребности. Она была необходима для продолжения рода, но продолжала его в избытке; равновесие же между воспроизводством и производством обеспечивал мужчина. То есть женщина в сравнении с мужчиной-творцом не имела даже преимуществ в поддержании жизни; она не исполняла роль яйцеклетки по отношению к сперматозоиду или матки по отношению к фаллосу; она лишь частично участвовала в упорной борьбе за выживание человеческого рода, и борьба эта приводила к конкретным результатам только благодаря мужчине.

Тем не менее, поскольку равновесие производства и воспроизводства в конечном счете всегда устанавливается, пусть даже за счет детоубийств, жертвоприношений, войн, мужчины и женщины оказываются равно необходимы с точки зрения коллективного выживания; можно даже предположить, что на определенных этапах продовольственного изобилия женщина-мать подчиняла себе мужчину благодаря своей роли хранительницы и кормилицы; некоторые самки животных обретают в материнстве полную независимость; так почему женщине не удалось сделать из него пьедестал? Даже в те моменты истории, когда человечеству самым настоятельным образом требовалось повышение рождаемости, поскольку потребность в рабочей силе превосходила потребности в сырье, даже в те периоды, когда материнство пребывало в наибольшем почете, оно не позволило женщине занять первое место [31 – Сегодняшняя социология полностью развенчала домыслы Бахофена.]. Дело здесь в том, что человечество – не просто естественный вид: оно не стремится сохраниться как вид, его проект заключается не в стагнации, а в преодолении себя.

Первобытные орды не интересовались будущими поколениями. Не связанные с определенной территорией, ничем не владея, не находя воплощения в чем-либо устойчивом, они не могли составить себе никакого конкретного

представления о непрерывности; они не заботились о том, чтобы пережить себя, и не узнавали себя в потомстве; они не боялись смерти и не нуждались в наследниках; дети были для них обузой, а не богатством; свидетельством тому – широкое распространение детоубийства у кочевых народов; а те новорожденные, которых не убивали, часто умирали из-за отсутствия гигиены посреди всеобщего равнодушия. Значит, рожавшей женщине неведома гордость творения; она чувствует себя пассивной игрушкой темных сил, а болезненные роды – это бесполезная, а то и досадная случайность. Позже ребенка стали ценить выше. Но так или иначе, рожать и кормить – это не деятельность, а естественные функции; в них не присутствует никакой проект; поэтому женщина не видит в них повода горделиво утверждать свое существование; она пассивно претерпевает свой биологический удел. Работа по дому, которой она вынуждена себя посвятить, потому что только она совместима с материнскими обязанностями, замыкает ее в повторяемом и имманентном; эта работа повторяется изо дня в день в одной и той же форме и длится веками почти без изменений; она не производит ничего нового. Случай мужчины принципиально иной; он кормит общину не в силу простого жизненного процесса, как рабочая пчела, но в силу действий, поднимающих его над положением животного. Номо faber испокон веков изобретатель: уже палка и дубина, которыми он вооружает руку, чтобы сбивать с дерева плоды и умерщвлять животных, суть орудия, с помощью которых он расширяет свою власть над миром; он не только приносит в дом рыбу, выловленную в море, – для начала ему нужно покорить водную стихию, выдолбив пирогу; чтобы присвоить богатства мира, он осваивает сам мир. В этом действии он испытывает свою власть; он полагает цели, прокладывает к ним пути, то есть реализуется как существующий. Чтобы поддерживать жизнь, он созидает; он выходит за рамки настоящего и открывает будущее. Поэтому походы за рыбой или на охоту носят сакральный характер. Их удачное завершение отмечают празднествами и чествованиями; в них человек сознает себя человеком. Эту гордость он демонстрирует и сегодня, когда возводит плотину, небоскреб, атомный реактор. Ведь он трудился не только для того, чтобы сохранить данный мир, – в труде он раздвигал его границы и закладывал основы нового будущего.

Есть в его деятельности и другой аспект, придающий ей высшее достоинство: она зачастую опасна. Если бы кровь была только пищей, она ценилась бы не выше молока, но охотник – не мясник; в борьбе с дикими животными он подвергается опасности. Чтобы поднять престиж своей орды, своего племени, воин рискует жизнью. И тем самым с блеском доказывает, что жизнь для человека – не высшая ценность, что она должна служить целям более важным, чем она сама. Худшее проклятие, тяготеющее над женщиной, – то, что она не участвует в военных походах; человек поднимается над животным, не даруя жизнь, а рискуя жизнью; именно поэтому человечество отдает главенство не тому полу, что рождает, но тому, что убивает.

И в этом ключ к разгадке тайны. На биологическом уровне вид может сохранять себя, только создавая себя заново, но это созидание – всего лишь повторение одной и той же Жизни в разных формах. Человек обеспечивает повторение Жизни, преодолевая Жизнь Экзистенцией: в этом преодолении он творит ценности, полностью обесценивающие чистое повторение. У животных ничем не стесненное разнообразие деятельности самца оказывается совершенно напрасным, потому что у самца нет никакого проекта; когда он не служит виду, все его действия ничего не стоят; самец же человека, служа роду, преображает мир, создает новые инструменты,

изобретает и кует будущее. Утверждая себя как полновластного господина, он встречает участие и в самой женщине – ведь она тоже существует, ей тоже свойственна трансцендентность, и проект ее не в повторении раз и навсегда данного, а в выходе за пределы своего «я» к другому будущему; в глубине души она согласна с мужскими притязаниями. Она присоединяется к мужчинам во время праздников, устраиваемых в честь мужских успехов и побед. Ее несчастье в том, что она биологически обречена повторять жизнь, тогда как и в ее глазах жизнь не несет в себе своего обоснования, а обоснование это важнее самой жизни.

Описанная Гегелем диалектика отношения господина и раба в ряде моментов куда лучше описывает отношение мужчины к женщине. Преимущество господина, говорит он, основано на том, что он утверждает дух против жизни, рискуя собственной жизнью, но на самом деле такой риск введом и покоренному рабу, тогда как женщина изначально – существующее, дающее Жизнь как таковую и не рискующее своей жизнью; она никогда не сражалась с мужчиной в борьбе; к ней целиком применимо гегелевское определение: «Другое [сознание] – несамостоятельное, для которого жизнь или бытие для некоторого другого есть сущность». Но это отношение отличается от отношения угнетения, потому что женщина стремится к тем же ценностям, какие конкретно достигают мужчины, и признает их; мужчина открывает будущее, к которому, трансцендируя, обращена и она; женщины никогда по-настоящему не противопоставляли мужским ценностям ценности женские – это разделение придумали мужчины, желая сохранить мужские прерогативы; они стремились создать сферу женского – правила жизни, имманентного, – только чтобы замкнуть в ней женщину, но существующий ищет оправдания себе в процессе трансценденции вне любых половых различий, и свидетельством тому – само подчинение женщин. Сегодня они требуют, чтобы их признали существующими наравне с мужчинами, а не того, чтобы подчинить экзистенцию жизни, а человека – его животному началу.

Таким образом, экзистенциальный подход позволил нам понять, каким образом биологическая и экономическая ситуация в примитивных племенах повлекла за собой господство мужчин. Самка в большей степени, чем самец, подчинена виду; человечество всегда стремилось вырваться за рамки своего особого удела; с изобретением орудий труда поддержание жизни стало для мужчины деятельностью и проектом, тогда как женщина в материнстве осталась прикована к своему телу, как животное. Мужчина стал полагать себя по отношению к женщине как господин, ибо человечество в своем бытии задается вопросом о самом себе, то есть предпочитает жизни смыслы жизни; проект мужчины не в том, чтобы повторяться во времени, а в том, чтобы, восторжествовав над мгновением, ковать будущее. Именно мужская деятельность, создавая ценности, утвердила само существование как ценность; она одержала верх над смутными силами жизни; она поработила Природу и Женщину. Теперь нам предстоит проследить, как это положение вещей сохранялось и развивалось на протяжении веков. Какое место уделяло человечество той части себя, какая внутри его определилась как Другой? Какие права были признаны за этой частью? Какое определение дали ей мужчины?

Как мы видели, участь женщины в первобытном племени очень тяжела; у самок животных репродуктивная функция естественно ограничена, а когда она реализуется, особь практически полностью избавлена от других забот; только самок домашних животных требовательный хозяин доводит порой до истощения, эксплуатируя как их репродуктивные, так и индивидуальные возможности. Вероятно, во времена, когда борьба с враждебным миром требовала полного привлечения всех ресурсов общины, так же обстояло дело и с женщиной; к бремени беспрестанного и беспорядочного деторождения добавлялись тяжелые домашние обязанности. Однако некоторые историки утверждают, что именно на этом этапе меньше всего выражено мужское превосходство; правильнее было бы сказать, что превосходство это переживается еще непосредственно, его не полагают намеренно; никто не пытается восполнить жестокую обделенность и неполноценность женщины, но никто и не стремится ее притеснять, как это будет позже, при патерналистском строе. Неравенство полов не закреплено ни в каких институтах, да и сами институты отсутствуют – нет ни собственности, ни наследства, ни права. Религия нейтральна: все поклоняются какому-нибудь бесполому тотему.

Лишь когда кочевники закрепились на земле и стали земледельцами, возникают первые институты и право. Человек уже не ограничивается суровой борьбой с враждебными силами; он начинает конкретно выражать себя через образ, предъявленный им миру, осмыслять этот мир и самого себя; в этот период дифференциация полов отражается в структуре сообщества, приобретая особый характер: в земледельческих общинах женщину часто наделяют необычайным авторитетом. Авторитет этот объясняется главным образом тем совершенно новым значением, какое приобретает ребенок в цивилизации, основанной на обработке земли; обосновавшись на той или иной территории, люди присваивают ее себе; возникает собственность, пока в коллективной форме; она требует от владельцев потомства; материнство становится сакральной функцией. Многие племена живут общиной, но это не значит, что женщины принадлежат всем мужчинам сообщества; сегодня уже никто не верит, что брак когда-либо существовал в форме промискуитета, но религиозное, социальное и экономическое существование мужчин и женщин является только групповым, их индивидуальность остается чисто биологическим фактом; брак в любой форме – моногамии, полигамии или полиандрии – также является чисто мирской случайностью, не создающей никакой мистической связи. Для супруги он ни в коей мере не является источником угнетения, она продолжает быть частью своего племени. Племя целиком, объединенное одним тотемом, мистически обладает единой маной, а материально – владеет одной территорией. В соответствии с процессом отчуждения, о котором я говорила выше, племя осмысляет себя на этой территории в объективном и конкретном образе; то есть через постоянное место обитания оно реализуется как единое целое, чья идентичность сохраняется в дисперсии времени. Только такой экзистенциальный подход позволяет понять дожившую до наших дней идентификацию между племенем, людьми, семьей и собственностью. Земледельческая община замещает мировоззрение кочевых племен, для которых существует только сиюминутное, новым мировоззрением, где жизнь коренится в прошлом и присваивает себе будущее: она поклоняется предку-тотему, который дает имя ее членам, и глубоко заинтересована в своих потомках – ведь ее жизнь продолжится в земле, которую она им завещает и которую они будут обрабатывать. Община сознает себя как единое целое и хочет, чтобы

ее существование сохранялось не только в настоящем: она узнает себя в детях, признает их своими, реализуется в них и в них преодолевает себя.

Но многим первобытным людям неизвестно, какое участие принимает отец в деторождении; детей рассматривают как реинкарнацию духов предков, витающих вокруг определенных деревьев и скал, в некоторых священных местах и нисходящих в тело женщины; иногда полагают, что эта инфильтрация возможна, только если женщина утратила девственность, но другие народы верят, что она точно так же происходит через ноздри или через рот; так или иначе, дефлорация здесь вторична и по разным мистическим причинам редко считается привилегией мужа. Мать же безусловно необходима для рождения ребенка; она вынашивает и питает зародыш в своем чреве, а значит, через нее передается в видимом мире жизнь племени. Тем самым она играет главную роль. Чаще всего дети принадлежат к роду матери, носят его имя и пользуются его правами, в частности правом на землю, находящуюся во владении рода. То есть общинная собственность передается по женской линии: благодаря женщинам члены общины обеспечены полями и урожаем, и наоборот: поля и урожай принадлежат к тому или иному владению благодаря матерям. Значит, можно сделать вывод, что в мистическом плане земля принадлежит женщинам: они имеют одновременно религиозную и правовую власть над землей и ее продуктами. Связь, объединяющая их, теснее, чем просто владение; для материнского права характерно самое настоящее отождествление женщины и земли; в них обеих воплощается в разных обликах непрерывность жизни – жизни, в основе своей рождающей. Кочевникам рождение детей кажется всего лишь случайностью, а о богатствах земли они не ведают; земледелец же восхищается тайной плодородия, расцветающего в борозде пашни и в материнском чреве; он знает, что сам рожден так же, как скот или хлеб, он хочет, чтобы его племя порождало новых людей, которые увековечат его, увековечивая плодородие полей; вся природа представляется ему матерью; земля – это женщина; и в женщине обитают те же неизвестные силы, что и в земле[32 – «Привет тебе, Земля, мать людей, будь плодородна в объятиях Божиих и преисполнись плодов на благо человеку», – гласит древнее англосаксонское заклинание.]. Отчасти поэтому ей доверен сельскохозяйственный труд: если она способна призвать в свое чрево духов предков, значит в ее силах заставить засеянные поля приносить в изобилии плоды и колосья. В обоих случаях речь идет не о сотворении, но о магическом заклинании. На этом этапе человек уже не довольствуется собирательством земных плодов, но пока еще не ведает своего могущества; он колеблется между техническими средствами и магией; он чувствует себя пассивным, зависимым от Природы, которая по своей прихоти раздает существование и смерть. Конечно, он более или менее признает пользу полового акта и технических способов обработки земли, но дети и урожай все равно представляются ему сверхъестественными дарами; и богатства, заложенные у таинственных истоков жизни, притягиваются в этот мир таинственными испарениями, исходящими от женского тела. Подобные верования еще и сегодня живы у многих индейских, австралийских и полинезийских племен[33 – В Уганде и у индийского племени бханту бесплодная женщина считается опасной для садов. На Никобарских островах верят, что урожай будет более обильным, если его посеяла беременная женщина. На Борнео именно женщины отбирают и хранят семена. «В них словно ощущают природное сродство с семенами, о которых сами женщины говорят как о беременных. Иногда в период созревания риса женщины проводят ночь на рисовых полях» (Хоуз и МакДугалл). В Передней Индии обнаженные женщины ночью обходят с плугом вокруг поля. Индейцы бассейна реки Ориноко

предоставляли сажать и сеять женщинам, ибо «женщины сами умеют рожать и знают, как сделать, чтобы семя принесло плоды. Так пусть они и сеют. В этом деле нам, мужчинам, с ними не сравняться» (Фрэзер). У Фрэзера можно найти множество подобных примеров.]; их значение тем более велико, что они прекрасно отвечают практическим интересам общины. Материнство обрекает женщину на оседлый образ жизни; естественно, что, пока мужчина охотится, рыбачит, воет, она остается у домашнего очага. Но первобытные народы возделывают лишь небольшие сады и огороды, находящиеся в пределах деревни; их обработка – это домашний труд; орудия каменного века не требуют слишком больших усилий; экономика и мистика сообща оставляют земледелие женщинам. Зарождающаяся домашняя промышленность также достается в удел женщинам: они ткут ковры и покрывала, изготавливают глиняную посуду. Часто именно они ведают товарообменом – торговля находится в их руках. То есть именно через них сохраняется и продолжается жизнь племени; от их труда и магических свойств зависят дети, стада, урожаи, домашняя утварь – все благоденствие группы, душой которой они являются. Их могущество внушает мужчинам смешанное чувство почтения и ужаса, отражающееся в их культе. В женщинах воплощается вся чуждая Природа.

Как мы уже говорили, человек мыслит себя, только помыслив Другого; он воспринимает мир под знаком дуализма; вначале этот дуализм не имел половой окраски. Но поскольку женщина отличается от мужчины, полагающего себя как того же, она естественно попадает в категорию Другого; Другой вбирает в себя женщину; поначалу ее значение еще не так велико, чтобы она могла одна воплощать это понятие, вследствие чего внутри Другого намечается подразделение: в древних космогониях одна и та же стихия часто имеет и мужскую и женскую инкарнацию; так, у вавилонян Океан (мужчина) и Море (женщина) выступают двойным воплощением космического хаоса. Когда роль женщины возрастает, она поглощает область Другого почти целиком. Тогда появляются женские божества, чей культ связан с поклонением идее плодородия. В Сузах было найдено древнейшее изображение Великой богини-матери в длинном одеянии и высоком головном уборе; другие ее статуи увенчаны башнями; несколько таких изображений было обнаружено при раскопках на Крите. Ее представляют то широкозадой и сидящей на корточках, то скорее худой и стоящей, иногда одетой, но чаще всего обнаженной, со сжатыми под налитой грудью руками. Она владычица небес в образе голубя; она же повелительница преисподней, откуда выползает ее символ – змея. Она являет себя в горах и лесах, на море и в родниках. Она повсюду творит жизнь и, убивая, воскрешает. Капризная, сладострастная, жестокая, как Природа, благодатная и грозная одновременно, она царит над всей Эгеидой, Фригией, Сирией, Анатолией, над всей Передней Азией. В Вавилоне ее называют Иштар, у семитских народов – Астартой, у греков – Геей, Реей или Кибелой; в Египте мы встречаем ее в образе Исиды; все мужские божества подчинены ей. Женщина, верховный идол в горних сферах и в преисподней, на земле окружена табу, как любое сакральное существо; она сама и есть табу; в силу ее могущества в ней видят волшебницу, ведьму; ее связывают с молитвой, иногда она становится жрицей, как женщины-друиды у древних кельтов; в ряде случаев она участвует в управлении племенем и даже, бывает, правит им в одиночку. От тех давних времен не осталось никакой литературы. Но мифология, сооружения, традиции великих патриархальных периодов хранят в своей памяти времена, когда женщины занимали очень высокое положение. С женской точки зрения, эпоха брахманов была шагом назад по сравнению с эпохой Ригведы, а та – шагом назад по

сравнению с предшествующим первобытным этапом. Статус бедуинок в доисламскую эпоху был гораздо выше, чем тот, что закреплен в Коране. Великие образы Ниобы и Медеи отсылают к эре, когда матери преисполнялись гордости, считая детей своим личным достоянием. А Андромаха и Гекуба в гомеровских поэмах обладают таким влиянием, какого классическая Греция уже не признает за женщинами, скрытыми в тени гинекея.

На основании этих фактов было выдвинуто предположение, что в первобытные времена существовало настоящее Царство женщин; эту гипотезу Бахофена подхватил Энгельс, для которого переход от матриархата к патриархату знаменовал собой «всемирно-историческое поражение женского пола». Но в действительности золотой век Женщины – не более чем миф. Если женщина была Другим, значит между полами не существовало обоюдных отношений: женщина-земля, мать, богиня никогда не была для мужчины ему подобной; ее могущество утверждалось по ту сторону человеческого царства, то есть сама она была вне этого царства. Общество всегда было мужским; политическая власть всегда принадлежала мужчинам. «Публичная или просто общественная власть всегда принадлежит мужчинам», – утверждает Леви-Стросс в конце своего исследования, посвященного первобытным обществам. Для мужчины ему подобный, т. е. другой, который одновременно и тот же самый, с которым устанавливаются обоюдные отношения, – это всегда индивид-мужчина. Дуализм, который в той или иной форме проявляется внутри любой общины, есть противопоставление одной группы мужчин другой – женщины входят в состав имущества, которым владеют мужчины, и служат предметом обмена между ними. Заблуждение возникло из-за того, что оказались смешаны два строго взаимоисключающих образа инаковости. Постольку, поскольку женщина рассматривается как абсолютный Другой, то есть – несмотря на всю свою магию – как несущественное, ее никоим образом невозможно считать другим субъектом [34 – Как мы увидим, такое разделение утвердилось надолго. В эпохи, когда женщина воспринималась как Другой, ее особенно упорно отказывались включать в общество на правах человеческого существа. Сегодня она становится другой, но подобной только за счет утраты мистического ореола. Именно на этой двусмысленности всегда играли антифеминисты. Они охотно соглашались превозносить женщину как Другого, дабы представить ее инаковость как абсолютную и неделимую и отказать ей в доступе к человеческому *mitsein*.]. Следовательно, женщины никогда не образовывали отдельной группы, которая полагала бы себя как таковую в противовес группе мужчин; они никогда не состояли в прямой, автономной связи с мужчинами. «Обоюдная связь, лежащая в основе брака, установилась не между мужчинами и женщинами, а между мужчинами посредством женщин, которые явились лишь основным поводом для нее», – пишет Леви-Стросс [35 – См.: Леви-Стросс К. Элементарные структуры родства.]. Конкретное положение женщины не зависит от типа родственных связей, преобладающего в обществе, к которому она принадлежит; и при патрилинейной, и при матрилинейной, и при билинейной или недифференцированной (недифференцированность никогда не выдерживается строго) системе родства женщина всегда находится под опекой мужчин; вопрос лишь в том, остается ли она после брака по-прежнему во власти отца или старшего брата – власти, которая будет распространяться и на ее детей, – или переходит во власть мужа. В любом случае «женщина сама по себе – всего лишь символ своего рода... матрилинейное родство есть рука отца или брата женщины, дотянувшаяся до деревни мужа» [36 – Там же.]. Она лишь посредница в передаче права, но не его держательница. На самом деле типом родства определяются отношения между двумя мужскими группами, а не отношения

полов. На практике конкретное положение женщины не связано сколько-нибудь устойчиво с тем или иным типом права. Случается, что в системе матрилинейного родства она занимает весьма высокое положение (не следует, однако, упускать из виду, что наличие женщины-вождя, царицы, во главе племени отнюдь не означает, что в нем правят женщины: восшествие на русский престол Екатерины Великой нисколько не изменило судьбы русских крестьянок), но не реже бывает и так, что она живет в унижении. К тому же случаи, когда жена остается в своем племени, а мужу дозволено лишь наносить ей краткие и даже тайные визиты, встречаются крайне редко. Она почти всегда переселяется в дом супруга – одного этого достаточно для демонстрации мужского превосходства. «При всех колебаниях форм родства, – говорит Леви-Стросс, – постоянное проживание в доме мужчины свидетельствует об изначальной асимметрии полов, характерной для человеческого общества». Поскольку детей она держит при себе, получается, что территориальная организация племени не пересекается с его тотемической организацией: вторая тщательно выстроена, первая случайна, но на практике первая важнее, потому что место, где люди живут и работают, более значимо, чем их мистическая принадлежность. При переходных, наиболее распространенных формах родства сосуществуют и проникают друг в друга два вида права: одно религиозное, другое – основанное на месте проживания и обработке земли. Хотя брак является светским институтом, он имеет огромное значение для общества; семья, супружество, пусть и лишенное религиозного смысла, в человеческом плане очень существенно. Даже в тех сообществах, где наблюдается бо́льшая сексуальная свобода, женщине, производящей на свет ребенка, подобает быть замужем; одной со своим потомством ей не удастся создать автономную группу; религиозного покровительства брата для этого недостаточно, требуется присутствие супруга. Часто он несет бо́льшую ответственность за детей; они и не принадлежат к его роду, но он кормит их и воспитывает; между мужем и женой, отцом и сыном возникают узы, основанные на совместном проживании, общем труде и интересах, взаимной нежности. Отношения между светской семьей и тотемическим родом очень сложны; об этом свидетельствует разнообразие брачных обрядов. Первоначально муж покупает жену у другого клана, или по крайней мере два клана совершают обмен: один отдает своего члена, другой – скот, плоды или труд. Но поскольку муж берет на себя заботу о жене и ее детях, то ему случается получать от братьев возмещение ущерба. Равновесие между мистическими и экономическими реалиями весьма шатко. Часто мужчина куда сильнее привязан к своим детям, чем к племянникам; когда ему представится возможность утвердить себя в качестве отца, он предпочтет именно ее. А потому, как только общество в своем развитии подводит человека к осознанию себя и проявлению своей воли, оно начинает тяготеть к патриархальной форме. Однако важно подчеркнуть, что даже в те времена, когда мужчина терялся перед таинствами Жизни, Природы и Женщины, он все равно не был лишен власти; когда он, в страхе перед опасной магией, таящейся в женщине, полагает ее как существенное, именно он полагает ее и в этом осознанном отчуждении сам реализуется как существенное; несмотря на все ее плодородные свойства, мужчина остается ее господином, как и господином плодородной земли; ей суждено быть подчиненной, покоренной, эксплуатируемой, как сама Природа, магическое плодородие которой она собой воплощает. Авторитет, которым она пользуется в глазах мужчин, получен ею от них; они преклоняют колена перед Другим, поклоняются богине-матери. Какой бы могущественной она ни казалась, осмысливают ее в понятиях, выработанных мужским сознанием. Все изобретенные мужчиной

идолы, какими бы пугающими они ни представлялись, подчинены ему, поэтому в его силах будет их разрушить. В примитивных обществах это подчинение не признано и не осознано, но существует непосредственно в себе; и как только человек яснее осознает себя, как только осмелится утверждать себя в противопоставлении другим, оно будет с легкостью опосредовано. На самом деле, даже когда человек воспринимает себя как пассивную данность, зависимую от капризов погоды, он в то же время осуществляет себя как трансценденцию, как проект; его ум и воля уже утверждают себя в противовес путанице и случайности жизни. В животном или древесном имени тотемического предка, все множество ипостасей которого воплощает женщина, более или менее отчетливо выражается мужское начало; в женщине увековечено его плотское существование, но ее роль лишь в том, чтобы вскармливать, а не созидать; она не творит ни в одной области; она поддерживает жизнь племени, давая ему детей и хлеб, ничего больше – она навеки обречена на имманентность; она воплощает лишь статичный, замкнутый на себе аспект общества. Тогда как мужчина продолжает присваивать функции, открывающие это общество навстречу природе и человечеству в целом; единственно достойные его занятия – это война, охота, рыболовство, он добывает чужое и присоединяет добычу к своему племени; война, охота, рыбная ловля представляют собой экспансию существования, его преодоление себя к миру; мужчина остается единственным воплощением трансценденции. У него пока нет практических средств для полного господства над Женщиной-Землей, он пока не осмеливается восстать против нее – но уже хочет от нее оторваться. На мой взгляд, именно в этом стремлении следует искать глубинную причину знаменитого обычая экзогамии, столь распространенного в обществах с матрилинейным родством. Даже если мужчина ничего не знает о своей роли в деторождении, он придает большое значение браку: женившись, он возводится в достоинство взрослого и получает во владение свою долю мира; через мать он связан со своим родом, предками, со всем, что образует его сущность, но во всех светских функциях – труде, браке – он стремится вырваться из этого круга, противопоставить трансцендентность имманентности, открыть для себя будущее, отличное от прошлого, куда уходят его корни; в зависимости от типа родства, принятого в разных обществах, запрет инцеста принимает разные формы, но смысл его остается прежним с первобытной эпохи до наших дней: мужчина желает обладать тем, чем он не является; он соединяется с тем, что предстает для него Другим, нежели он сам. Значит, жена не должна принадлежать к мане мужа, должна быть ей чужой, то есть чужой для его племени. В основе первобытного брака иногда лежит похищение, либо реальное, либо символическое, ибо насилие над другим есть наиболее наглядное утверждение его инаковости. Силой завоевывая себе жену, воин доказывает, что сумел присвоить чужое богатство и сломать границы удела, заданного ему рождением; покупка жены в различных формах – уплата выкупа, предоставление услуг – имеет тот же смысл, хоть и не столь ярко выраженный[37 – Подтверждение этой мысли в несколько иной форме мы находим в цитированной выше диссертации Леви-Стросса. Из его анализа следует, что запрет инцеста ни в коей мере не был первичным фактом, повлекшим за собой экзогамию; в нем в негативной форме отражается позитивная воля к экзогамии. Для того чтобы женщина не годилась стать предметом торга между мужчинами своего рода, нет никаких непосредственных причин, но с социальной точки зрения важно, чтобы она была частью даров, посредством которых каждый род устанавливает с другим обоюдные отношения, вместо того чтобы замыкаться на себе: «Экзогамия обладает не столько негативной, сколько позитивной ценностью... она исключает эндогамный брак не потому, что кровосмесительный брак связан с

биологическим риском, а потому, что экзогамный брак полезен для общества». Группа не должна единолично пользоваться женщинами, составляющими часть ее достояния, – ей следует сделать их орудием общения с другими группами; брак с женщиной из своего рода запрещен «лишь потому, что она – то же, тогда как она должна (а значит, может) стать другим... Продавать в рабство могут тех же самых женщин, которых первоначально приносили в дар. И тем и другим нужно лишь нести на себе знак инаковости, который есть следствие определенного положения в данной структуре, а не врожденным свойством».] .

Понемногу человек опосредовал свой опыт, и мужское начало восторжествовало как в его представлениях, так и в практическом существовании. Дух одержал верх над Жизнью, трансценденция – над имманентностью, техника – над магией, разум – над суеверием. Обесценение женщины являет собой необходимый этап в истории человечества, ибо ее авторитет зиждился не на ее позитивной ценности, но на слабости мужчины; в ней воплощались тревожные тайны природы: мужчина избавляется от ее власти, когда освобождается от природы. Покорить своим трудом землю и покорить самого себя ему позволил переход от камня к бронзе. Земледелец зависит от прихотей земли, всходов, времен года, он пассивен, он заклинает и ждет – поэтому человеческий мир был населен тотемическими духами; крестьянин претерпевал капризы осаждавших его стихий. Рабочий же, наоборот, мастерит орудие труда согласно собственному замыслу; он своими руками создает образ своего проекта; он утверждает себя как верховную волю перед лицом инертной природы, которая ему противится, но которую он побеждает; чем быстрее он будет бить по наковальне, тем быстрее закончит орудие – тогда как ускорить созревание колосьев не может ничто; он учится ответственности за изготовленную вещь: ловким или неловким движением он придает ей форму или ломает ее, осторожно и умело доводит ее до совершенства, которым гордится: его успех зависит не от милости богов, а от него самого. Он бросает вызов товарищам, хвалится своими достижениями и, хоть и уделяет еще некоторое внимание обрядам, считает точные технические приемы куда более важными; мистические ценности отходят на второй план, а на первый выдвигаются практические интересы; он не совсем освобождается от богов, но отделяет их от себя, сам отделяясь от них; он отправляет их на небо, на Олимп, а себе оставляет сферу земного; с первым ударом молота великий Пан начинает чахнуть и наступает царство человека. Он научается своей власти. Он на опыте постигает причинно-следственную связь – в отношении своей творящей руки и изготовленного предмета: посеянное зерно может прорасти, а может и не прорасти, тогда как металл всегда одинаково реагирует на огонь, закалку, механическое воздействие; этот мир инструментов укладывается в четкие и ясные понятия – теперь могут возникнуть рациональное мышление, логика и математика. Образ мира в корне меняется. Культ женщины был связан с царством земледелия, царством неизменной длительности, случайности, непредсказуемости, ожидания, тайны; культ же homo faber есть царство времени, которое, как и пространство, можно покорить, царство необходимости, проекта, действия, разума. Отныне, даже имея дело с землей, человек будет подходить к ней как рабочий; он обнаруживает, что почву можно удобрять, что ей полезно давать отдохнуть, что с такими-то посевами следует обращаться так, а не иначе: именно он выращивает урожай; он роет каналы, орошает или осушает почву, прокладывает дороги, возводит храмы – он заново творит мир. Народы, оставшиеся под властью богини-матери и сохранившие матрилинейную систему родства, так и остановились на стадии первобытной цивилизации. Дело в

том, что женщина была почитаема лишь постольку, поскольку мужчина пребывал рабом собственных страхов, потакал собственной беспомощности: он поклонялся женщине из страха, а не из любви. Чтобы осуществить себя, ему для начала нужно было свергнуть ее с престола [38 – Разумеется, это необходимое, но недостаточное условие; есть и патрилинейные цивилизации, застывшие на первобытной стадии; есть и такие, развитие которых пошло вспять, как у майя. Между обществами с материнским и отцовским правом нет абсолютной иерархии, но только последние достигли определенного уровня технического и идеологического развития.]. Теперь он будет признавать владычество мужского начала, созидательной силы, света, разума и порядка. Рядом с богиней-матерью возникает бог, сын или возлюбленный, который пока еще уступает ей, но похож на нее как две капли воды и неразрывно с ней связан. Он тоже воплощает плодородное начало: это бык, Минотавр, Нил, оплодотворяющий долины Египта. Он умирает осенью и воскресает весной, после того как неколебимая, но безутешная супруга-мать приложит все усилия, чтобы найти и оживить его тело. Эта пара впервые появляется на Крите, а потом встречается на всем побережье Средиземного моря: в Египте это Исида и Гор, в Финикии – Астарта и Адонис, в Малой Азии – Кибела и Аттис, а в Древней Греции – Рея и Зевс. Затем Великая Мать лишилась престола. В Египте, где положение женщины остается исключительно благополучным, богиня Нут, воплощающая небо, и Исида, плодоносная земля, супруга Нила-Осириса, по-прежнему сохраняют огромное значение, но верховным божеством все же является Ра, бог солнца, света и мужской энергии. Иштар в Вавилоне отныне всего лишь супруга Бел-Мардука; именно он творит все вещи и обеспечивает их гармонию. Бог семитов – мужского пола. Когда на небесах воцаряется Зевс, Гее, Рее и Кибеле приходится отречься от престола, а Деметра остается хоть и могущественным, но второстепенным божеством. У ведических богов есть супруги, но их почитают меньше. Римский Юпитер не знает себе равных [39 – Интересно отметить (см.: Végouen M. Journal de Psychologie, année 1934), что в ориньякской культуре часто встречаются статуэтки, изображающие женщин с подчеркнуто преувеличенными половыми признаками: они отличаются полнотой и преувеличенной значимостью вульвы. К тому же в пещерах обнаружены и просто грубые рисунки вульвы. В солютрейский и магдаленский период такие изображения исчезают. Мужские статуэтки в ориньякской культуре очень редки, а изображения мужского члена отсутствуют. В магдаленский период иногда встречаются изображения вульв, но их мало, зато фаллосы обнаружены в большом количестве.].

Итак, торжество патриархата не было ни случайностью, ни результатом насильственной революции. С самого возникновения человеческого рода биологические преимущества позволили мужчине утвердиться как единственному полновластному субъекту; от этих преимуществ он никогда не отрекался; частично его существование было отчужденным в Природе и в Женщине, но затем он снова отвоевал его. Обреченная на роль Другого, женщина также была обречена и на то, что могущество ее будет непрочным, – кем бы она ни была, рабыней или идолом, ей никогда не суждено самой избирать свой удел. «Мужчины создают богов, женщины им поклоняются», – сказал Фрэзер. И только мужчины решают, будут ли их божества женского или мужского пола; женщина всегда занимает в обществе то место, которое отводят ей мужчины; ни в какие времена ей не удавалось установить свой закон.

Возможно, правда, что, если бы производительный труд и впредь был по силам женщине, она бы вместе с мужчиной покоряла природу; человеческий род противопоставил себя богам в лице индивидов мужского и женского пола, но женщина не смогла овладеть возможностями, что сулили орудия труда, Энгельс недостаточно полно объяснил суть ее поражения: мало сказать, что изобретение бронзы и железа коренным образом изменило соотношение производительных сил и что женщина тем самым попала в невыгодное положение; самого по себе этого невыгодного положения недостаточно, чтобы объяснить, почему она попала под гнет мужчины. Пагубным для нее оказалось то обстоятельство, что, не став для работника товарищем по труду, она была исключена из человеческого *mitsein*; исключение это нельзя обосновать ее слабостью и более низкой производительностью труда; мужчина не признал ее себе подобной потому, что она не разделяла его способа труда и образа мыслей, что она пребывала во власти тайн жизни; а раз он не принимал ее, раз она сохраняла в его глазах статус другого, то единственное, что он мог сделать, – это стать ее угнетателем. Мужская воля к экспансии и господству превратила женскую слабость в проклятие. Человек хотел максимально использовать новые возможности, которые открыла перед ним новая техника, – и прибегнул к подневольной рабочей силе, обратил в рабство себе подобных. Поскольку труд рабов гораздо производительнее труда женщины, она утратила экономическую роль, которую играла в племени. А господин нашел в отношениях с рабом куда более радикальное подтверждение своему господству, чем в своей ограниченной власти над женщиной. Поскольку женщина внушала почтение и страх своей способностью к деторождению, поскольку она была другой, нежели мужчина, а значит, обладала тревожными чертами другого, постольку она в известной степени держала в зависимости мужчину, пусть и сама зависела от него; обоюдные отношения господина и раба актуализовывались для нее на деле, и тем самым она избегала рабства. Раб не защищен никаким табу, он – всего лишь подчиненный, не иной, а низший, и актуализация диалектического механизма его отношений с господином займет целые столетия; в сложившемся патриархальном обществе раб есть лишь вьючное животное с человеческим лицом, и господин обладает над ним тиранической властью; это наполняет господина гордыней, и он обращает ее против женщины. Все, что он выигрывает, он выигрывает в ущерб ей; чем могущественнее становится он, тем ниже падает она. В частности, став собственником земли[40 – См. часть первую, главу III.], он требует и собственности на женщину. Прежде он был во власти маны, земли вообще – теперь у него есть своя, отдельная душа и конкретные земли; освободившись от власти Женщины как таковой, он претендует на конкретную женщину и свое потомство. Он хочет, чтобы семейный труд, используемый им во благо своих полей, был целиком его, а для этого нужно подчинить себе всех работников – так он поработает жену и детей. Ему нужны наследники, в которых продолжится его земная жизнь, ибо они унаследуют его владения и после его смерти воздадут почести, необходимые для упокоения его души. На утверждающуюся частную собственность наслаивается культ домашних богов, и наследник играет одновременно и хозяйственную, и мистическую роль. С того момента как земледелие перестает быть по сути своей магическим действием и превращается прежде всего в созидательный труд, мужчина являет себя как порождающая сила; он притязает на своих детей точно так же, как на свой урожай[41 – Подобно тому как женщина отождествлялась с бороздой, фаллос теперь отождествляется с плугом, и наоборот. На одном рисунке касситской эпохи к изображению плуга добавлены символы полового акта; впоследствии тождество фаллоса и плуга нередко находило отражение в скульптуре. В

некоторых австроазиатских языках слово «Iak» означает одновременно «фаллос» и «заступ». Существует ассирийская молитва, обращенная к богу, «чей плуг оплодотворил землю».] .

Главная идеологическая революция в первобытные времена состояла в переходе от родства по материнской линии к агнати – родству по линии мужской; отныне мать низводится до уровня кормилицы, прислуги, а всю полноту власти получает отец; все права принадлежат ему и передаются через него. Аполлон в «Эвменидах» Эсхила возвещает эти новые истины: «Дитя родит отнюдь не та, что матерью зовется. Нет, ей лишь вскормить посев дано. Родит отец. А мать, как дар от гостя, плод хранит, когда вреда не причинит ей бог»[42 – Перевод С. Апта. (Прим. ред.)]. Очевидно, что подобные утверждения проистекают не из научного открытия, – это символ веры. Видимо, познав на техническом опыте понятие причинности и почерпнув из него уверенность в собственных созидательных способностях, мужчина пришел к выводу, что для продолжения рода он так же необходим, как и мать. Идея предшествовала наблюдению, но наблюдение всего лишь отводит отцу роль, равную роли матери: оно заставляет предполагать, что естественное условие зачатия – это встреча спермы и менструации; мысль Аристотеля о том, что женщина есть только материя, тогда как «лучшее и божественное есть начало движения, являющееся в существах, возникающих мужским»[43 – Аристотель. О возникновении животных (перевод В. П. Карпова. – Прим. ред.)], отражает волю к могуществу, превосходящую любое знание. Приписывая потомство исключительно себе, мужчина окончательно освобождается от власти женского начала и отвоевывает у женщины господство над миром. Отныне уделом женщины становится деторождение и выполнение вспомогательных задач, она утрачивает и практическую значимость, и мистический авторитет, превращаясь в служанку.

Мужчины представили это завоевание как результат ожесточенной борьбы. В одной из древнейших космогоний, ассиро-вавилонской, есть рассказ об их победе: текст его датируется VII веком, но воспроизводит гораздо более древнюю легенду. Океан и Море, Атум и Тиамат породили мир небесный, мир земной и всех великих богов, но те показались им чересчур буйными, и они решили их уничтожить; войну с самым сильным и прекрасным из своих потомков Бел Мардуком вела Тиамат, женщина-мать; сойдясь с ней в поединке, он после жестокой битвы убил ее и рассек ее тело пополам; из одной половины он сотворил небесный свод, из другой – опору земного мира, затем упорядочил вселенную и создал людей. В драме «Эвмениды», иллюстрирующей торжество патриархата над материнским правом, Орест тоже убивает Клитемнестру. Благодаря этим кровавым победам мужская мощь, солярные силы порядка и света одерживают верх над женским хаосом. Суд богов оправдывает Ореста, провозглашая, что он в первую очередь сын Агамемнона, а уже потом Клитемнестры. Древнее материнское право умерло – его убил дерзкий бунт мужчины. Однако на самом деле, как мы видели, переход к отцовскому праву совершался долго и медленно. Победа мужчины была отвоеванием: он завладел лишь тем, чем уже обладал, привел право в соответствие с реальностью. Ни борьбы, ни победы, ни поражения не было. Впрочем, в этих легендах есть глубокий смысл. Как только человек утверждает себя в качестве субъекта и свободы, идея Другого опосредуется. Отныне отношения с Другим – это драма: существование Другого несет в себе угрозу, опасность. Ранняя греческая философия показала – и Платон с ней в этом согласен, – что инаковость есть то же, что отрицание, то есть Зло. Полагание Другого есть основа манихейства. Именно поэтому все религии и

своды законов столь враждебны к женщине. В эпоху, когда человечество достигло такого уровня развития, что смогло записать свою мифологию и законы, патриархат уже установился окончательно – своды законов составляют мужчины. Вполне естественно, что женщине они отводят подчиненное положение, но можно было бы ожидать, что они отнесутся к ней столь же доброжелательно, как к детям и домашней скотине. Ничего подобного. Законодатели, закрепляя господство над женщиной, боятся ее. Из ее двояких свойств выделяется прежде всего их пагубный аспект: из священной она становится нечистой. Ева, дарованная в подруги Адаму, погубила род человеческий; языческие боги, желая отомстить людям, создают женщину, и первое же существо женского пола, Пандора, выпускает на волю все зло, от которого страдают люди. Другой – это пассивность перед лицом активности, разнообразие, уничтожающее единство, материя, противостоящая форме, беспорядок, сопротивляющийся порядку. Женщина тем самым обречена Злу. «Есть доброе начало, сотворившее порядок, свет и мужчину, и злое начало, сотворившее хаос, мрак и женщину», – говорит Пифагор. Законы Ману определяют ее как существо низкое, которое подобает держать в рабстве. Книга Левит приравнивает ее к скоту, которым владеет патриарх. Законы Солона не наделяют ее никакими правами. Римский кодекс отдает ее под опеку и заявляет о ее «глупости». Каноническое право рассматривает ее как «врата дьявола». Коран говорит о ней с величайшим презрением.

Тем не менее Зло необходимо Благу, материя – идее, а ночь – свету. Мужчина знает, что, если он хочет удовлетворить свои желания и продлить свое существование, без женщины ему не обойтись; ее следует включить в общество: в той мере, в какой она подчиняется установленному мужчинами порядку, она чиста от изначальной скверны. Эта мысль отчетливо выражена в законах Ману: «Каковы качества мужа, с которым жена сочетается согласно правилу, такие качества она и приобретает, как река, соединенная с океаном», – и после смерти может быть допущена на то же небо. Библия рисует хвалебный портрет «сильной женщины». Христианство, несмотря на свою ненависть к плоти, почитает давшую обет девственности и целомудренную, покорную супругу. Женщина, причастная к культу, даже может играть важную религиозную роль: жены брахманов в Индии или жрецов-фламингов в Риме не менее святы, чем их мужья; в супружеской паре господствует мужчина, но союз мужского и женского начал по-прежнему необходим для обеспечения плодородия, для жизни и общественного порядка.

Эта амбивалентность Другого, женского отразится во всей дальнейшей истории женщины, которая вплоть до наших дней останется во власти мужской воли. Но воля эта двойственна: полное присвоение женщины низвело бы ее до уровня вещи, мужчина же хочет наделить своим достоинством все, что он завоевывает и чем обладает; Другой сохраняет в его глазах остатки своей изначальной магии; как сделать из супруги прислугу и одновременно подругу – вот одна из проблем, которую он будет пытаться решить; на протяжении веков его поведение будет меняться, что повлечет за собой перемены и в женском уделе [44 – Мы проследим эту эволюцию на Западе. История женщины на Востоке, в Индии и Китае есть на самом деле история долгого и неизбывного рабства. В центре нашего исследования будет находиться Франция, от Средневековья до наших дней: ее история достаточно типична.]

Возникновение частной собственности лишило женщину власти, и с частной собственностью будет на протяжении веков связана ее судьба: история женщины во многом пересекается с историей наследования. Основопологающее значение этого института можно понять, если учесть, что собственник отчуждает свое существование в собственности; он дорожит ею больше, чем самой жизнью; собственность выходит за узкие рамки преходящей человеческой жизни, продолжает жить после гибели тела: она – земное, зримое воплощение бессмертной души, но эта жизнь после смерти возможна лишь в том случае, если собственность остается в руках владельца, – а чтобы принадлежать ему и после смерти, она должна оставаться у людей, в которых он видит свое продолжение, узнает самого себя, которых считает своими. Для наследника возделывать отцовскую землю и поклоняться манам отца – две стороны одной и той же обязанности: он продолжает жизнь предков на земле и в загробном мире. А значит, мужчина никогда не станет делиться с женщиной ни имуществом, ни детьми. Ему не удастся удовлетворить свои притязания полностью и навсегда, но в период расцвета патриархата он лишает женщину всех прав на владение и передачу имущества. К тому же отрицание женских прав выглядит вполне логичным. Стоит признать, что рожденные женщиной дети ей больше не принадлежат, как сразу теряется всякая связь между ними и той группой, из которой женщина происходит. Если раньше при заключении брака один род на время отдавал женщину другому, то теперь ее полностью исторгают из группы, где она родилась, и присоединяют к группе супруга; тот покупает ее, как скотину или раба, навязывает ей своих домашних богов, и рожденные ею дети принадлежат к семье супруга. А значит, если бы она была наследницей, то все свои семейные богатства передала бы в семью мужа; поэтому ее всеми способами исключают из наследования. С другой стороны, поскольку женщина ничем не владеет, за ней не признают права считаться личностью; она сама есть часть достояния мужчины – сначала отца, потом мужа. При строго патриархальном строе отец волен приговорить своих новорожденных детей к смерти, будь то мальчики или девочки, но в первом случае общество, как правило, ограничивает его власть: любой новорожденный мужского пола и нормального сложения остается жить; зато обычай отречься от девочек получил широкое распространение; у арабов известны случаи массового детоубийства: только что родившихся девочек сбрасывали в яму. Признать ребенка женского пола – акт чистого великодушия со стороны отца; в такое общество женщина вступает как бы из дарованной ей милости, а не по праву, как мужчина. В любом случае мать, родившая девочку, считается после родов гораздо более нечистой: у евреев Левит требует в этом случае вдвое более долгого очищения, чем когда роженица производит на свет мальчика. В обществах, где принято платить «цену за кровь», сумма за жертву женского пола совсем невелика: жизнь женщины настолько же дешевле жизни мужчины, насколько жизнь раба дешевле жизни свободного человека. Всей полнотой власти над девушкой обладает отец; после свадьбы он целиком передает свою власть супругу. Поскольку она – собственность мужчины, как раб, скотина или вещь, вполне логично, что он может иметь столько жен, сколько ему вздумается; полигамия ограничена только экономическими соображениями; муж может сколько угодно отказываться от жен, общество не дает им практически никаких гарантий. Зато женщине предписывается строгое целомудрие. В обществах с материнским правом, несмотря на ряд табу, допускалась бо́льшая свобода нравов; редко когда требовалась невинность до брака, а к

супружеской измене относились без особой строгости. Напротив, когда женщина становится собственностью мужчины, он хочет получить ее девственной и под страхом самых суровых кар требует абсолютной верности; риск наделить правом наследования чужого отпрыска – худшее из преступлений, а поэтому *pater familias* вправе предать виновную супругу смерти. На протяжении всего существования частной собственности супружеская неверность жены рассматривается как величайшее предательство. Все своды законов, вплоть до наших дней закреплявшие неравенство в вопросах супружеской неверности, трактуют о тяжести вины женщины, из-за которой в семье возникает риск появления незаконнорожденного наследника. И хотя право мужа самому вершить правосудие упразднено со времен Августа, еще Кодекс Наполеона обещает супругу, покаравшему неверную жену, снисхождение присяжных. Когда женщина одновременно принадлежала и роду своего отца, и семье мужа, два типа связей накладывались друг на друга и даже друг другу противоречили; тем самым ей удавалось сохранить довольно большую свободу, ибо каждая из двух систем была ей опорой против другой: например, она часто могла выбирать мужа по собственной прихоти, поскольку брак был установлением мирским и не затрагивал глубинных структур общества. Но при патриархате она является собственностью отца, который выдает ее замуж по своему усмотрению, а затем, прикованная к домашнему очагу, становится вещью супруга, вещью рода (*genos*), в который ее ввели.

Когда семья и частная собственность делаются безусловными основами общества, отчуждение женщины становится полным. Именно это произошло в мусульманском мире. Он феодален по своей структуре, то есть в нем не возникло достаточно сильного государства, чтобы объединить и подчинить себе различные племена; над властью главы рода нет никакой другой власти. Религия, сформировавшаяся в тот момент, когда арабский народ воевал и завоевывал, выражает по отношению к женщине полнейшее презрение. «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества», – гласит Коран; женщина никогда не имела ни реальной власти, ни мистического авторитета. Бедуинка выполняет тяжелую работу, ходит за плугом и таскает тяжести – тем самым между нею и мужем устанавливаются взаимозависимые отношения; она выходит из дому свободно, с открытым лицом. Покрытая чадрой, сидящая взаперти мусульманка и сегодня в большинстве слоев общества остается чем-то вроде рабыни. Я помню, как в одной пещерной деревне Туниса в подземном помещении сидели на корточках четыре женщины: старая супруга, одноглазая, беззубая, с чудовищно изможденным лицом, пекла лепешки на углях, задыхаясь в едком дыму; две жены помоложе, но почти так же обезображенные, качали на руках детей, одна из них кормила грудью; а у ткацкого станка сидела юная богиня, в роскошном убранстве из шелков, золота и серебра, и связывала шерстяные нити. Покинув это мрачное логово – царство имманентности, чрево, могилу, – я встретила в коридоре, ведущем наверх, к свету, их мужа, одетого в белое, сияющего чистотой, улыбающегося, солнечного. Он возвращался с базара, где обсуждал с другими мужчинами, что творится в мире; несколько часов он проведет в этом уединенном жилище – его жилище посреди огромного мира, к которому он принадлежит и от которого его ничто не отторгает. А для увядших старух и молоденькой новобрачной, обреченной на столь же быстрое старение, не существовало иного мира, кроме закопченного подземелья; они выходили оттуда лишь под покровом ночи, в полном молчании и с закрытым лицом.

Нравы евреев библейской эпохи мало чем отличаются от нравов арабов. Глава семьи имеет несколько жен и может прогонять их более или менее по своей прихоти; под страхом суровых наказаний требуется, чтобы невесту вручали супругу девственной; в случае супружеской измены ее побивают камнями; ее удел – домашний труд, о чем свидетельствует портрет добродетельной жены: она «добывает шерсть и лен... Она встает еще ночью... Светильник ее не гаснет и ночью... и не ест хлеба праздности». Но даже такая целомудренная и работающая жена нечиста, ее окружают табу; свидетельство ее не учитывается в суде. Екклесиаст говорит о ней с глубочайшим отвращением: «И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы... Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщины между всеми ими не нашел». По смерти мужа если не закон, то обычай требовал, чтобы вдова вышла замуж за брата усопшего.

Обычай левирата встречается у многих народов Востока. Одна из проблем, встающих во всех обществах, где женщина находится под опекой, – это положение вдов. Наиболее радикальным решением было их заклание на могиле супруга. Но неверно, что даже в Индии подобная жертва когда-либо предписывалась законом; по законам Ману жена могла пережить мужа; эффектные самоубийства всегда были лишь аристократической модой. Гораздо чаще вдову отдавали в распоряжение наследников супруга. Иногда левират принимает форму полиандрии; чтобы предотвратить затруднения, связанные с вдовством, женщине дают в мужья сразу всех братьев одной семьи: этот обычай служит также предупредительной мерой против возможного бессилия мужа. Судя по тексту Цезаря, в Британии все мужчины в семье имели некоторое количество общих жен.

Патриархат не везде принимал столь крайние формы. В Вавилоне законы Хаммурапи признавали за женщиной некоторые права: она получает часть отцовского наследства, а когда выходит замуж, отец дает за ней приданое. В Персии принято многоженство; женщину держат в абсолютном повиновении мужу, которого ей выбирает отец по достижении половой зрелости, но к ней относятся с большим почтением, чем у большинства народов Востока; нет запрета на инцест, браки между братом и сестрой не так уж редки; жена обязана воспитывать детей: мальчиков до семи лет, девочек – до их замужества. Жена может получить долю наследства мужа, если сын окажется недостойным; если она «любимая жена», а муж умирает, не оставив взрослого сына, ей поручается опека над несовершеннолетними детьми и ведение дел. Правила заключения брака наглядно показывают, какое значение для главы семьи имело наличие потомства. Судя по всему, существовало пять форм брака[45 – Это описание взято из книги С. Huart. «La Perse antique et la civilisation iranienne». Р. 195–196.]. 1. Женщина выходила замуж с согласия родителей; в этом случае ее называли «любимой женой», а ее дети принадлежали мужу. 2. Если женщина была единственным ребенком, ее первенца отдавали ее родителям вместо дочери; затем она становилась «любимой женой». 3. Если мужчина умирал холостым, его семья выдавала замуж с приданым постороннюю женщину; ее называли «приемной женой»; половина детей принадлежала покойному, другая половина – живому мужу. 4. Бездетная вдова, вновь вышедшая замуж, считалась женой-прислугой: половину детей от второго брака она должна была отдать покойному супругу. 5. Женщина, вышедшая замуж без согласия родителей, не могла стать их наследницей до тех пор, пока ее старший сын, достигнув совершеннолетия, не отдаст ее в «любимые жены» своему отцу; если муж умирал раньше, она считалась несовершеннолетней и отдавалась под опеку. Наличие статуса

приемной жены и жены-прислуги устанавливает право каждого мужчины на продолжение жизни в потомстве, с которым он не обязательно связан кровными узами. Это подтверждает то, что мы говорили выше: в определенном смысле такие узы придумал человек, когда захотел, помимо своей конечной жизни, приобрести земное и загробное бессмертие.

Наиболее благоприятным положение женщины было в Египте. Богини-матери, став супругами, сохранили свой авторитет; религиозной и социальной единицей является супружеская пара; женщина представляется союзницей мужчины, дополняющей его. Ее магия настолько невраждебна, что исчезает даже страх перед инцестом и сестру с легкостью отождествляют с супругой [46 – По крайней мере, в определенных случаях брат обязан жениться на сестре.]. Женщина обладает одинаковыми с мужчиной правами и юридической состоятельностью; она наследует имущество и владеет им. Такое везение не случайно: его причина в том, что в Древнем Египте земля принадлежала царю и высшим кастам жрецов и воинов; частным лицам земля лишь предоставлялась в пользование; земельная собственность оставалась неотчуждаемой, наследуемое имущество не имело большой ценности, и в том, чтобы его поделить, не видели большой беды. Отсутствие частной собственности позволило женщине оставаться личностью. Она выходила замуж по своей воле, а овдовев, могла сколько угодно вступать в повторный брак. Мужчина обычно имел несколько жен, но, хотя все его дети считались законными, у него была только одна настоящая жена; она единственная была с ним связана узами культа и закона – остальные были всего лишь бесправными рабынями. Главная супруга, выйдя замуж, сохраняла свое общественное положение: она оставалась хозяйкой своего имущества и могла самостоятельно заключать сделки. Когда фараон Бокхорис ввел частную собственность, женщина занимала слишком прочное положение, чтобы его лишиться; Бокхорис открыл эру контрактов, и даже брак стал строиться на контракте. Существовало три вида контрактов. Один из них относился к браку-рабству: женщина становилась вещью мужчины, но иногда оговаривала, что у него не будет другой сожительницы, кроме нее; однако законная супруга считалась равной мужу, и имущество у них было общее; нередко муж брал на себя обязательство выплатить ей определенную сумму в случае развода. Чуть позже этот обычай породил особо благоприятную для женщины форму контракта: муж условно предоставлял ей право требования. Супружеская измена сурово каралась, но разводиться обе стороны могли более или менее свободно. Практика контрактов значительно ограничила полигамию; женщины владели состояниями и передавали их своим детям, что привело к возникновению класса плутократов. Птолемей Филадельф постановил, что женщины больше не могут распоряжаться своим имуществом без разрешения мужа, что превращало их в вечных несовершеннолетних. Но даже во времена, когда они имели особый, исключительный для древнего мира статус, они не были социально равными мужчинам; в делах культа и управления государством они могли выступать регентшами, но фараоном всегда был мужчина; жрецами и воинами были мужчины; участие женщин в общественной жизни было незначительным, а в жизни частной верность от них требовалась в одностороннем порядке.

Нравы греков недалеко ушли от восточных нравов; однако у них не было принято многоженство. Почему, точно неизвестно. На деле содержать гарем всегда было весьма обременительно: позволить себе роскошь иметь большой сераль мог любитель роскоши Соломон, султаны из «Тысячи и одной ночи», цари, вожди, богатые землевладельцы; человек среднего достатка

довольствовался тремя-четырьмя женами; крестьянин имел не больше двух. С другой стороны, везде, за исключением Египта, где не было частной собственности на землю, забота о сохранении вотчины привела к тому, что старший сын получал особые права на отцовское наследство; тем самым устанавливалась иерархия и между женами: мать главного наследника стояла куда выше остальных жен. Если женщина сама владеет имуществом, если за ней дается приданое, супруг видит в ней личность: он связан с ней особыми, религиозными узами. По-видимому, отсюда и пошел обычай признавать только одну супругу, но на самом деле греческий гражданин продолжал в свое удовольствие оставаться многоженцем, поскольку всегда мог удовлетворить свои желания с городскими проститутками и служанками гинекея. «Гетер мы заводим ради наслаждения, наложниц – ради ежедневных телесных потребностей, тогда как жен мы берем ради того, чтобы иметь от них законных детей», – говорит Демосфен. Наложница заменяла хозяину жену в том случае, если та болела, плохо себя чувствовала, была беременна или оправлялась после родов; так что разница между гинекеем и гаремом невелика. В Афинах женщину держат взаперти в ее покоях, в предписанной законами строгости и под наблюдением специальных магистратов. В течение всей жизни она поражена в правах; она находится под опекой либо отца, либо мужа, либо наследника мужа, либо, на худой конец, полиса, его должностных лиц; все они – ее хозяева, которые распоряжаются ею как товаром, поскольку опекунская власть распространяется и на человека, и на его имущество; опекун может передать свои права кому угодно: отец вручает дочь приемному отцу или мужу; муж может развестись с женой и отдать ее новому мужу. Правда, греческий закон обеспечивает женщине приданое, которое служит для ее нужд и должно быть возвращено ей полностью в случае расторжения брака; он также предоставляет женщине право в определенных, крайне редких случаях самой требовать развода, но больше никаких гарантий общество ей не дает. Разумеется, все наследство переходит к детям мужского пола, приданое же представляет собой не приобретенное родовое имущество, а нечто вроде услуги, которую обязан оказать опекун. Однако благодаря обычаю давать приданое вдова уже не переходит как часть наследуемого имущества к наследникам мужа, а возвращается под опеку родственников.

Одна из проблем, встающих перед основанными на агнании обществами, – это судьба наследства в отсутствие наследников мужского пола. Греки установили обычай эпиклера: наследница должна была выйти замуж за старейшего родственника своего отца; тем самым имущество, завещанное ей отцом, переходило к детям, принадлежащим той же группе, и земля оставалась в собственности рода; эпиклера была не наследницей, но лишь машиной для производства наследника; этот обычай отдавал ее в безраздельную власть мужчины, ибо ее автоматически выдавали замуж за старшего мужчину в семье, чаще всего за старика.

Поскольку причина угнетения женщины кроется в стремлении вечно длить род и сохранять в неприкосновенности земельные владения, она может избежать этой абсолютной зависимости постольку, поскольку ей удастся избежать семьи; в обществе, отрицающем и частную собственность, и семью, удел женщины значительно лучше. Спарта, где преобладал общинный строй, была единственным государством, где женщина считалась почти равной мужчине. Девочек воспитывали так же, как мальчиков; супругу не заточали в доме мужа – ему разрешалось всего лишь украдкой навещать ее по ночам; его права на жену были настолько малы, что во имя евгеники союза с ней мог

потребовать другой мужчина, – с исчезновением наследования исчезает и само понятие супружеской неверности; а поскольку все дети принадлежат государству, женщины также не попадают в кабалу к ревнивому господину – или наоборот: можно сказать, что гражданин, не владея имуществом и не имея собственных потомков, не владеет и женой. Женщины несут тяготы материнства, как мужчины – тяготы войны, но, помимо исполнения этого гражданского долга, ничто не стесняет их свободы.

Наряду со свободными женщинами, о которых мы говорили выше, и рабынь, живущих в семье и являющихся безраздельной собственностью ее главы, в Греции есть проститутки. У первобытных народов существовала гостевая проституция, когда женщину уступали случайному гостю – что, по-видимому, имело некий мистический смысл, – и сакральная проституция, призванная высвободить таинственные силы плодородия во благо сообществу. Эти обычаи существовали и в классической Античности. Геродот рассказывает, что в V веке до н. э. каждая женщина Вавилона должна была один раз в жизни отдаться чужестранцу в храме Милитты за монету, которую она отдавала в сокровищницу храма, а затем вернуться домой и жить целомудренно. Храмовая проституция по сей день сохранилась у египетских альмей и индийских баядерок, которые входят в почтенные касты музыкантш и танцовщиц. Но чаще всего в Египте, Индии и Западной Азии храмовая проституция постепенно превращалась в проституцию законную: духовенство видело в подобной торговле средство наживы. Даже у евреев существовали продажные проститутки. В Греции храмы, где можно встретить «девиц о многих гостях», как называл их Пиндар, находились в основном на побережье, на островах и в городах, куда приезжало много чужеземцев; вырученные женщинами деньги предназначались культу, то есть жрецам, а значит, косвенно шли на их содержание. В действительности здесь под покровом лицемерия эксплуатируются – как, например, в Коринфе – сексуальные потребности моряков и путешественников; речь уже идет о продажной проституции. Отдельным институтом она стала при Солоне. Он купил азиатских рабынь и поселил их в «диктерионах», расположенных в Афинах рядом с храмом Венеры, неподалеку от порта; руководство заведением поручалось «порнотропсам», осуществлявшим их финансовое управление; каждая девушка получала зарплату, а вся прибыль отходила государству. Позже открылись частные заведения (караилея); на их вывесках был изображен красный Приап. Вскоре туда, помимо рабынь, стали принимать в качестве пансионеров греческих женщин из низших слоев общества. Диктерионы считались настолько необходимыми, что их признали неприкосновенными убежищами. Однако куртизанки несли на себе печать позора, не имели никаких общественных прав, их дети не обязаны были их кормить; им предписывалось носить специальный наряд из пестрой материи, украшенный цветами, и красить волосы шафраном. Помимо женщин, содержащихся в диктерионах, существовали и вольные проститутки; их можно разбить на три категории: диктериады, аналог нынешних зарегистрированных проституток; авлетриды – танцовщицы и флейтистки; и гетеры, дамы полусвета, обычно приезжавшие из Коринфа; они состояли в официальной связи с самыми уважаемыми людьми Греции и играли в обществе ту же роль, что и современные «светские львицы». Первых можно было встретить среди вольноотпущенниц или молодых гречанок из низших сословий; их эксплуатировали сутенеры, и они влачили весьма жалкое существование. Вторым нередко удавалось разбогатеть благодаря музыкальным талантам; самой известной из них была Ламия, любовница Птолемея Египетского, а потом его победителя, македонского царя Деметрия Полиоркета. Что касается последних, то многие из них, как известно,

разделили славу своих возлюбленных. Они свободно распоряжались собой и своим состоянием, были умны, образованны, сведущи в искусствах, и мужчины, наслаждавшиеся общением с ними, относились к ним как к полноправным личностям. Избежав семьи и поставив себя вне общества, они избежали также и власти мужчины: он видел в них себе подобных, почти равных. Аспазия, Фрина, Лаис – это торжество женщины без предрассудков над добродетельной матерью семейства.

Но, за этими блистательными исключениями, греческая женщина – наполовину рабыня; она даже возмущаться не имеет права: разве что Аспазия и еще более страстная Сафо вслух заявляют свой протест. У Гомера еще слышны отголоски героической эпохи, когда женщины обладали некоторой властью, но воины сурово отправляют их на женскую половину. То же презрение встречаем мы и у Гесиода: «Верит поистине вору ночному, кто женщине верит!» В великую классическую эпоху женщину решительно заточают в гинекею. «Та женщина заслуживает высочайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин в порицание или в похвалу», – сказал Перикл. Платон, предлагавший допустить совет матрон к управлению республикой и давать девочкам свободное образование, – это исключение; над ним насмехается Аристофан; в «Лисистрате» мужья отвечают женам, когда те начинают расспрашивать о государственных делах: «Что за дело тебе? Ты молчи себе знай... Принимайся за пряжу скорее! А не то берегись, заболит голова». Аристотель, заявляя, что женщина является женщиной в силу отсутствия определенных качеств и что она должна сидеть дома взаперти и подчиняться мужчине, выражает расхожее мнение. «Рабу вообще не свойственна способность решать, женщине она свойственна, но лишена действенности», – утверждает он. Согласно Ксенофону, жена и муж глубоко чужды друг другу: «А есть ли кто, с кем ты меньше разговариваешь, чем с женой? – Есть, но не много»; все, что требуется от женщины в «Экономике», – это быть внимательной, осмотрительной, экономной, трудолюбивой как пчела, хозяйкой дома, образцовой экономкой. Скромный удел, отведенный женщине, не мешает грекам быть женоненавистниками до мозга костей. Уже в VII веке до н. э. Архилох пишет язвительные эпиграммы против женщин; у Семонида Аморгского читаем: «Да, это зло из зол, что женщиной зовут. / Дал Зевс – и если есть чуть пользы от нее / – Хозяин от жены без меры терпит зло»[47 – Перевод Я. Голосовкера. (Прим. ред.)]. А вот Гиппонакт: «Есть в жизни каждой женщины два дня лучших: / Когда женой берут – и на погост тащат»[48 – Перевод В. Ярхо. (Прим. ред.)]. Наибольшую озлобленность проявляют ионийцы в «Милетских рассказах»: в частности, всем известна история о матроне из Эфеса. В эту эпоху женщин попрекают главным образом за лень, сварливость и расточительство, то есть именно за отсутствие качеств, которые от них требуются. «Средь всех зверей и на земле, и на море / Есть самый страшный зверь, и этот зверь – жена», – пишет Менандр. «Вот безвыходность!»[49 – Перевод В. Ярхо. (Прим. ред.)] Когда с введением приданого женщина приобрела некоторый вес, стали сетовать на ее высокомерие; это излюбленная тема Аристофана и особенно Менандра. «Женился я на Ламии-наследнице. / Я говорил тебе? – Ни разу. – Властвует / Она над домом, полем – вообще над всем. / – О Аполлон, как худо! – Хуже некуда». «Ты в брак решил вступить, так знай как следует: / Большое будет благо, коль получишь ты / Лишь маленькое зло». «Когда бедняк женился и приданое / С женою получил, то не жену он взял, / А сам себя ей отдал, получается». Греческую женщину держали в слишком большой строгости, чтобы можно было осудить ее нравы; глумясь над ней, имели в виду не плоть. Мужчин тяготили прежде всего узы брака – а это позволяет предположить,

что, несмотря на суровый удел, несмотря на то что за ней не признавалось почти никаких прав, женщина должна была играть в доме важную роль и пользоваться некоторой самостоятельностью; ей предписывалась покорность, а она могла не слушаться, могла изводить супруга сценами, слезами, болтовней, руганью; брак, призванный поработить женщину, превращался в оковы и для мужа. В образе Ксантиппы находят воплощение все сетования греческого гражданина на жену-мегеру и невзгоды супружеской жизни.

* * *

Историю римской женщины определяет конфликт семьи и государства. Этруски представляли собой общество с родством по материнской линии, и, вполне вероятно, в эпоху царей в Риме еще сохранялась экзогамия, связанная с режимом материнского права: власть римских царей не передавалась по наследству. Достоверно известно лишь то, что после смерти Тарквиния утверждается патриархальное право: сельскохозяйственная собственность, частный надел, а значит, семья становится ячейкой общества. Женщину вскоре поработает вотчина, а следовательно, семейная группа: законы полностью лишают ее даже тех гарантий, которые давались греческим женщинам; ее жизнь протекает в бесправии и рабской зависимости. Само собой разумеется, она не допущена к публичным делам, занимать «мужскую должность» ей строго воспрещается; и в гражданской жизни она навсегда остается несовершеннолетней. Прямо ей не отказывают в праве на долю отцовского наследства, но косвенно не дают ей распоряжаться: наследница подчинена власти опекуна. «И все это установлено было в пользу самих опекунов, и, – пишет Гай об опеке, – именно чтобы они не исключались от наследства в силу завещания, так как они делаются наследниками женщин, умерших без завещания, и чтобы вследствие отчуждения наиболее ценных вещей или принятия на себя чужого долга не досталось им слишком уменьшенное наследство»[50 – Перевод Ф. Дыдынского. (Прим. ред.)]. Первый опекун женщины – ее отец; если отца нет, эту функцию исполняют агнаты по отцовской линии. Когда женщина выходит замуж, она переходит «в руку» к супругу; существуют три формы брака: *conferratio*, когда супруги подносят Юпитеру Капитолийскому пирог из полбы в присутствии фламينا Юпитера; *coemptio*, фиктивная продажа, когда отец-плебей передает («манципирует») дочь в собственность мужу; и *usus*, результат совместного проживания на протяжении года; все три вида считались браком «с рукой» (*cum manu*), то есть супруг занимал место отца или агнатов-опекунов; жена приравнивалась к одной из его дочерей, и отныне ему принадлежала вся полнота власти над ее личностью и имуществом. Но из-за того что римлянка принадлежала одновременно и роду отца, и роду супруга, уже с эпохи «Законов XII таблиц» стали возникать конфликты, положившие начало ее юридической эмансипации. В самом деле, брак *cum manu* разоряет агнатов-опекунов. Для защиты интересов родственников со стороны отца появляется брак *sine manu*: в этом случае имущество жены остается в распоряжении опекунов, а права мужа распространяются только на ее личность; и даже эти права он делит с главой семейства, сохраняющим всю полноту власти над дочерью. Разногласия между отцом и мужем призван разрешать домашний суд – подобная институция позволяет женщине прибегать к поддержке отца против мужа и мужа против отца; она не принадлежит, как вещь, одному человеку. К тому же, хотя род необычайно силен, что доказывает само существование такого суда, независимого от судов публичных, глава рода, *pater familias* – прежде всего гражданин: власть его неограниченна, он держит в полном

подчинении жену и детей, но собственностью его они не являются; скорее он устраивает их жизнь в интересах общественного блага; женщина рождает детей, ее домашний труд часто включает в себя выполнение сельскохозяйственных работ, а потому она весьма полезна для страны и пользуется глубоким уважением. Здесь можно отметить одну очень важную черту, наблюдаемую на протяжении всей истории: абстрактного права недостаточно, чтобы определить конкретное положение женщины, – оно во многом зависит от ее экономической роли в обществе; зачастую абстрактная свобода и конкретная власть даже изменяются в обратной зависимости. Римлянка, по закону более зависимая, чем гречанка, гораздо сильнее интегрирована в общество; дома она занимает атриум, центральное помещение жилища, а не отправляется с глаз долой в гинекей; именно она следит за трудом рабов; она руководит воспитанием детей и нередко оказывает на них влияние вплоть до зрелого возраста; она разделяет с супругом его труды и заботы и считается совладелицей его имущества; брачная формула «Ubi tu Ga?us, ego Gaia»[51 – «Где ты Гай, там я Гайя» (лат.), формула, входившая в обряд бракосочетания в Древнем Риме. (Прим. ред.)] – не пустая фраза; матрону называют *domina* (госпожа); она – хозяйка дома, причастная культу, она – подруга мужчины, а не рабыня; соединяющие их узы настолько священны, что за пять веков не известно ни одного развода. Она не сидит в заточении в своих покоях, а присутствует на трапезах, на празднествах, ходит в театр; на улице мужчины уступают ей дорогу, даже консулы и ликторы сторонятся, когда она идет. Легенды отводят ей видную роль в истории: хорошо известны рассказы о сабинянках, о Лукреции, о Виргинии; Кориолан уступает мольбам матери и супруги; закон Лициния, закрепивший торжество римской демократии, якобы вдохновлен его женой; души обоих Гракхов выковала Корнелия. «Везде мужи управляют женами, – говорил Катон, – а мы, которые управляем всеми мужами, находимся под управлением наших жен».

Понемногу юридическое положение римлянки приходит в соответствие с реальными условиями ее жизни. Во времена сенатской олигархии каждый отец семейства является независимым государем внутри Республики, но по мере укрепления власти государства начинается борьба против концентрации богатств в одних руках, против заносчивости могущественных семей. Домашний суд уступает место публичному правосудию. И женщина получает все более значительные права. Изначально ее свобода была ограничена четырьмя источниками власти: отец и муж распоряжались ее личностью, опекун и *manus* – ее имуществом. Государство, ссылаясь на противостояние отца и мужа, сужает их права: отныне решение вопросов супружеской измены, развода и т. д. переходит к государственному суду. Одновременно *manus* и опека ликвидируют друг друга: сначала *manus* отделяется от брака в интересах опекуна, а затем женщины стали использовать *manus* как способ избавиться от опекунов, либо заключая фиктивные браки, либо добиваясь от отца или государства удобных опекунов. В законах Империи опекунство будет полностью упразднено. Одновременно женщина получает положительную гарантию независимости: отец обязан обеспечить ее приданым; после расторжения брака это приданое не переходит к агнатам и никогда не достается мужу; в любой момент женщина может потребовать его возмещения при внезапном разводе, так что она держит мужа в своих руках. «Взяв деньги, власть он продал за приданое»[52 – Перевод А. Артюшкова. (Прим. ред.)], – говорит Плавт. С конца Республики за матерью признается право на уважение своих детей наравне с отцом; в случае установления опеки над мужем или его дурного поведения дети остаются с нею. При Адриане

постановление сената предоставляет ей, в случае если у нее трое детей, а усопший бездетен, право наследовать без завещания (*ab intestate*) имущество каждого из них. Эволюция римской семьи завершается при Марке Аврелии: с 178 года наследниками матери становятся ее дети, а не агнаты; в основании семьи отныне лежит *coniunctio sanguinis*, кровное родство, и мать считается равной отцу; дочь наследует наравне с братьями.

Однако в истории римского права прослеживается тенденция, противоречащая той, о которой мы только что говорили: делая женщину независимой от семьи, центральная власть сама берет ее под свою опеку; во многих случаях женщина признается юридически недееспособной.

В самом деле, став одновременно и богатой, и независимой, она приобрела бы опасный вес; поэтому было сделано все, чтобы одной рукой отобрать то, что предоставлялось другой. Закон Оппия, запрещавший римлянам жить в роскоши, был проголосован в тот момент, когда Риму угрожал Ганнибал, и, едва опасность миновала, женщины потребовали его отмены; Катон в знаменитой речи настаивал на его сохранении, но публичная демонстрация матрон, собравшихся на площади, одержала над ним верх. Впоследствии было предложено множество законов, тем более строгих, чем распушеннее становились нравы, но без особого успеха: их всеми силами старались обойти. Победу одержало только сенатское постановление – сенатусконсульт – Веллея, запрещавшее женщине «ходатайствовать» за других[53 – То есть заключать с другими договоры.], что почти полностью лишало ее гражданской дееспособности. Именно тогда, когда женщина на практике достигла наибольшей независимости, провозглашается превосходство мужского пола над женским, что является замечательным примером самооправдания мужчин, о котором я говорила: если права женщины как дочери, супруги, сестры больше не ограничены, то ей отказывают в равенстве с мужчиной как представительнице своего пола; ее притесняют под предлогом «глупости и слабости женского пола».

Матроны, конечно, наилучшим образом распорядились предоставленной им свободой, но именно потому, что им не было дозволено положительно ею воспользоваться. В результате двух противоположных тенденций – индивидуалистической, отрывающей женщину от семьи, и этатистской, притесняющей ее как личность, – ее положение оказывается довольно шатким. Она включена в наследование, имеет равное с отцом право на уважение детей, может завещать имущество, избавлена благодаря приданому от принудительных супружеских уз, может развестись и снова выйти замуж, когда ей вздумается, – но эмансипируется только негативно, поскольку никакого конкретного применения ее силам ей не предлагают. Экономическая самостоятельность остается абстрактной, поскольку не порождает политической правоспособности; и потому римлянки, лишённые возможности действовать, устраивают демонстрации: шумной толпой рассыпаются по городу, осаждают суды, подстрекают к заговорам, диктуют распоряжения, разжигают гражданские войны; женская процессия отправляется за статуей Матери богов и сопровождает ее вдоль берега Тибра, вводя тем самым в Рим восточных богов; в 114 году разражается скандал с весталками, вызванный упразднением их коллегии. Поскольку общественная жизнь и общественные добродетели женщинам по-прежнему недоступны, а частные добродетели былых времен с распадом семьи делаются ненужными и старомодными, у женщин не остается никаких моральных устоев. Им приходится выбирать одно из двух: либо упрямо держаться ценностей, что были в ходу у предков, либо вообще

никаких ценностей не признавать. В конце I – начале II века многие женщины по-прежнему остаются подругами и соратницами своих мужей, как во времена Республики: Плотина делит с Траяном славу и ответственность; Сабина настолько славится благодеяниями, что ей при жизни ставят статуи и обожествляют ее; при Тиберии Секстия отказывается жить после смерти Эмилия Скавра, а Пасцея – после смерти Помпония Лабея; Паулина вскрывает себе вены одновременно с Сенекой; Плиний Младший сделал знаменитой фразу Аррии «*Paete, non dolet*»[54 – «Пэт, не больно» (лат.)]; Клавдия Руфина, Виргиния, Сульпиция вызывают восхищение у Марциала как безупречные супруги и преданные матери. Но многие женщины отказываются от материнства и множат число разводов; законы по-прежнему не допускают супружескую измену, а потому иные матроны даже записываются в проститутки, чтобы ничто не стесняло их разврат[55 – В Риме, как и в Греции, проституция была разрешена официально. Существовало два класса куртизанок: одни содержались в борделях, другие, *bonae meretrices* (добрые распутницы), свободно занимались своим ремеслом; им не разрешалось одеваться как матронам; они имели определенное влияние в вопросах моды, привычек и искусства, но никогда не занимали такого высокого положения, как афинские гетеры.]. До тех пор римская литература всегда относилась к женщинам с почтением – теперь на них обрушиваются сатирики. Впрочем, их нападки направлены не против женщин вообще, а главным образом против современниц. Ювенал клеймит их за похоть и обжорство, осуждает за склонность к мужским занятиям: они интересуются политикой, углубляются в судебные дела, спорят с грамматиками и риториками, страстно увлекаются охотой, гонками колесниц, фехтованием, борьбой. Фактически они соперничают с мужчинами в основном в пороках и склонности к развлечениям; им не хватает образования, чтобы ставить перед собой более высокие цели; к тому же никаких целей им и не предлагают; любая деятельность для них по-прежнему запрещена. Римлянка старой Республики имеет свое место на земле, но из-за отсутствия абстрактных прав и экономической независимости прикована к этому месту; римлянка периода упадка являет собой пример ложной эмансипации: в мире, единственными реальными хозяевами которого остаются мужчины, она имеет только пустую свободу – она свободна «просто так».

IV

Эволюция положения женщины не была поступательной. Нашествие варваров поставило под вопрос саму цивилизацию. Даже римское право испытывает влияние новой идеологии – христианства, а в последующие столетия варвары добиваются торжества своих законов. Полностью меняется экономическая, социальная и политическая ситуация, что отражается и на положении женщины.

Христианская идеология немало способствовала угнетению женщины. Конечно, в Евангелии есть дух милосердия, который распространяется как на женщин, так и на прокаженных; наиболее страстные сторонники нового закона – именно мелкий люд, рабы и женщины. На заре христианства женщины, принявшие на себя иго Церкви, пользовались относительным почетом; они являли примеры мученичества наравне с мужчинами; однако участвовать в культе они могли лишь на второстепенных ролях; «дьяконисам» разрешалось

выполнять только светские обязанности: ухаживать за больными, помогать неимущим. И если считается, что брак – это институт, требующий взаимной верности, то само собой разумеется, что жена должна всецело подчиняться супругу: благодаря апостолу Павлу утверждается иудейская, откровенно антифеминистская традиция. Апостол Павел предписывает женщинам скромность и сдержанность; на основании Ветхого и Нового Заветов он вводит принцип подчинения женщины мужчине. «Ибо не муж от жены, но жена от мужа, и не муж создан для жены, но жена для мужа». И в другом месте: «Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем». В религии, проклинающей плоть, женщина предстает самым страшным искушением дьявола. Тертуллиан пишет о женщине: «Ты была, так сказать, дверью для дьявола, ты соблазнила того, на кого дьявол не смел напасть... наконец, исправление вины твоей стоило жизни Самому Сыну Божию; и после всего сего ты мечтаешь, ты смеешь украшать всячески ту кожу, которая дана была тебе единственно для прикрытия стыда»[56 – Перевод Е. Карнеева. (Прим. ред.)]. Святой Амвросий: «Ева склонила Адама ко греху, но не Адам Еву. Справедливо, чтобы женщина имела господином того, кто был ею склонен ко греху». И Иоанн Златоуст: «Среди всех диких зверей не найти никого, кто был бы вреднее женщины». Когда в IV веке складывается каноническое право, брак представляется уступкой человеческим слабостям, он несовместим с христианским совершенством. «Возьмем в руку секиру и срубим от корня бесплодное дерево брака», – пишет святой Иероним. А со времен Григория VI, когда священникам было предписано безбрачие, опасный характер женщины стал подчеркиваться еще строже – все Отцы Церкви говорят о ее низости. Святой Фома Аквинский в полном соответствии с этой традицией заявляет, что женщина – это всего лишь «случайное», неполное существо, нечто вроде неудавшегося мужчины. «Муж есть глава жены, как Христос глава мужчины, – пишет он. – Женщине всегда суждено жить под властью мужчины и не иметь никакой своей власти». Поэтому единственный вид брака, который признает каноническое право, – это брак с приданым, обрекающий женщину на бесправие и бессилие. Ей не только запрещено занимать мужские должности, но даже не разрешается обращаться к правосудию, и свидетельство ее считается не имеющим силы. В смягченном виде влияние Отцов Церкви распространяется и на императоров; законодательство Юстиниана почитает женщину как супругу и мать, но подчиняет ее этим функциям; причина ее бесправия не в половой принадлежности, но в ее положении в семье. Развод запрещен, а брак должен заключаться публично; мать имеет над детьми равную с отцом власть и одинаковые права на их наследство; если муж умирает, она становится их законной опекуной. В сенатусконсульт Веллея вносятся изменения: отныне она может ходатайствовать за третьих лиц, но не может заключать договоры от имени мужа; приданое ее становится неотчуждаемым – оно считается достоянием детей, и ей запрещается им распоряжаться.

На территориях, занятых варварами, на эти законы накладываются германские традиции. У германцев были своеобразные нравы. Вожди у них существовали только во время войны; в мирное время семья представляла собой автономное общество; похоже, она была чем-то средним между племенем с материнской формой родства и патриархальным родом; брат матери обладал одинаковыми с отцом правами, и оба они сохраняли власть над племянницей и дочерью, равную власти мужа. В обществе, где любое право основывалось на грубой силе, женщина была фактически абсолютно недееспособной, но за ней признавались права, гарантией которых была ее зависимость от двух разных домашних властей; порабощенная, она все же пользовалась уважением; муж

покупал ее – но сумма сделки составляла мужнино наследство, являвшееся ее собственностью; кроме того, отец давал за ней приданое; она получала долю в отцовском наследстве, а в случае убийства родителей – долю компенсации, которую выплачивал убийца. Семья была моногамной, измена сурово каралась, брак почитался. Женщина всегда оставалась под опекой, но жила в тесном сотрудничестве с мужем. «Отныне она призвана разделять труды и опасности мужа и в мирное время, и в битве, претерпевать то же и отваживаться на то же, что он... Так подобает жить, так подобает погибнуть»[57 – Перевод А. С. Бобовича. (Прим. ред.)], – пишет Тацит. В битвах она носила воинам еду и вдохновляла их своим присутствием. Если она оставалась вдовой, власть покойного супруга частично передавалась ей. В бесправии, коренившемся в ее физической слабости, не видели отражения моральной ущербности. Женщины были жрицами, пророчицами: можно предположить, что они были лучше образованны, нежели мужчины. Позже в наследуемом имуществе к числу предметов, по закону переходивших к женщинам, добавились драгоценности и книги.

Именно эта традиция получает развитие в Средние века. Женщина находится в полной зависимости от отца и мужа: во времена Хлодвиг над ней всю жизнь тяготеет мундиум (mundium)[58 – Мундиум (мунт, мундебурдий) – термин древнегерманского права; патронат, опека, покровительство. (Прим. ред.)], но франки отказались от германского целомудрия – при Меровингах и Каролингах процветает полигамия; женщину выдают замуж без ее согласия, муж властен над ее жизнью и смертью и может развестись с ней когда угодно; с ней обращаются как с прислугой. Она находится под защитой законов – но только в качестве собственности мужчины и матери его детей. Назвать ее проституткой, не представив доказательств, – оскорбление, за которое приходится платить в пятнадцать раз дороже, чем за любую брань в адрес мужчины; похищение замужней женщины приравнивается к убийству свободного мужчины; пожатие руки замужней женщины влечет за собой штраф от пятнадцати до тридцати пяти су; аборт запрещен и карается штрафом в сто су; убийство беременной женщины стоит в четыре раза дороже, чем свободного мужчины; женщина, доказавшая свою способность к деторождению, ценится втрое дороже свободного мужчины, но, утратив способность рожать, она теряет всякую цену; выйдя замуж за раба, она оказывается вне закона, и родители вправе ее убить. Как личность она не имеет никаких прав. Впрочем, когда мощь государства возрастает, намечается та же тенденция, что мы наблюдали в Риме: опека над недееспособными, детьми и женщинами, перестает быть правом семьи и становится общественной обязанностью; со времен Карла Великого тяготевший над женщиной мундиум будет принадлежать королю; сначала его вмешательство требуется лишь в том случае, когда у женщины нет кровных опекунов; затем королевская власть понемногу присваивает себе полномочия семьи, но эта перемена не приводит к эмансипации франкской женщины. Мундиум становится для опекуна обязанностью; его долг – охранять свою подопечную; для последней эта охрана означает все то же рабство, что и раньше.

Когда на исходе бурных событий Высокого Средневековья складывается феодальный строй, положение женщины представляется очень неустойчивым. Феодальное право отличается смешением права верховной власти и права собственности, публичных и частных прав. Этим объясняется тот факт, что феодальный строй то принижал, то снова возносил женщину. Сначала ей было отказано в любых частных правах из-за ее политического бесправия. В самом деле, вплоть до XI века порядок основывается только на одной силе –

владении оружием. Феодал, по словам юристов, есть «земли, полученные при несении военной службы»; женщина не может владеть феодальным доменом, потому что не способна его защищать. Положение ее меняется, когда феодалы становятся наследственными и родовыми; как мы видели, в германском праве сохранились некоторые пережитки материнского права: при отсутствии наследников мужского пола наследницей могла стать дочь. В результате и феодализм к XI веку признает передачу наследства по женской линии. Однако от вассалов по-прежнему требуют военной службы, и право наследования не улучшает судьбы женщины; она нуждается в мужчине-опекуне; роль эту играет муж: он принимает инвеституру, отвечает за феодала, имеет право пользования имуществом. Как и греческая эпиклера, женщина – лишь орудие передачи домена, а не его владелица; это не влечет за собой ее эмансипации; она в каком-то смысле поглощена феодалом, является частью недвижимости. Домен больше не принадлежит семье, как во времена римских родов: он – собственность сюзерена, и женщина тоже принадлежит сюзерену. Он выбирает ей супруга; рождая детей, она дарит их скорее ему, чем мужу: они станут вассалами и будут защищать его владения. Значит, она – рабыня домена и хозяина этого домена, в силу «покровительства» навязанного ей мужа; немного найдется эпох, когда судьба ее была бы тяжелее. Наследница – значит, земля и замок: претенденты спорят из-за такой добычи, и девушке порой нет и двенадцати лет, когда отец или сеньор отдают ее в подарок какому-нибудь барону. Чем чаще мужчина женится, тем больше у него доменов, а потому множится число разводов; Церковь их лицемерно допускает; поскольку брак между родственниками запрещен до седьмого колена, а родство определяется не только по крови, но и по духовным узам, то есть между крестными, всегда можно найти предлог для расторжения брака; в XI веке многие женщины оказывались брошены четырьмя-пятью мужьями. Овдовев, женщина немедленно должна признать над собой нового господина. В песнях о деяниях Карла Великий скопом выдает замуж вдов всех своих баронов, погибших в Испании; в «Жираре Вьенском» герцогиня Бургундская сама требует у короля нового супруга: «Мой муж убит, но к чему траур?... Найдите мне могущественного мужа, ибо он нужен мне, чтобы защищать мои земли»; во многих эпопеях король или сюзерен тиранит девушек и вдов. Судя по эпосу, супруг относился без всякого уважения к полученной в дар жене: он издевался над ней, оскорблял ее, таскал за волосы, бил; Бомануар в «Кутюмах Бовези» требует только одного: чтобы муж «разумно карал» супругу. Эта цивилизация воинов презирает женщин. Рыцаря женщины не интересуют: он считает свою лошадь гораздо более ценным сокровищем; в «жестях» девушки всегда сами делают первый шаг навстречу молодым людям; от замужних женщин требуется односторонняя верность; они не причастны к жизни мужчины. «Будь проклят рыцарь, что спросит у дамы совета, когда ему участвовать в турнире». А в «Рено де Монтобане» читаем такую тираду: «Ступайте в свои расписные золоченые покои, сидите в тени, пейте, ешьте, вышивайте, красьте шелк, но не вмешивайтесь в наши дела. Наше дело – сражаться с мечом в руках. Молчать!» Иногда женщина разделяет суровую долю мужчин. В юности она приучается к физическим упражнениям, ездит верхом, участвует в соколиной охоте; она не получает почти никакого образования, в ней не воспитывают стыдливость: именно она принимает гостей замка, следит за их трапезами и омовениями, «оглаживает» их, помогая уснуть; замужней женщине случается охотиться на диких зверей, совершать длинные и трудные паломничества; когда муж далеко, сеньорию защищает она. Такие владелицы замков вызывают восхищение, их называют «вираго» (virago), потому что они во всем ведут себя как мужчины: жадны до наживы, коварны, жестоки, угнетают вассалов. История и легенды донесли

до нас память о многих из них: когда по повелению владелицы замка Оби была построена башня, превосходившая высотой все известные донжоны, она тотчас же приказала отрубить голову архитектору, чтобы сохранить в тайне его секрет; мужа она изгнала из своих владений, но он тайно вернулся и убил ее. Мабель, жене Роджера Монтгомери, доставляло удовольствие пускать по миру дворян своей сеньории; они отомстили, обезглавив ее. Джулиана, незаконная дочь Генриха I Английского, защищала от него замок Бретей и заманила его в ловушку, за что была им жестоко наказана. Однако подобные факты были исключениями. Обычно владелица замка коротала дни за пряжей и молитвой, ждала супруга и скучала.

Часто утверждали, что куртуазная любовь, зародившаяся в XII веке на Средиземноморском Юге, привела к улучшению женской участи. Относительно ее зарождения существует несколько гипотез: одни считают, что «куртуазность» проистекает из отношений владетельной дамы с молодыми вассалами; другие связывают ее с ересью катаров и культом Девы Марии; третьи выводят мирскую любовь из любви к Богу вообще. Нельзя с полной уверенностью сказать, существовали ли когда-нибудь на самом деле «суды любви» (*cours d'amour*). Достоверно одно: Церковь вынуждена была, в противовес грешнице Еве, восхвалять Мать Искупителя: Ее культ приобрел такое значение, что говорилось даже, будто в XIII веке Бог сделался женщиной; иными словами, в религиозном плане разрабатывается мистическое учение о женщине. С другой стороны, праздность дворцовой жизни позволяет благородным дамам окружать себя пышным великолепием учтивости, галантных бесед, поэзии; просвещенные женщины, такие как Беатрис де Валентинуа, Альенор Аквитанская и ее дочь Мария Французская, Бланка Наваррская и многие другие, привлекают к себе поэтов и назначают им жалованье; расцвет культуры, охвативший сначала юг, а потом и север, поднимает женщин на новую высоту. Куртуазную любовь часто описывали как любовь платоническую; Кретъен де Труа, видимо, чтобы угодить своей покровительнице, изгоняет адюльтер из своих романов: единственная преступная страсть у него – это любовь Ланселота и Геньевиры, но на самом деле, поскольку феодал-супруг был опекуном и тираном, женщина искала возлюбленного вне брака; куртуазная любовь была компенсацией варварских официальных нравов. «Любовные отношения в современном смысле имеют место в древности лишь вне официального общества, – замечает Энгельс. – Средневековье начинается с того, на чем остановился Древний мир со своими зачатками половой любви, – с прелюбодеяния». И действительно, пока существует институт брака, любовь будет облекаться именно в такую форму.

На самом деле, если куртуазная любовь и смягчает женский удел, глубоких изменений в нем она не вызывает. К освобождению женщины ведет не идеология, будь то религия или поэзия; некоторые сдвиги в этом направлении в конце феодальной эпохи обусловлены совсем иными причинами. Когда над ленными вассалами утверждается верховенство королевской власти, сюзерен утрачивает бо́льшую часть своих прав: в частности, у него понемногу отбирают право выдавать замуж своих вассалок; одновременно феодального опекуна лишают права распоряжаться имуществом подопечной; выгоды, связанные с опекой, исчезают, а когда служба за феода сводится к денежному обложению, исчезает и сама опека; женщина не способна нести военную службу, но она не хуже мужчины может выполнить денежное обязательство; феодал превращается в простое земельное владение, и нет больше никаких оснований отказывать в равенстве обоим полам. Фактически в Германии, Швейцарии и Италии женщина остается под постоянной опекой, но

Франция признает, что «девушка стоит мужчины», по словам Бомануара. Германская традиция давала женщине в качестве опекуна защитника, – когда она перестает нуждаться в защитнике, она обходится и без опекуна; она уже не считается бесправной как представительница своего пола. Незамужней или вдове предоставлены те же права, что и мужчине; собственность дает ей всю полноту власти: владея феодалом, она им управляет, то есть вершит правосудие, подписывает договоры, издает законы. Бывает, что она даже участвует в войнах, сражается и командует войсками; женщины-воины существовали и до Жанны д'Арк, и Орлеанская дева хоть и вызывает удивление, но не шокирует.

Однако женской независимости препятствует столько факторов, что все вместе они не исчезают никогда: физическая слабость уже не важна, но подчиненное положение замужней женщины по-прежнему выгодно обществу. Так что власть мужа сохраняется и после распада феодального строя. Утверждается парадокс, существующий еще и в наши дни: сильнее всего интегрирована в общество та женщина, у которой меньше всего преимуществ. В феодализме гражданском брак выглядит точно так же, как и в феодализме военном: муж по-прежнему является опекуном жены. Возникающая буржуазия соблюдает те же законы. В кутюмном праве, как и в праве феодальном, эмансипация женщины возможна только вне брака; девушка и вдова обладают равными с мужчиной правами, но, выйдя замуж, женщина попадает под опеку, «попечение» (*mainbournie*) мужа; он может ее бить, он следит за ее поведением, связями, перепиской, он распоряжается ее состоянием не в силу брачного контракта, а исходя из самого факта брака. «Как только брак заключен, – говорит Бомануар, – имущество и одного, и другой делается общим в силу супружества, а попечение об оном вверяется мужу». Дело в том, что и у дворян, и у буржуазии интересы собственности требуют, чтобы ею распоряжался один хозяин. Жену подчиняют мужу не потому, что в принципе считают ее неспособной: когда ничто не мешает, за женщиной признают всю полноту прав. Со времен феодализма до наших дней замужнюю женщину сознательно приносят в жертву частной собственности. Важно отметить, что ее порабощение тем полнее, чем больше размеры имущества, находящегося в распоряжении мужа: наиболее конкретно зависимость женщины всегда проявлялась у имущих классов; у богатых землевладельцев и поныне сохраняется патриархальная семья; чем более могущественным в социально-экономическом плане чувствует себя мужчина, тем больше он претендует на роль *pater familiae*. И наоборот, общая нищета превращает супружескую связь в связь взаимную. Женщину освободил не феодализм и не Церковь. Скорее переход от патриархальной к собственно супружеской семье начинается с крепостничества. Крепостной и его супруга ничем не владели, они лишь имели в общем пользовании дом, мебель, орудия труда, и у мужчины не было никаких оснований пытаться подчинить себе жену, не имеющую никакого имущества; зато соединявшие их узы общего труда и общего интереса поднимали супругу до уровня подруги. С отменой крепостного права бедность не исчезает; супруги, живущие на равных, встречаются в маленьких сельских общинах и среди ремесленников; жена – это не вещь и не прислуга: эту роскошь может себе позволить только богатый; бедный же ощущает обоюдную связь со своей половиной; в свободном труде женщина завоевывает конкретную самостоятельность, ибо вновь обретает определенную экономическую и социальную роль. В средневековых фарсах и фавбу отражается среда ремесленников, мелких торговцев и крестьян, где превосходство мужа над женой проявляется лишь в том, что он может ее побить, – но его силе она противопоставляет хитрость, и равенство между

супругами восстанавливается. Тогда как богатая женщина расплачивается за свою праздность покорностью.

В Средние века женщина еще сохраняла некоторые привилегии: в деревнях она ходила на общие собрания, участвовала в первичных собраниях по выборам депутатов в Генеральные штаты; муж мог единолично распоряжаться только движимым имуществом: для отчуждения недвижимости требовалось согласие жены. Только в XVI веке возникают своды законов, действующие на протяжении всего старого режима; в эту эпоху феодальные нравы окончательно исчезают и ничто не защищает женщин от стремления мужчин приковать их к домашнему очагу. В этом чувствуется влияние римского права, столь пренебрежительно обходившегося с женщиной; как и во времена римлян, яростные диатрибы против глупости и слабости женского пола служат не истоком законов, но попыткой их оправдания; мужчины лишь задним числом могут объяснить, почему они поступают так, как им удобнее. «Среди дурных свойств женщин, – читаем мы в „Видении о вертограде“ (Songe du Verger), – девять дурных свойств, полагаю я, причитаются им по праву. Во-первых, женщина по самой природе своей причиняет себе ущерб... Во-вторых, женщины по самой природе своей весьма скаредны... В-третьих, воля их весьма непостоянна... В-четвертых, женщины по самой воле своей дурны... В-пятых, они притворщицы... Сверх того, женщины известны лживостью, а оттого по гражданскому праву женщину нельзя призвать в свидетели при составлении завещания... Сверх того, женщина всегда делает обратное тому, что ей наказано сделать... Сверх того, женщины охотно всем болтают и рассказывают собственный позор и стыд. Сверх того, они лукавы и хитры. Монсеньор святой Августин говорил, что „женщина есть животное, ни двора, ни хлева не имеющее“; она исполнена злобы, к стыду своего мужа, ею питается все дурное, она есть начало всех споров и ссор и находит дорогу и путь ко всякому беззаконию». Подобные тексты встречаются в эту эпоху в изобилии. Приведенный нами интересен тем, что каждое обвинение призвано оправдать один из направленных против женщин пунктов законодательства и то зависимое положение, в каком их держат. Разумеется, все «мужские должности» для них закрыты; вновь обретает силу сенатусконсульт Веллея, лишающий их всякой гражданской дееспособности; право первородства и преимущественное право мужчины отодвигают женщин на второй план при дележе отцовского наследства. Незамужняя девушка остается под опекой отца; если он не выдает ее замуж, то, как правило, заточает в монастырь. Матери-одиночке разрешается устанавливать отцовство, но это дает право лишь на покрытие медицинских расходов на роды и на алименты на ребенка; выйдя замуж, она переходит во власть мужа: он выбирает место жительства, управляет хозяйственными делами, прогоняет жену в случае ее измены, заточает ее в монастырь или, позже, добывает королевский указ о взятии под стражу и отправляет ее в Бастилию; ни один акт не действителен без его утверждения; доля жены в общем имуществе супругов уподобляется приданому в римском смысле слова, но, поскольку брак нерасторжим, имущество может перейти в распоряжение жены лишь после смерти мужа; отсюда поговорка: «Uxor non est proprie socia sed speratur fore»[59 – «Супруга не есть собственно союзница, но может надеяться стать ею» (лат.)]. Поскольку она не распоряжается своим капиталом, то, даже сохраняя на него права, не несет за него ответственности; он не придает содержания ее деятельности – она не имеет конкретной власти над миром. Даже дети ее, как во времена «Эвменид», считаются принадлежащими прежде всего отцу, а уж потом ей: она «дарит» их супругу, авторитет которого несравненно выше и который является истинным господином своего потомства;

этот аргумент даже будет использовать Наполеон, заявлявший, что, подобно тому как грушевое дерево принадлежит владельцу груш, женщина есть собственность мужчины, коему она приносит детей. Таким статус французской женщины оставался на протяжении всего старого режима; постепенно сенатусконсульт Веллея будет заменен юриспруденцией, но только Кодекс Наполеона отменит его окончательно. За долги супруги и ее поведение отвечает муж, и только ему она обязана давать отчет; она почти не имеет прямых связей с государственной властью и отдельных от мужа отношений с людьми, посторонними для семьи. В труде и материнстве она не столько подруга, сколько прислуга: производимые ею вещи, ценности, дети принадлежат не ей, а семье, то есть ее главе – мужчине. Не больше свободы предоставлено ей и в других странах, напротив, в некоторых из них сохранилась опека и везде права замужней женщины ничтожны, а нравы суровы. Все европейские законодательства были составлены на основе канонического, римского и германского права, равно неблагоприятных для женщины; везде существует частная собственность и семья – институции, подчиняющие себе все.

Во всех странах одним из следствий порабощения «честной женщины» семьей является наличие проституции. Проститутки, лицемерно поставленные вне общества, играют в нем чрезвычайно важную роль. Христианство клеймит их позором, но принимает как необходимое зло. «Уничтожьте проститутку, – говорит святой Августин, – и общество погрязнет в распутстве». А позже святой Фома Аквинский – или, по крайней мере, теолог, подписавший его именем IV книгу «De regimine principum» («О правлении государей»), – заявляет: «Изымите из общества публичных женщин, и разврат будет сотрясать его беспорядками всякого рода. Проститутки в государстве подобны отхожему месту во дворце; уничтожьте отхожее место, и дворец станет местом нечистым и смрадным». В период Высокого Средневековья в нравах царила такая свобода, что в девицах легкого поведения почти не было надобности, но, когда сложилась буржуазная семья и стала строго соблюдаться моногамия, мужчине пришлось искать радостей вне семейного очага.

Напрасно капитулярий Карла Великого со всей возможной строгостью запрещает проституцию, напрасно Людовик Святой приказывает в 1254 году изгнать проститутку, а в 1269-м – разрушить злачные места: в Думьяте, как сообщает нам Жуанвиль, шатры проститутки располагались рядом с шатром короля. Усилия Карла IX во Франции и Марии-Терезии в Австрии, как покажет позже XVIII век, в равной мере оказались тщетными. Организация общества делала проституцию необходимой. «Кто они [проститутки], – высокопарно вопрошает Шопенгауэр, – как не жертва, принесенная на алтарь моногамии?» А Лекки, историк европейской морали, формулирует ту же мысль следующим образом: «Они – высшее воплощение греха и самые деятельные стражи добродетели». Их положение справедливо сравнивали с положением евреев, которым их часто уподобляли [60 – «Женщины, что приходили в Систерон со стороны Пепена, должны были, как евреи, уплатить пошлину в пять су в пользу монахинь ордена Святой Клары» (Баюто).]: ростовщичество и денежные спекуляции Церковь запрещала точно так же, как и любое сношение вне супружества, но, поскольку общество не может обойтись ни без финансовых спекулянтов, ни без свободной любви, эти функции возлагаются на проклятые касты: их селят в гетто и в специально отведенных кварталах. В Париже «падшие женщины» работали в «норах» (clapiers): приходили туда утром и уходили вечером, после сигнала к тушению огня; они жили на

определенных улицах и не имели права оттуда отлучаться; в других городах дома терпимости обычно располагались за пределами городских стен. Как и евреи, они были обязаны носить на одежде отличительные знаки. Во Франции это был, как правило, шнурок определенного цвета, который полагалось носить на плече; часто им запрещалось надевать шелк, меха и украшения честных женщин. Они по закону были клеймены позором, абсолютно беспомощны перед лицом полиции и магистратуры, достаточно было жалобы кого-нибудь из соседей, чтобы их выгнали из дома. Большинство из них жили тяжело и бедно. Некоторых забирали в публичные дома. Французский путешественник Антуан де Лален в конце XV века оставил описание одного такого испанского заведения, находившегося в Валенсии. Место это, говорит он, «размером с малый город и со всех сторон обнесено стеной с единственными воротами. У ворот поставлена виселица для преступников, кои могут оказаться внутри; специальный привратник отбирает палки у желающих войти внутрь и предлагает им, коли будет на то их воля и коли у них есть деньги, оставить их покамест у него, с тем чтобы забрать на возвратном пути в целостности и сохранности; а коли случится так, что деньги у них есть, но оставить их ему они не пожелают и будут ограблены ночью, так за то привратник в ответе не будет. В месте сем три или четыре улицы, а на них множество маленьких домиков, и в каждом – весьма грудастые девицы, одетые в бархат и атлас. Таких девиц там двести или триста; а домишки их увешаны и разукрашены добротным бельем. Принятая такса в их деньгах составляет четыре денье, что для нас равняется одному грошу... Имеются там таверны и кабаки. Днем из-за жары место сие не разглядеть так хорошо, как ночью или вечером, когда все девицы сидят у своих дверей, а над ними горят красивые висючие фонари, чтобы удобнее было их рассматривать. Город назначает двух лекарей на жалованье, дабы всякую неделю посещать девиц и, коли занемогут они какой пристойной болезнью либо какой другой, тайной, удалять их из сего места. Ежели больная из города, правители оного обязываются взять ее на свое обеспечение, пришлых же выпроваживают на все четыре стороны»[61 – Riffenberg. Dictionnaire de la Conversation. Femmes et filles de folle vie.]. Впрочем, автор дивится столь хорошо организованному порядку. Многие проститутки оставались свободными; некоторые хорошо зарабатывали. Как и во времена гетер, служение любви открывало для женского индивидуализма больше возможностей, чем жизнь «честной женщины».

Особое положение во Франции занимает незамужняя женщина; ее юридическая независимость образует резкий контраст с порабощением супруги; незамужняя женщина – необычная фигура, а потому нравы стремятся отнять у нее все то, что предоставлено законами; она имеет все гражданские права – но права эти абстрактны и пусты; она не обладает ни экономической самостоятельностью, ни социальным статусом; обычно старая дева прячется в тени отцовской семьи или обретает общество себе подобных в лоне монастыря – а там ей неведомы иные формы свободы, кроме непослушания и греха: точно так же римлянки периода упадка освобождались только через порок. Негативность остается уделом женщины до тех пор, пока негативно ее освобождение.

В таких условиях женщина редко имеет возможность действовать или просто выражать себя: в трудящихся классах экономическое угнетение стирает неравенство полов, но одновременно отнимает все шансы у личности; у дворян и буржуазии женщину притесняют по половому признаку – она может вести лишь паразитическое существование; она плохо образованна; нужны исключительные обстоятельства, чтобы она смогла задумать и осуществить

какой-нибудь конкретный проект. Эта редкая удача выпадает королевам и регентшам: власть ставит их над их полом; салический закон во Франции запрещает женщинам наследовать трон, но рядом с супругом и после его смерти они порой играют важную роль, как, например, святая Клотильда, святая Радегунда, Бланка Кастильская. Монастырская жизнь делает женщину независимой от мужчины, и некоторые аббатисы обладают большой властью; Элоиза прославилась как аббатиса не меньше, чем как возлюбленная. В мистической, то есть автономной, связи с Богом женские души черпают вдохновение и силу, не уступающую силе мужской души, а почет, которым окружает их общество, позволяет им совершать нелегкие деяния. Подвиг Жанны д'Арк выглядит чудом, притом что это лишь короткая безрассудная вылазка. А вот история святой Екатерины Сиенской весьма показательна; ведя совершенно нормальную жизнь, она сумела снискать в Сиене славу благодаря активной благотворительности и видениям, в которых отражается ее напряженная внутренняя жизнь; тем самым она приобретает тот необходимый для успеха авторитет, какого обычно не хватает женщинам; к ее влиянию прибегают, чтобы увещевать приговоренных к смерти, наставлять на путь истинный заблудших, миром разрешать раздоры между семьями и городами. Ее поддерживает общество, отождествляющее себя с нею, и это позволяет ей исполнять свою миротворческую миссию: проповедовать по городам подчинение папе, вести обширную переписку с епископами и государями и, наконец, будучи избранной посланницей Флоренции, отправиться за папой в Авиньон. Королевы, благодаря богоданному праву, и святые, благодаря своим бесспорным добродетелям, обеспечивают себе в обществе поддержку, позволяющую им стать вровень с мужчинами. От остальных же, напротив, требуется скромное молчание. Успех Кристины Пизанской – поразительная удача; да и она решилась зарабатывать на жизнь литературным трудом, лишь оставшись вдовой, обремененной детьми.

В целом в Средние века мужчины относились к женщинам не слишком благосклонно. Конечно, куртуазные поэты превозносят любовь; появляются многочисленные «Искусства любви», среди которых – поэма Андрея Капеллана и знаменитый «Роман о Розе», где Гильом де Лоррис призывает юношей посвятить себя служению дамам. Но этой литературе, испытавшей влияние поэзии трубадуров, противостоят тексты буржуазного толка, злостно обличающие женщин: фаблио, фарсы, лэ обвиняют их в лени, кокетстве и похотливости. Злейшие враги женщин – клирики. Они ополчаются на брак. Церковь сделала его таинством и в то же время запретила его христианской элите; это противоречие лежит у истоков «Спора о женщинах». Оно же с необычайным пылом обличается в «Жалобах Матеолуса», написанных через пятнадцать лет после первой части «Романа о Розе», сто лет спустя переведенных на французский и пользовавшихся в свое время большой популярностью. Матье, женившись, утратил свое духовное звание (clergie); он проклинает свою женитьбу, женщин и брак вообще. Зачем Бог создал женщину, если брак несовместим с духовным званием? Брак не может быть мирным: он наверняка измышление дьявола; или же Бог сам не ведал, что творил. Матье надеется, что в Судный день женщина не воскреснет. Но Бог отвечает ему, что брак – это чистилище, благодаря которому можно попасть на небо; перенесенный во сне на небеса, Матье видит легион мужей, встречающих его возгласами: «Приди, приди, о истинный мученик!» Те же мысли мы видим у Жана де Мёна, также клирика; он предписывает молодым людям уклоняться от женского ига; сначала он нападает на любовь:

Любовь – то полный злобы край,

Любовь – то край любовной злобы;

затем нападает на брак, обращая мужчину в рабство и обрекающий его на то, чтобы быть обманутым, и разражается яростной диатрибой против женщин. Защитники женщины пытаются в ответ доказать ее превосходство. Вот некоторые из аргументов, к которым вплоть до XVII века будут обращаться апологеты слабого пола:

«Mulier perfetur viro scilicet Materia: quia Adam factus est de limo terrae, Eva de costa Adae. Loco: quia Adam factus est extra paradysum, Eva in paradiso. In conceptione: quia mulier concepit Deum, quid homo non potuit. Apparicione: quia Christus apparuit mulieri post mortem resurrectionem, scilicet Magdalene. Exaltatione: quia mulier exaltata est super chorus angelorum, scilicet beata Maria...»[62 – «Женщина выше мужчины, а именно Материально: ибо Адам был создан из глины, а Ева – из ребра Адама. По месту: ибо Адам был создан вне рая, а Ева в раю. По зачатию: ибо женщина зачала Бога, а мужчина этого не мог. По явлению: ибо Христос после смерти явился женщине, а именно – Магдалине. По вознесению: ибо женщина вознеслась над хором ангелов, а именно – блаженная Мария...» (лат.)]

Противники на это возражали, что Христос сначала явился женщинам, ибо знал об их болтливости, а ему надо было поскорее возвестить всем о своем воскресении.

Спор не утихал на протяжении всего XV века. Автор «Пятнадцати радостей брака» с сочувствием описывает невзгоды, выпадающие на долю несчастных мужей. Эсташ Дешан пишет нескончаемую поэму на ту же тему. В ту же эпоху начинается и спор о «Романе о Розе». Впервые женщина берется за перо, дабы защитить свой пол; Кристина Пизанская резко нападает на клириков в «Послании Богу любви». Клирики немедленно поднимаются на защиту Жана де Мёна; однако Жерсон, канцлер Парижского университета, встает на сторону Кристины; свой трактат он пишет по-французски, чтобы сделать его доступным широкой публике. Мартин Ле Франк швыряет на поле брани неудобоваримый текст под названием «Защитник дам» (Champion des Dames), который читают еще и два столетия спустя. И снова вступает Кристина. Прежде всего она требует, чтобы женщины были допущены к образованию: «Если бы в обычае было отдавать маленьких девочек в школу и если бы принято было учить их наукам, как мальчиков, они бы столь же прекрасно преуспевали в учебе и постигали тонкости всех искусств и наук».

На самом деле спор этот лишь косвенно касается женщин. Никто и не помышляет добиваться для них какой-то иной роли в обществе, нежели та, что им отведена. Скорее речь идет о сопоставлении жизни клирика с положением женатого человека; иными словами, речь идет о мужской проблеме, возникшей из-за двусмысленного отношения Церкви к браку. Конец этому конфликту положит Лютер, отвергнув безбрачие священников. На положение женщины эта литературная война не окажет никакого влияния. Сатира фарсов и фаблио, высмеивая существующее общество, не стремится его изменить: она издевается над женщинами, но ничего против них не замышляет. Куртуазная поэзия превозносит женственность, но подобный культ отнюдь не способствует сближению полов. «Спор» – явление второстепенное, он отражает настроения общества, но не меняет его.

★ ★ ★

Мы говорили, что юридический статус женщины оставался более или менее неизменным с начала XV до XIX века; однако в привилегированных классах ее конкретное положение меняется. Итальянское Возрождение – это эпоха индивидуализма, благотворная для расцвета всех сильных личностей, без различия пола. Среди женщин этой эпохи можно встретить могущественных правительниц, таких как Иоанна Арагонская, Иоанна Неаполитанская, Изабелла д'Эсте; отважных воительниц, с оружием в руках сражавшихся наравне с мужчинами, – так, супруга Джироламо Риарио боролась за свободу Форли; Ипполита Фьораменти командовала войсками герцога Миланского и во время осады Павии вывела на крепостные стены роту знатных дам. Жительницы Сиены, чтобы защитить свой город от Монлюка, собрали три отряда по три тысячи женщин в каждом, под женским командованием. Другие итальянки снискали славу своей образованностью или талантами; среди них Изотта Ногарола, Вероника Гамбара, Гаспара Стампа, Виттория Колонна, подруга Микеланджело, и особенно Лукреция Торнабуони, мать Лоренцо и Джулиано Медичи, перу которой, среди прочего, принадлежат гимны, а также жизнеописания Иоанна Крестителя и Девы Марии. Большинство этих выдающихся женщин – куртизанки; многие из них, сочетая свободу нравов со свободой духа, обеспечивая благодаря своему ремеслу собственную экономическую самостоятельность, вызывали у мужчин почтительное восхищение; они покровительствовали искусствам, интересовались литературой и философией, нередко сами писали или занимались живописью: Изабелла де Луна, Катерина ди Сан-Чельсо, Империя, поэтесса и музыкантша, развивают традицию Аспазии и Фрины. И все же для многих свобода принимает только форму распущенности: оргии и преступления итальянских знатных дам и куртизанок вошли в легенду.

Распущенность и на протяжении последующих веков была основным видом свободы среди женщин, которых положение в обществе или состояние освобождали от расхожей морали; последняя же в целом оставалась такой же строгой, как и в Средние века. Что до позитивных завоеваний, их пока не могло быть много. Привилегированный статус по-прежнему присущ королевам: Екатерина Медичи, Елизавета Английская, Изабелла Католическая – великие государыни. Почитали и некоторых великих святых. Удивительная судьба святой Терезы Авильской объясняется примерно так же, как и судьба святой Екатерины: в вере в Бога она черпает незыблемую веру в себя; доводя до предела подходящие ее положению добродетели, она заручается поддержкой своих духовников и всего христианского мира: это позволяет ей выйти за рамки обычного удела монахини; она основывает монастыри, управляет ими, путешествует, занимается предпринимательством и упорствует в своих начинаниях с бесстрашием и мужеством мужчины; общество не чинит ей преград; даже литературный труд не считается дерзостью – духовники обязывают ее писать. Ее фигура – блистательное свидетельство того, что женщина может возвыситься так же, как мужчина, если удивительный случай предоставит ей равные с мужчиной возможности.

Но в действительности возможности их по-прежнему неравны; в XVI веке женщины еще малообразованны. Анна Бретонская призывает множество женщин ко двору, где раньше были одни мужчины; она старается окружить себя свитой фрейлин, но больше печется об их воспитании, чем о культуре. Большинство женщин, прославившихся впоследствии умом, интеллектуальным

влиянием, литературными трудами, были знатными дамами: герцогиня де Рец, г-жа де Линьероль, герцогиня де Роган и ее дочь Анна; самые знаменитые – королева Марго и Маргарита Наваррская. Пернетта дю Гийе была, судя по всему, горожанкой; а вот Луиза Лабе, скорее всего, куртизанкой, – во всяком случае, она отличалась большой свободой нравов.

В XVII веке женщины также будут заявлять о себе главным образом в сфере интеллектуальных занятий; светская жизнь развивается, распространяется культура; женщины играют в салонах весьма значительную роль; тот факт, что они не участвуют в созидании мира, позволяет им на досуге предаваться беседам, искусствам, литературе; они не получают систематического образования, но благодаря разговорам, чтению, занятиям с частными наставниками или публичным лекциям получают более глубокие познания, чем их мужья; м-ль де Гурне, г-жа де Рамбуйе, м-ль де Скюдери, г-жа де Лафайет, г-жа де Севинье пользуются во Франции большим авторитетом; за пределами Франции аналогичная слава связана с именами принцессы Елизаветы, королевы Кристины, Анны-Марии ван Шурман, состоявшей в переписке со всем ученым миром. Благодаря столь высокой культуре и связанному с ней престижу женщинам удается вторгнуться в мужской мир; от литературы и любовной казуистики многие честолюбивые дамы переходят к политическим интригам. В 1623 году папский нунций писал: «Во Франции все великие события, все важные интриги чаще всего зависят от женщин». Принцесса Конде подстрекает к «заговору женщин»; Анна Австрийская окружена женщинами, советам которых охотно следует; Ришелье благосклонно внимает герцогине д'Эгийон; известно, какую роль в период Фронды сыграли г-жа де Монбазон – герцогиня де Шеврез, м-ль де Монпансье, герцогиня де Лонгвиль, Анна де Гонзага и многие другие. Наконец, г-жа де Ментенон великолепно продемонстрировала, какое влияние может оказывать ловкая советчица на государственные дела. Вдохновительницы, советчицы, интриганки – женщины обеспечивают себе наибольшее влияние окольными путями; принцесса Юрсен в Испании добилась большой власти, но карьера ее была недолгой. Помимо знатных дам, в свете заявляют о себе и некоторые особы, избежавшие буржуазных пут; возникает неведомый ранее вид – актриса. Впервые о присутствии женщины на сцене упоминается в 1545 году; к 1592-му известен только один такой случай; в начале XVII века бо́льшая часть женщин, играющих на сцене, – жены актеров; затем они приобретают независимость как в своей карьере, так и в частной жизни. Что касается куртизанок, то на смену Фринам и Империям приходит новый тип, нашедший наиболее полное воплощение в Нинон де Ланкло: эксплуатируя свою женственность, она преодолевает ее; живя среди мужчин, она приобретает мужские черты; независимость нравов влечет ее к независимости духа – Нинон де Ланкло довела свободу до высшей точки, возможной в то время для женщины.

В XVIII веке свобода и независимость женщин еще возрастают. В принципе нравы остаются суровыми: девушка получает лишь самое общее воспитание; ее выдают замуж или отправляют в монастырь, не спрашивая ее согласия. Буржуазия, восходящий класс, укрепляющий свои позиции, предписывает супруге строгую мораль. Зато разложение дворянства позволяет светским женщинам величайшие вольности; их пример оказывается заразительным даже для крупной буржуазии; ни монастыри, ни семейный очаг не могут удержать женщину. И снова для большинства из них свобода остается негативной и абстрактной – они ограничиваются поиском удовольствий. Однако наиболее умные и честолюбивые создают себе возможности для деятельности. Салонная

жизнь переживает новый подъем: хорошо известно, какую роль играли г-жа Жоффрен, г-жа дю Деффан, м-ль де Леспинас, г-жа д'Эпине, г-жа де Тансен; женщины – покровительницы и вдохновительницы – это излюбленная аудитория писателей; они и сами интересуются литературой, философией, науками: у них, как, например, у г-жи дю Шатле, есть свой физический кабинет, своя химическая лаборатория, они ставят опыты, производят вскрытия; они, как никогда, активно вмешиваются в политическую жизнь: г-жа де При, г-жа де Майи, г-жа де Шатонеф, г-жа де Помпадур, г-жа Дюбарри поочередно управляют Людовиком XV; вряд ли найдется министр, у которого не было бы своей тайной советчицы; Монтескье даже полагает, что во Франции всем заправляют женщины; они, по его словам, составляют «новое государство в государстве»; а Колле незадолго до 1789 года пишет: «Женщины настолько взяли верх над французами, настолько подчинили их себе, что те ныне думают и чувствуют только под их руководством». Помимо светских дам, широкой известностью пользуются некоторые актрисы и женщины легкого поведения, как, например, Софи Арну, Жюли Тальма, Адриенна Лекуврер.

Итак, на протяжении всего старого режима область культуры была наиболее доступна женщинам, стремившимся к самоутверждению. Однако ни одна из них не достигла высот Данте или Шекспира; это объясняется их общим невысоким положением. Культура всегда была привилегией лишь женской элиты, а не массы, но гении-мужчины зачастую выходили именно из масс; да и представительницы высших классов были окружены препятствиями, преграждавшими им путь к вершинам. Ничто не стесняло полета какой-нибудь святой Терезы или Екатерины Великой, но тысячи разных обстоятельств вставали на пути женщин-писательниц. Вирджиния Вулф в небольшой книге «Своя комната» в шутку сочиняет историю о судьбе предполагаемой сестры Шекспира; покуда он в колледже учился начаткам латыни, грамматики и логики, она сидела дома в полном невежестве; пока он браконьерствовал, бродил по полям и лесам, спал с соседками, она штопала всякое тряпье под неусыпным оком родителей; если бы она, подобно брату, дерзнула отправиться искать счастья в Лондон, ей бы не удалось стать актрисой, свободно зарабатывающей себе на жизнь: ее либо препроводили бы обратно в семью, которая бы насильно выдала ее замуж, либо она, соблазненная, брошенная, обесчещенная, покончила бы с собой от отчаяния. Можно еще представить себе, что она бы сделалась веселой проституткой, наподобие Молль Флендерс, какой ее вывел Даниель Дефо, – но в любом случае она бы не возглавила войско и не стала писать драмы. В Англии, замечает В. Вулф, к женщине-писательнице всегда относились враждебно. Доктор Джонсон сравнивал ее с «собакой, ходящей на задних лапах: получается плохо, но удивительно, что она вообще это может». Художники больше, чем кто-либо, озабочены мнением о себе других людей; женщины зависят от него напрямую – и можно понять, какая сила необходима женщине-художнику просто для того, чтобы дерзнуть выйти за установленные рамки; часто все ее силы уходят на эту борьбу. В конце XVII века леди Винчелси, бездетная дворянка, отваживается писать; в ее творениях есть места, свидетельствующие о чувствительной и поэтичной натуре; однако она растратила всю себя на ненависть, гнев и страх:

Увы! Женщина, взявшаяся за перо,
Считается столь самонадеянным созданием,
Что ей ничем не искупить своего преступления!

Почти все ее творчество пронизано негодованием против положения женщин. Аналогичная ситуация сложилась и с герцогиней Ньюкасл: когда знатная дама начала писать, это вызвало скандал. «Женщины живут, как тараканы или совы, а умирают, как черви», – пишет она в ярости. После всех оскорблений и насмешек ей пришлось укрыться в своих владениях; несмотря на щедрый темперамент, она, наполовину обезумев, не написала ничего, кроме каких-то вымученных нелепостей. Лишь в XVIII веке буржуазка г-жа Афра Бен, овдовев, жила литературным трудом, как мужчина; ее примеру последовали и другие, но и в XIX веке женщинам нередко приходилось таиться; у них даже не было «собственной комнаты», то есть они не обладали той материальной независимостью, которая является одним из необходимых условий внутренней свободы.

Как мы видели, положение француженок было более благоприятным в силу развитой светской жизни и ее тесной связи с жизнью интеллектуальной. И все же общественное мнение в основном враждебно относилось к «синим чулкам». В эпоху Возрождения знатные дамы и женщины-интеллектуалки положили начало движению в защиту своего пола; пришедшие из Италии платонические теории одухотворяют любовь и женщину. Множество просвещенных людей становятся на ее защиту. Появляются такие сочинения, как «Корабль добродетельных дам», «Защитник дам» и т. д. Эразм в «Сенатике» из «Разговоров запросто» дает слово Корнелии, которая со всей резкостью излагает претензии своего пола: «Мужья видят в женах только утеху и едва признают за нами человеческое звание... Они не ставят нас ни во что, считают чуть ли не прачками и кухарками» [63 – Перевод С. Маркиша. (Прим. ред.)]. Он требует, чтобы женщинам позволили учиться. Корнелий Агриппа в снискавшем в то время широкую известность сочинении «Речь о достоинстве и превосходстве женского пола» всячески доказывает преимущество женщин. Он прибегает к старинным кабалистическим аргументам: Ева означает Жизнь, Адам – Землю. Женщина создана после мужчины, а потому она совершеннее. Она родилась в раю, а он нет. Упав в воду, она всплывает, а мужчина – тонет. Она сделана из ребра Адама, а не из глины. Менструации лечат от всех болезней. Ева лишь обманулась по незнанию, а согрешил Адам; поэтому Бог воплотился в мужчину; к тому же, воскреснув, Он явился именно женщинам. Затем Агриппа заявляет, что женщины добродетельнее мужчин. Он перечисляет «славных женщин», составляющих гордость их пола, что тоже является общим местом подобных апологий. Наконец, он выступает с обвинительной речью против мужской тирании: «...беспредельная тирания мужчин, отринув божественное право и законы природы, отняла несправедливыми установлениями у женщин прежнюю свободу, ныне вовсе забытую». Между тем она рождает детей, она столь же умна и даже более утонченна, чем мужчина; ограничивать ее деятельность просто возмутительно, «а причина тому – не естественная или божественная необходимость, а привычка, воспитание, судьба и некое тираническое стечение обстоятельств» [64 – Перевод М. В. Шумилина. (Прим. ред.)]. Он, конечно, не требует равенства полов, но хочет, чтобы к женщине относились с почтением. Труд этот имел невероятный успех, равно как и другая апология женщины – «Необоримая крепость», а также проникнутая платоновским мистицизмом «Совершенная подруга» Эроз. В одной любопытной книге, предвосхитившей учение Сен-Симона, Постель возвещает пришествие новой Евы, матери, которая заново родит род человеческий, – ему даже кажется, что он ее где-то видел; она умерла и, возможно, перевоплотилась в него. Маргарита Валуа проявляет большую скромность – в своей «Ученой и изящной речи» она заявляет, что в женщине есть нечто божественное. Но

больше всех послужила пером делу женского пола Маргарита Наваррская, противопоставившая нравственной распущенности идеал сентиментального мистицизма и целомудрия без ханжества и попытавшаяся примирить брак и любовь ради чести и счастья женщин. Разумеется, противники женщин не слагают оружия. В частности, в «Препирательствах мужского и женского пола», написанных в ответ Агриппе, мы снова встречаем старые средневековые аргументы. Рабле в «Третьей книге» дает остросатирическое описание брака, подхватывая традицию «Матеолуса» и Дешана, – но в счастливом Телемском аббатстве всем заправляют женщины. С новой силой антифеминизм вспыхивает в 1617 году, когда Жак Оливье выпускает язвительную «Азбуку несовершенства и лукавства женщин»; гравюра на обложке изображала женщину с руками гарпии, в перьях разврата и на куриных ногах, ибо она, подобно курице, плохая хозяйка; каждой букве алфавита соответствовал один из ее пороков. Древний спор вновь разжигал церковник; м-ль де Гурне ответила ему «Равенством мужчин и женщин». На нравы женщин ополчается целая литература либертинов, разного рода «Сатирические Парнасы и кабинеты», а святоши, желая их унижить, цитируют апостола Павла, Отцов Церкви, Екклесиаста. Женщина служит неисчерпаемой темой для сатир Матюрена Ренье и его друзей. Апологеты из противоположного лагеря вновь приводят и на все лады комментируют аргументы Агриппы. Отец дю Боск в «Честной женщине» требует для женщин разрешения учиться. «Астрея», а с ней и вся галантная литература, славит их заслуги в рондо, сонетах, элегиях и т. п.

Даже успехи, достигнутые женщинами, вызывают новые нападки на них; прециозницы восстанавливают против себя общественное мнение; все рукоплещут «Смешным жеманницам», а чуть позже – «Ученым женщинам». Однако Мольер не был врагом женщин: он горячо выступает против навязанных браков, требует для девушки свободы чувств, а для супруги – уважения и независимости. Напротив, Боссюэ в своих проповедях их не щадит. Первая женщина, говорит он, была «только частью Адама, своего рода уменьшительным. Что же касается духа, то пропорции были почти те же». Сатира Буало против женщин – всего лишь упражнение в риторике, однако ее встречают в штыки: Прадон, Реньяр, Перро пылко на нее возражают. Лабрюйер, Сент-Эвремон встают на сторону женщин. Самый решительный феминист эпохи – это Пулен де ля Барр, выпустивший в 1673 году труд картезианского толка «О равенстве полов». Он полагает, что мужчины, будучи сильнее, всегда поступали в угоду своему полу, а женщины по привычке мирятся с этой зависимостью. У них никогда не было шансов: ни свободы, ни образования. А значит, их нельзя судить по тому, что они совершили в прошлом. Нет никаких оснований считать, что они ниже мужчин. Между ними и мужчинами есть анатомические различия, но ни одно из них не дает мужчине преимущества. В заключение Пулен де ля Барр требует для женщин основательного образования. Фонтенель пишет для них «Рассуждения о множественности миров». И если Фенелон, вслед за г-жой де Ментенон и аббатом Флери, предлагает для них весьма скромную программу воспитания, то университетский профессор-янсенист Роллен, напротив, хочет, чтобы женщины учились всерьез.

Раскол сохраняется и в XVIII веке. В 1744 году в Амстердаме автор «Спора о женской душе» заявляет, что «женщина, созданная исключительно для мужчины, после конца света перестанет существовать, ибо прекратит быть полезной для дела, ради коего была создана, из чего неизбежно следует, что душа ее не бессмертна». Руссо, выражая в данном случае мнение

буржуазии, чуть менее резок, но утверждает, что женщина должна посвятить себя мужу и материнству. «Все воспитание женщин должно иметь отношение к мужчинам... Женщина создана на то, чтоб уступать мужчине и переносить даже обиду с его стороны», – утверждает он. Между тем демократический и индивидуалистский идеал XVIII века благоприятствует женщинам; большинство философов воспринимают их как людей, равных представителям сильного пола. Вольтер обличает их несправедливый удел. Дидро полагает, что их приниженное положение было во многом создано обществом. «Женщины, мне жаль вас!» – пишет он. По его мнению, «во всех обычаях жестокость гражданских законов соединилась против женщин с жестокостью природы. С ними обращались как с неразумными существами». Монтескье парадоксальным образом считает, что женщины должны быть подчинены мужчине в домашней жизни, но что у них есть все необходимое для политической деятельности. «Противно и разуму, и природе ставить женщин во главе дома... но нет ничего противоестественного в том, чтобы они управляли государством». Гельвеций показывает, что приниженность женщины – следствие ее нелепого воспитания; мнение это разделяет и Д'Аламбер. У одной женщины, г-жи де Сире, мы видим первые ростки экономического феминизма. Но только Мерсье в «Картинах Парижа» возмущается нищетой женщин-работниц и таким образом затрагивает основополагающую проблему женского труда. Кондорсе желает, чтобы женщины участвовали в политической жизни. Он считает их равными мужчинам и защищает от классических нападок: «Сказано было еще о женщинах, что им чуждо понятие справедливости, что они следуют скорее указаниям чувства, нежели совести... [Но] указанное различие создано не природой, а воспитанием и теми общественными условиями, в какие поставлены женщины». И в другом месте: «Чем ниже падало положение женщин благодаря законам, тем сильнее становилась опасность их влияния на мужчин... Оно было бы меньше, если бы женщины менее были заинтересованы в его сохранении, если бы оно перестало быть для них единственным средством защитить себя и избежать угнетения».

V

Можно было ожидать, что революция изменит женский удел. Ничего подобного. Эта буржуазная революция чтит буржуазные институты и ценности; и совершена она была почти исключительно мужчинами. Важно подчеркнуть, что на протяжении всего старого режима именно женщины из трудящихся классов были наиболее независимы как представительницы своего пола. Женщина могла иметь свое дело, у нее были все необходимые возможности, чтобы самостоятельно заниматься своим ремеслом. Она участвовала в производстве как белошвейка, прачка, полировщица, розничная торговка и т. д.; она работала или на дому, или на мелких предприятиях; материальная независимость позволяла ей вести себя весьма вольно: женщина из народа могла гулять, посещать таверны, распоряжаться своим телом почти как мужчина; они с мужем – равноправные компаньоны. Угнетение она терпит в экономическом, а не в половом плане. В деревнях крестьянка принимает значительное участие в сельском труде; относятся к ней как к прислуге; часто она не ест за одним столом с мужем и сыновьями, вкалывает больше их, и ко всем тяготам у нее еще добавляется бремя материнства. Но, как и в древних аграрных обществах, она необходима мужчине, а потому пользуется

его уважением; у них общее имущество, общие интересы, общие заботы; дома ее авторитет весьма высок. Именно такие женщины в силу своей тяжелой жизни могли бы утвердить себя как личности и потребовать прав, но над ними тяготела традиционная робость и покорность: среди наказов депутатам Генеральных штатов число женских требований фактически ничтожно; все они сводятся к одному: «Пусть мужчинам будет запрещено заниматься женскими ремеслами». Женщин, конечно, можно встретить рядом с их мужьями на манифестациях и во время волнений; именно они отправляются в Версаль за «булочником, булочницей и мальчишкой-подмастерьем». Но революционное движение возглавлял не народ, и не он пожинал его плоды. Что касается женщин из буржуазии, то некоторые из них рьяно включились в борьбу за дело свободы: г-жа Ролан, Люсиль Демулен, Теруань де Мерикур; одна из них оказала глубокое влияние на ход событий – Шарлотта Корде, убившая Марата. Было и несколько феминистских движений. Олимпия де Гуж предложила в 1789 году Декларацию прав женщины по аналогии с Декларацией прав человека, где потребовала уничтожения всех мужских привилегий. В 1790 году те же идеи можно обнаружить в «Резолюции бедной Жавотты» и других подобных книжечках, но, несмотря на поддержку Кондорсе, усилия эти ни к чему не приводят, и Олимпия гибнет на эшафоте. Наряду с основанной ею газетой «Нетерпеливый» (L'Impatient) появляются и другие листки, но продержаться им удастся недолго. Женские клубы по большей части сливаются с мужскими и поглощаются ими. Когда 28 брюмера 1793 года актриса Роза (Клер) Лакомб, возглавлявшая Общество революционных республиканок, в сопровождении депутации женщин стала штурмовать вход в Генеральный совет, в собрании раздались слова прокурора Шометта, как будто навеянные апостолом Павлом и святым Фомой Аквинским: «С каких это пор женщинам дозволено отречься от своего пола, делаться мужчиной?.. [Природа] сказала женщине: „Будь женщиной. Забота о детях, тонкости домашнего хозяйства, разные тревоги, связанные с материнством, – вот твои труды». В Совет их не допустили, а вскоре перестали допускать даже в клубы, где они приобщались к политике. В 1790 году было упразднено право первородства и мужское преимущество; в вопросе наследования мальчики и девочки стали равны; в 1792 году законодательно утверждается развод, что несколько ослабляет суровость брачных уз, но все это были лишь незначительные завоевания. В буржуазной среде женщины были слишком сильно интегрированы в семью, чтобы между ними могла возникнуть конкретная солидарность; они не составляли отдельной касты, способной выдвинуть требования, – с экономической точки зрения они вели паразитическое существование. Тем самым женщины, которые, несмотря на свой пол, могли бы участвовать в событиях, не могли этого сделать в силу классового положения, а женщины, принадлежащие к активному классу, были обречены оставаться в стороне именно как женщины. Только когда экономическая власть окажется в руках трудящихся, женщина-работница сможет добиться таких прав, каких никогда не имела женщина-паразит, как из дворян, так и из буржуазии.

В ходе ликвидации революционных завоеваний женщина пользовалась анархической свободой. Но когда сложилась новая структура общества, она вновь оказалась в жестком подчинении. С феминистской точки зрения Франция опережала остальные страны; но, к несчастью для современной французки, ее статус был определен во времена военной диктатуры; Кодекс Наполеона, на целый век предрешивший ее судьбу, сильно задержал ее эмансипацию. Как все военные, Наполеон хочет видеть в женщине только мать, но, как наследник буржуазной революции, он не собирается разрушать устройство общества и отдавать матери преимущество перед супругой: он запрещает

установление отцовства, жестко определяет положение матери-одиночки и внебрачного ребенка. Но и замужняя женщина не может опереться на достоинство матери; феодальный парадокс не исчезает. Девушка и женщина не считаются гражданами, что лишает их права исполнять некоторые функции: занимать должность адвоката или принимать на себя опекунов. Однако незамужняя женщина пользуется всей полнотой гражданских прав, тогда как в браке сохраняется *mundium*. Женщина обязана покоряться мужу; он может добиться ее заключения под стражу в случае супружеской измены и получить развод; если он убьет виновную на месте преступления, в глазах закона его вина прощительна; тогда как на мужа может быть наложен штраф, только если он приведет сожительницу в супружеское жилище, и только в этом случае жена может получить развод. Место жительства определяет мужчину, у него гораздо больше прав на детей, чем у матери; и для того чтобы она могла взять на себя обязательство, необходимо разрешение мужа – за исключением случаев, когда женщина руководит коммерческим предприятием.

В течение всего XIX века юриспруденция только усиливает строгости Кодекса, – в частности, женщина лишается всяких прав на отчуждение имущества. В 1826 году Реставрация ликвидирует развод; Учредительное собрание 1848 года отказывается восстановить его; положение о нем вновь появляется лишь в 1884 году, но и то получить его очень трудно. Дело в том, что буржуазия в этот период сильна как никогда и в то же время понимает, какую опасность несет в себе промышленная революция; власть буржуазии утверждается на весьма шаткой основе. Унаследованное от XVIII века свободомыслие не затрагивает семейной морали; последняя остается такой, какой ее в начале XIX века определяют мыслители-реакционеры – Жозеф де Местр и Бональд. Они обосновывают ценность порядка Божественной волей и требуют строгой социальной иерархии; семья, неделимая ячейка общества, предстает Его микрокосмом. «Мужчина для женщины – то же, что женщина для ребенка; или [королевская] власть для министра – то же, что министр для подданного», – говорит Бональд. Иными словами, муж правит, жена распоряжается, дети повинуются. Развод, естественно, запрещен; женщина заперта у домашнего очага. «Женщины принадлежат к семье, а не к политическому обществу, – пишет далее Бональд, – природа создала их для домашних забот, а не для общественных должностей». В семье, определение которой даст в середине века Ле Пле, соблюдается та же иерархия.

Огюст Конт тоже настаивает на иерархии полов, правда немного иначе; между полами существуют «кардинальные различия одновременно физического и нравственного свойства, которые во всех животных видах и особенно в человеческой расе глубоко отделяют их друг от друга». Женское начало – это нечто вроде «постоянного детства», не позволяющего женщине приблизиться к «идеальному типу расы». Этот биологический инфантилизм выражается в умственной слабости; роль этого создания – чисто аффективная, роль супруги и домашней хозяйки, она не могла бы конкурировать с мужчиной: «ни руководящая деятельность, ни образование ей не подобают». Как и у Бональда, женщина у Конта заточается в семье, а руководит этим обществом в миниатюре отец, ибо женщина «не способна ни к какому руководству, даже домашнему»; она лишь распоряжается и советует. Познания ее должны быть ограничены. «Женщины и пролетарии не могут и не должны быть творцами, тем более что они сами этого не хотят». И Конт предрекает, что эволюция общества приведет к полному устранению женского труда вне семьи. Во второй части своего труда Конт под влиянием любви к Клотильде де Во превозносит женщину, превращая ее почти в божество,

эманацию великого существа; именно ей, согласно позитивистской религии, будет поклоняться народ в храме Человечества, но поклонения она заслуживает одной только своей нравственностью; пока мужчина действует, она любит – в ее душе гораздо больше альтруизма, чем у него. Однако с точки зрения позитивизма она тем не менее остается в семейном заточении; развод ей недоступен, а вдове желательно оставаться вдовой навсегда; у нее нет ни экономических, ни политических прав; она лишь супруга и воспитательница.

Бальзак выражает тот же идеал более цинично. Женщина «помышляет лишь о том, как понравиться своему возлюбленному, – пишет он в „Физиологии брака“. – Быть любимой – цель всех ее поступков, возбуждать желание – цель всех ее жестов». «Жена – имущество, во владение которым вы вступаете согласно контракту; имущество это – движимое, ибо других бумаг, удостоверяющих право собственности, его владельцу не требуется; наконец, женщина вообще представляет собой не что иное, как приложение к мужчине» [65 – Перевод В. А. Мильчиной. (Прим. ред.)]. Здесь писатель выступает рупором буржуазии, которая реагирует на вольнодумие XVIII века и угрожающие ей прогрессистские идеи удвоившим силу антифеминизмом. Блестяще показав в начале «Физиологии брака», что институт этот, не оставляющий места любви, неизбежно ведет женщину к адюльтеру, Бальзак увещевает супруга, желающего избежать насмешек и позора, держать ее в полном подчинении. Следует закрыть ей путь к образованию и культуре, запретить все, что может способствовать развитию ее индивидуальности, заставить носить неудобную одежду, посадить на истощающую диету. Буржуазия в точности следует этой программе; кухня, хозяйство закрепощает женщин, нравственность их – под ревнивым наблюдением; их держат в рамках принятых правил хорошего тона, что пресекает любое стремление к независимости. В качестве компенсации их окружают почетом и изысканной вежливостью. «Замужняя женщина – это рабыня, которую надо уметь посадить на трон», – говорит Бальзак; в любых незначительных обстоятельствах мужчине положено пропускать женщин вперед, уступать им первые места; их не только не заставляют носить тяжести, как в первобытных обществах, – их старательно ограждают от всех трудностей и забот, а тем самым и от всякой ответственности. И все это – в надежде, что, одураченные и соблазненные легкой жизнью, они согласятся на роль матери и домохозяйки, которую им хотят навязать. И действительно, бо́льшая часть женщин из буржуазии капитулирует. Поскольку воспитание и паразитическое положение ставят их в зависимость от мужчины, они даже не решаются выдвигать какие-либо требования, а те, кто позволяет себе такую дерзость, не встречают почти никакого отклика. «Легче надеть на людей цепи, чем снять, если цепи приносят уважение», – сказал Бернард Шоу. Буржуазная женщина держится за свои цепи, потому что держится за классовые преимущества. Ей неустанно объясняют, и она знает, что женская эмансипация ослабила бы буржуазное общество; освободившись от власти мужчины, она была бы обречена на труд; может, она и сожалеет, что ее права на частную собственность подчинены правам супруга, но расстроилась бы куда больше, если бы частная собственность была уничтожена вовсе; она не чувствует никакой солидарности с женщинами из рабочего класса – она гораздо ближе к своему мужу, чем к работницам текстильной фабрики. Его интересы становятся ее интересами.

И все же это упорное сопротивление не может затормозить ход истории; наступление машинизма разрушает земельную собственность, приводит к

эмансипации класса трудящихся и, соответственно, к эмансипации женщины. Любой социализм, отрывая женщину от семьи, способствует ее освобождению: Платон, мечтая об общинном строе, обещал женщинам такую же самостоятельность, какая была у женщин Спарты. Вместе с утопическим социализмом Сен-Симона, Фурье, Кабе рождается утопия «свободной женщины». Идея Сен-Симона о всемирной ассоциации народов требует отмены любого порабощения – и рабочего, и женщины; Сен-Симон, а вслед за ним Леру, Пекёр, Карно настаивают на освобождении женщин, ибо они такие же люди, как и мужчины. К сожалению, это разумное положение не разделялось безусловно всеми членами школы. Утописты превозносят женщину за ее женственность, а это самый верный способ ей навредить. Отец Анфантен, ссылаясь на то, что единица общества – это супружеская пара, хочет каждому священнику дать в пару женщину, создать так называемого парного священника; от женщины-мессии он ждет пришествия лучших времен, и спутники женщины отплывают на Восток в поисках спасителя женского пола. Анфантен находится под влиянием Фурье, который путает освобождение женщины и реабилитацию плоти; Фурье требует, чтобы каждому человеку была предоставлена свобода следовать зову страстей; брак он хочет заменить любовью; он рассматривает женщину не как личность, а с точки зрения ее любовной функции. Кабе тоже обещает, что при икарыйском коммунизме будет достигнуто полное равенство полов, хоть и допускает лишь ограниченное участие женщин в политической жизни. В действительности женщины в сенсимонистском движении занимают второстепенное место: достаточно важную роль играет только Клер Базар, основательница и руководительница газеты «Новая женщина» (*La Femme nouvelle*), продержавшейся недолгое время. Вслед за этим изданием появляется множество других мелких журналов, но требования их весьма робки: они добиваются для женщин скорее образования, чем эмансипации; именно к повышению уровня женского образования настойчиво стремится Карно, а вслед за ним и Легуве. Идея женщины-соратницы, женщины, возрождающей человечество, сохраняется на протяжении всего XIX века; ее можно найти у Виктора Гюго. Но эти учения больше дискредитировали дело женщины: они не уподобляют ее мужчине, а противопоставляют ему, признавая за ней интуицию, чувство, но не разум. Дискредитировано это дело было и неумелостью тех, кто за него боролся. В 1848 году женщины основывают клубы, газеты; Эжени Нибуайе издает газету «Голос женщин» (*La Voix des Femmes*), в которой сотрудничает Кабе. Женская делегация отправляется к парижской ратуше, чтобы потребовать «прав женщины», но возвращается ни с чем. В 1849 году Жанна Деруэн выдвинула себя кандидатом в депутаты и развернула предвыборную кампанию, которая обернулась фарсом. Насмешки убили и движения «везувианок» и «блумеристок», расхаживавших в экстравагантных костюмах. Наиболее умные женщины эпохи держатся в стороне от этих движений; г-жа де Сталь боролась скорее за себя, чем за своих сестер; Жорж Санд требует права на свободную любовь, но отказывается сотрудничать в «Голосе женщин»; ее требования лежат главным образом в сфере чувств. Флора Тристан верит в искупление народа женщиной, но ее больше интересует эмансипация рабочего класса, чем своего пола. Однако Даниель Стерн и г-жа де Жирарден присоединяются к феминистскому движению.

В целом реформистское движение, развивающееся в XIX веке, благоприятствует феминизму, поскольку ищет справедливости в равенстве. Но есть и примечательное исключение – Прудон. Видимо в силу своих крестьянских корней, он бурно восстает против сенсимонистского мистицизма; он остается сторонником мелкой собственности, а тем самым

обрекает женщину на домашнее заточение. «Домохозяйка или куртизанка» – вот дилемма, перед которой он ее ставит. До него нападки на феминизм исходили от консерваторов, которые столь же беспощадно боролись и с социализмом; для «Шаривари» и прочих газет это служило неистощимым источником шуток; именно Прудон разрывает союз феминизма и социализма; он протестует против банкета женщин-социалисток под председательством Леру и мечет громы и молнии в адрес Жанны Деруэн. В труде, озаглавленном «О справедливости», он утверждает, что женщина должна оставаться в зависимости у мужчины; только его можно считать общественным индивидом; супружеская пара – это не сотрудничество, что предполагало бы равенство, а союз; женщина уступает мужчине, во-первых, потому, что ее физическая сила составляет лишь 2/3 от мужской, а во-вторых, потому, что в умственном и нравственном отношении она ниже его в той же пропорции; в целом ее ценность измеряется формулой $2 \times 2 \times 2$ против $3 \times 3 \times 3$, что составляет 8/27 от ценности мужчины. Когда две женщины, г-жа Адам и г-жа д'Эрикур, возразили ему, одна решительно и твердо, другая – с не слишком уместной экзальтацией, Прудон ответил им сочинением «Порнократия, или Женщины в настоящее время». При этом он, как все антифеминисты, горячо воспекает «настоящую женщину», рабу и зеркало мужчины, но при всем благоговении ему самому пришлось признать, что жизнь, которую он навязал супруге, не сделала ее счастливой: письма г-жи Прудон – это одна нескончаемая жалоба.

Однако эти теоретические прения не оказывают влияния на ход событий: скорее они дают их неуверенное отображение. Женщина вновь завоевывает экономическое значение, утраченное еще в доисторические времена, ибо отрывается от домашнего очага и по-новому принимает участие в производстве, работая на заводе. Подобный переворот становится возможным благодаря машине – различие в физической силе между работниками мужского и женского пола во многих случаях нивелируется. Поскольку резкий скачок промышленности требует гораздо больше рабочей силы, чем могут поставлять работники мужского пола, привлечение женщин делается необходимым. Это и есть та великая революция XIX века, которая меняет участь женщины и открывает перед ней новую эру. Маркс и Энгельс по достоинству оценивают значение этой революции и обещают, что освобождение пролетариата принесет с собой и освобождение женщин. В самом деле, «женщину и рабочего объединяет то, что оба они угнетенные», – говорит Бебель. И оба они освободятся от угнетения благодаря тому значению, которое в результате технической революции приобретет их производительный труд. Энгельс показывает, что судьба женщины тесно связана с историей частной собственности; в результате некоей катастрофы на смену материнскому праву пришел патриархат, подчинив женщину вотчине; но промышленная революция, в противовес этому упадку, приведет к эмансипации женщин. Он пишет: «Освобождение женщины станет возможным только тогда, когда она сможет в крупном, общественном масштабе участвовать в производстве, а работа по дому будет занимать ее лишь в незначительной мере. А это сделалось возможным только благодаря современной крупной промышленности, которая не только допускает женский труд в больших размерах, но и прямо требует его...»

В начале XIX века женщина подвергалась более постыдной эксплуатации, чем работники мужского пола. Надомная работа представляла собой то, что англичане называют «sweating system» («потогонная система»); несмотря на непрерывный труд, работница зарабатывала недостаточно для обеспечения

своих нужд. Жюль Симон в «Работнице» и даже консерватор Леруа-Больё в книге «Женский труд в XIX веке», опубликованной в 1873 году, обличают чудовищные злоупотребления; так, последний заявляет, что более двухсот тысяч работниц-француженок не зарабатывают и пятидесяти сантимов в день. Понятно, что они стремятся перейти на мануфактуры; впрочем, вскоре за пределами цехов останутся лишь ремесла швеи, прачки да прислуги – рабские ремесла с голодным жалованьем; даже плетение кружев, трикотажное производство и т. п. захвачены заводом; зато существует массовый спрос на рабочую силу в хлопковой, шерстяной и шелковой отраслях; женщин используют главным образом в прядильных и ткацких цехах. Часто хозяева предпочитают их мужчинам. «Они работают лучше и за меньшую плату». Эта циничная формула проливает свет на драматизм женского труда. Ибо женщина обрела человеческое достоинство именно через труд, но борьба была исключительно тяжелой и долгой. Прядильщицы и ткачихи работают в удручающих гигиенических условиях. «В Лионе, – пишет Бланки, – в басонных цехах некоторым женщинам приходится работать, почти повиснув на ремнях и действуя одновременно ногами и руками». В 1831 году работницы шелковой промышленности трудятся летом с трех часов утра до одиннадцати вечера, то есть по семнадцать часов в день, «часто во вредных для здоровья цехах, куда никогда не проникают лучи солнца, – пишет Норбер Трюкен. – Половина девушек заболевают чахоткой, еще не закончив ученичества. Если они жалуются, их обвиняют в притворстве» [66 – Truquin N. Memoires et aventures d'un proletaire. Цит. по: Dolleens E. Histoire du mouvement ouvrier. t. I.]. К тому же конторские служащие насилуют молодых работниц. «Чтобы добиться своего, они прибегают к самым возмутительным средствам, нужде и голоду», – говорит анонимный автор «Правды о лионских событиях». Иногда женщины совмещают сельскохозяйственный труд с работой на заводе. Их цинично эксплуатируют. В одном из примечаний к «Капиталу» Маркс рассказывает: «Г-н Э., фабрикант, сообщил мне, что на своих механических ткацких станках он дает работу исключительно женщинам; он предпочитает замужних женщин, в особенности женщин с семьей, которую они содержат; они много внимательнее и послушнее, чем незамужние, и вынуждены до крайности напрягать свои силы, чтобы добывать необходимые средства к жизни. Так добродетели, – добавляет Маркс, – добродетели, свойственные характеру женщин, обращаются во вред им, так нравственная и нежная сторона их природы превращается в средство их порабощения, в источник их страданий». Ж. Дервиль, пересказывая «Капитал» и комментируя Бебеля, пишет: «Роскошный зверь или вьючное животное – вот фактически все, чем является сегодня женщина. Ее содержит мужчина, если она не работает, и он же содержит ее, если она убивается за работой». Положение женщины-работницы было настолько плачевным, что Сисмонди и Бланки требуют не допускать женщин в цеха. Причина этого отчасти состоит в том, что женщины поначалу не умели защищать себя и организовываться в профсоюзы. Женские объединения возникают в 1848 году, но первоначально это были объединения производственные. Движение это развивалось крайне медленно, о чем свидетельствуют следующие цифры:

в 1905 году среди 781 392 членов профсоюзов насчитывалось 69 405 женщин;

в 1908 году среди 957 120 членов профсоюзов насчитывалось 88 906 женщин;

в 1912 году среди 1 064 413 членов профсоюзов насчитывалось 92 336 женщин;

в 1920 году на 1 580 967 трудящихся приходилось 239 016 работниц и женщин-служащих – членов профсоюзов, а среди женщин, занятых в сельском хозяйстве, – всего 36 193 члена профсоюза на 1 083 957 работниц; то есть из 3 076 585 трудящихся, состоящих в профсоюзе, женщин было всего 292 000. Они остаются безоружными перед лицом открывающихся перед ними новых возможностей из-за традиционной привычки к смирению и покорности, из-за недостатка солидарности и коллективного сознания.

В результате такого отношения женский труд долго оставался нерегламентированным. Вмешательства закона пришлось ждать до 1874 года; да и то, несмотря на все кампании периода Империи, только два положения в нем касаются женщин: одно запрещает использовать труд несовершеннолетних в ночные часы, а также в воскресные и праздничные дни и ограничивает их рабочий день двенадцатью часами; что касается женщин старше двадцати одного года, то им всего лишь не разрешают трудиться под землей, в шахтах и каменоломнях. Первая хартия женского труда датируется 2 ноября 1892 года; она запрещает ночной труд и ограничивает рабочий день на заводе; однако остается множество путей ее обойти. В 1900 году рабочий день ограничивается десятью часами; в 1905-м вводится обязательный еженедельный выходной; в 1907-м работница получает право свободно распоряжаться своим заработком; в 1909-м роженицам гарантируется оплачиваемый отпуск; в 1911-м положения 1892 года приняты к неукоснительному исполнению; в 1913-м разработан порядок предоставления женщинам дородового и послеродового отпуска, введен запрет на их использование на опасных и чрезмерно тяжелых работах. Понемногу складывается социальное законодательство, и женский труд получает гарантию соблюдения гигиены: закон требует сидений для продавщиц, запрещается долгое стояние у выносных прилавков и т. д. В итоге благодаря Международному бюро труда были заключены международные конвенции относительно санитарно-гигиенических условий женского труда, предоставления отпусков по беременности и т. д.

Вторым следствием смиренной пассивности работниц были заработки, которыми им приходилось довольствоваться. Почему заработная плата для женщин была установлена на таком низком уровне – вопрос, который объясняли по-разному; феномен этот связан с целым рядом факторов. Говорить, что у женщин меньше потребностей, чем у мужчин, недостаточно – это годится лишь как оправдание задним числом. Скорее женщины, как мы видели, не сумели защитить себя от эксплуататоров; им приходилось бороться с конкуренцией тюрем, которые выбрасывали на рынок продукцию, произведенную без затрат на рабочую силу; они конкурировали и друг с другом. Кроме того, следует заметить, что освободиться через труд женщина стремится в обществе, где сохраняется общность имущества супругов; связанная с домом отца или мужа, она чаще всего довольствуется тем, что вносит свой вклад в хозяйство; она работает вне семьи, но на семью; и поскольку работница не должна сама удовлетворять свои потребности, ей приходится соглашаться на гораздо более низкое вознаграждение, чем то, какого требует мужчина. А поскольку значительное число женщин довольствуется пониженной заработной платой, женская зарплата в целом, естественно, выравнивается по этому уровню, наиболее выгодному для нанимателя.

По данным опроса, проведенного в 1889–1893 годах, во Франции работница за равный с мужчиной рабочий день получала лишь половину того, что платили мужчине. Согласно опросу 1908 года, самая высокая почасовая плата

надомным работницам не превышала двадцати сантимов в час и доходила до пяти сантимов; при подобной эксплуатации женщине невозможно было жить, не прося подаяния или не имея покровителя. В Америке в 1918 году женщина получает лишь половину мужского заработка. Примерно в тот же период за одинаковое количество угля, добываемого в шахтах Германии, женщине платили примерно на 25 процентов меньше, чем мужчине. Между 1911 и 1943 годом женская заработная плата во Франции росла немного быстрее, чем мужская, но все равно осталась значительно ниже.

Наниматели охотно брали на работу женщин, соглашавшихся на низкие зарплаты, однако это вызвало сопротивление со стороны работников-мужчин. Между делом пролетариата и делом женщин нет той непосредственной солидарности, о какой писали Бебель и Энгельс. Вставала примерно та же проблема, что в США в связи с чернокожими рабочими. Наиболее угнетаемые в данном обществе меньшинства охотно используются угнетателями как оружие против основной массы того класса, к которому они принадлежат; тем самым первоначально они выступают как враги, и требуется более глубокое осознание ситуации, чтобы не противопоставлять, а объединять интересы черных и белых, работниц и работников. Понятно, почему трудящиеся мужчины поначалу увидели в конкуренции этой дешевой рабочей силы страшную угрозу и отнеслись к ней враждебно. Только когда женщины оказались вовлечены в профсоюзную деятельность, они смогли защищать собственные интересы, не ставя под удар интересы рабочего класса в целом.

Несмотря на все эти трудности, женский труд продолжал развиваться. В 1900 году во Франции еще насчитывалось 900 000 надомниц, изготавливавших одежду, изделия из кожи, погребальные венки, сумки, поделки из стекла, предметы роскоши, но число их значительно сократилось. В 1906 году 42 процента женщин трудоспособного возраста (от восемнадцати до шестидесяти лет) были заняты в сельском хозяйстве, промышленности, торговле, работали в банках, страховых компаниях, конторах, имели свободные профессии. Движение это было ускорено во всем мире кризисом рабочей силы 1914–1918 годов и аналогичным кризисом во время Второй мировой войны. Мелкая и средняя буржуазия решила влиться в это движение, и женщины стали массово осваивать также и свободные профессии. Согласно одной из последних переписей довоенного времени, во Франции работают 42 % от общего числа женщин в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет, в Финляндии – 37 %, в Германии – 34,2 %, в Индии – 27,7 %, в Англии – 26,9 %, в Нидерландах – 19,2 %, в США – 17,7 %. Однако во Франции и Индии столь высокие показатели объясняются значительным удельным весом сельского труда. Если исключить крестьянство, во Франции в 1940 году насчитывается примерно 500 000 женщин, возглавляющих фирмы, миллион служащих, два миллиона работниц, полтора миллиона единоличниц или безработных. Среди работниц насчитывается 650 000 надомниц; 1 200 000 женщин заняты в перерабатывающих отраслях, из них 440 000 – в текстильной промышленности, 315 000 – на швейных предприятиях, 380 000 работают швеями на дому. В сфере торговли, свободных профессий, обслуживания показатели Франции, Англии и США примерно совпадают.

Одна из основных проблем, возникающих в связи с женщиной, – это, как мы видели, проблема совмещения ее репродуктивной функции и производительного труда. Главной причиной того, что на заре истории на долю женщины выпал домашний труд, а участвовать в созидании мира ей было запрещено, стало ее подчинение функции продолжения рода. Цикличность периодов течки и брачных

сезонов у самок животных позволяет им экономить силы; у женщин же, напротив, с момента наступления половой зрелости и до климакса способность к деторождению природой не ограничена. В некоторых цивилизациях ранние браки запрещены; известны индейские племена, где требуется, чтобы женщинам был обеспечен хотя бы двухлетний отдых между родами, но в целом на протяжении многих веков деторождение никак не регулировалось. Еще со времен Античности[67 – «Древнейшее из известных упоминаний противозачаточных средств – это египетский папирус второго тысячелетия до нашей эры, рекомендующий вагинальное применение странной смеси, которая состоит из экскрементов крокодила, меда, соды и любого клейкого вещества» (Ari?s Ph. Histoire des populations fran?aises)]. Средневековым персидским врачам известен тридцать один рецепт, из которых только девять относились к мужчине. Соран во времена Адриана объясняет, что женщина, не желающая забеременеть, должна в момент эякуляции «задержать дыхание, немного податься всем телом назад, чтобы сперма не могла попасть в os uteri (в матку), потом немедленно встать, сесть на корточки и вызвать у себя чихание».] применялись противозачаточные средства, обычно предназначенные для женщин: микстуры, свечи, вагинальные тампоны, – но они оставались секретом проституток и врачей; может быть, секретом этим владели римлянки периода упадка, которых сатирики упрекали за бесплодие. Но Средневековье его не знало; никаких упоминаний о нем не встречается вплоть до XVIII века. Для многих женщин жизнь в этот период представляла собой непрерывную череду беременностей; даже женщины легкого поведения расплачивались за свободу любви беспрестанным материнством. Правда, в определенные эпохи человечество ощущало потребность в сокращении численности населения, но в то же время нации боялись ослабеть; в эпохи кризисов и нищеты снижение уровня рождаемости достигалось введением более позднего брачного возраста. Но как правило, люди женились молодыми и имели столько детей, сколько могла выносить женщина; и только детская смертность сокращала численность живых детей. Уже в XVII веке аббат де Пюр[68 – В «Прециозницах», 1656.] протестует против «любвонной водянки», на которую обречены женщины; а г-жа де Севинье советует дочери избегать слишком частых беременностей. Однако мальтузианская тенденция получает развитие во Франции лишь в XVIII веке. Сначала обеспеченные слои, а затем и все население полагают разумным соотносить количество детей с возможностями родителей, и в обиходе появляются противозачаточные средства. В 1778 году демограф Моро пишет: «Не только богатые женщины видят в продолжении рода устаревшее заблуждение; зловещие секреты, во всем животном мире ведомые лишь человеку, уже проникли в деревню; природу обманывают даже крестьяне». Практика coitus interruptus (прерванного сношения) распространяется сначала в буржуазной среде, а потом и среди сельского населения и рабочих; презерватив, ранее считавшийся средством от венерических болезней, становится средством противозачаточным; особенно широкое распространение он получает после открытия вулканизации в 1840 году[69 – «К 1930 году одна американская фирма продавала двадцать миллионов презервативов в год. Пятнадцать американских мануфактур выпускали их по полтора миллиона в день» (Ф. Арьес).]. В англосаксонских странах официально разрешен birth control (контроль за рождаемостью); открыто множество способов развести две прежде неразделимые функции – сексуальную и репродуктивную. Труды венских медиков, в точности описавших механизм зачатия и благоприятствующие ему условия, тем самым подсказали способы зачатия избежать. Во Франции пропаганда противозачаточных средств и

продажа пессариев, вагинальных тампонов и т. д. запрещена, но это не мешает широкому распространению birth control.

Что касается аборта, то он нигде официально не разрешен законом. Римское право не защищало специально внутриутробную жизнь; nasciturus (зародыш) рассматривался не как человеческое существо, но как часть тела матери: partus antequam edatur mulieris portio est vel viscerum[70 – Нерожденное дитя является частью женщины, подобием внутреннего органа.]. В период упадка Римской империи аборт считается нормальной практикой, и законодательная власть, даже стремясь повысить рождаемость, не решает его запретить. Если женщина отказывалась рожать вопреки воле мужа, тот мог привлечь ее к ответственности – но вина ее состояла в неповиновении. В целом в восточной и греко-римской цивилизации аборт допускается законом.

Христианство в корне пересмотрело моральный смысл этого вопроса, наделив зародыш душой; аборт стал преступлением против самого плода. «Всякая женщина, делающая так, чтобы не родить столько детей, сколько могла бы, столько же раз повинна в человекоубийстве, равно и женщина, что пытается ранить себя после зачатия», – говорит святой Августин. В Византии аборт карался лишь временной ссылкой; у варваров, допускавших детоубийство, аборт считался предосудительным, только если совершался насильно, против воли матери; вину искупали, уплатив цену крови. Но первые Вселенские соборы установили за это «челоубийство» самые суровые кары, независимо от предполагаемого возраста плода. Однако один вопрос вызывает нескончаемые споры: в какой момент душа проникает в тело? Святой Фома Аквинский и большинство авторов установили, что одушевление происходит примерно на сороковой день у детей мужского пола и на восьмидесятый – у детей женского пола; так возникло различие одушевленного и неодушевленного плода. В средневековой пенитенциарии сказано: «Если беременная женщина умертвит свой плод до истечения сорока пяти дней, она подвергается наказанию сроком на один год. Если до истечения шестидесяти дней, то на три года. Если же ребенок уже одушевлен, ее следует считать человекоубийцей». Однако в книге добавлено: «Большая есть разница между бедной женщиной, умерщвляющей дитя потому, что ей трудно его прокормить, и той, что не имеет иной цели, кроме как сокрыть блудное преступление». В 1556 году Генрих II издал знаменитый эдикт о сокрытии беременности; поскольку простое сокрытие каралось смертью, из этого сделали вывод, что кара эта тем более должна применяться в случае аборта; на самом деле эдикт был направлен против детоубийства, но им воспользовались, чтобы карать смертной казнью всех, кто делает аборт, и их сообщников. К XVIII веку различие между одушевленным и неодушевленным плодом исчезло. В конце века Беккариа, пользовавшийся во Франции значительным влиянием, выступил в защиту женщины, отказывающейся от ребенка. Кодекс 1791 года оправдывает женщину, но карает ее сообщников «двадцатью годами кандалов». К XIX веку аборт перестают считать убийством: его рассматривают скорее как преступление против государства. Закон 1810 года полностью запрещает его под страхом заточения и каторжных работ для женщины и ее сообщников; в реальности врачи по-прежнему делают аборт в тех случаях, когда речь идет о спасении жизни матери. Чрезмерная суровость закона сама привела к тому, что к концу века присяжные перестали его применять; арестов было ничтожно мало, а 4/5 обвиняемых оправдывали. В 1923 году принят новый закон, предусматривающий каторжные работы для сообщников и тех, кто осуществил операцию, но женщине грозит только тюремное заключение или

штраф; в 1939 году выходит новый декрет, направленный специально против исполнителей: отныне им отказано в условном наказании. В 1941 году аборт был объявлен преступлением против государственной безопасности. В других странах это правонарушение карается исправительными работами, впрочем в Англии это уголовное преступление (felony), за которое грозит тюрьма или каторга. В целом кодексы и суды куда более снисходительны к самой женщине, чем к ее сообщникам. Однако Церковь ни в чем не смягчает своей позиции. Кодекс канонического права, утвержденный 27 марта 1917 года, гласит: «Тот, кто совершает аборт с воследовавшим результатом, подлежит отлучению по заранее вынесенному судебному решению (latae sententiae)». Не учитываются никакие обстоятельства, даже наличие угрозы для жизни матери. Совсем недавно папа снова заявил, что, выбирая между жизнью матери и ребенка, следует принести в жертву первую: ведь мать, будучи крещена, может попасть на небо – любопытно, что ад в подобных построениях не фигурирует никогда, – тогда как плод обречен вечно оставаться в лимбе[71 – К обсуждению позиции Церкви мы вернемся во втором томе. Отметим лишь, что католики отнюдь не буквально воспринимают учение святого Августина. Накануне свадьбы духовник шепчет на ухо невесте, что она может делать со своим мужем все, что угодно, лишь бы сношение завершилось «как положено»; всякие предохранительные меры – в том числе и coitus interruptus – запрещены; однако разрешается пользоваться календарем, разработанным венскими сексологами, и совершать акт, единственной признанной целью которого является зачатие, в дни, когда женщина зачать не может. Бывают даже духовники, которые сами раздают этот календарь своей пастве. И действительно, есть множество «матерей-христианок», имеющих всего двоих-троих детей и отнюдь не прекративших супружеских отношений после последних родов.]

Аборт был официально разрешен лишь в течение короткого периода: в Германии до прихода нацизма и в СССР до 1936 года. Но, невзирая на религию и законы, он во всех странах занимает значительное место. Во Франции каждый год насчитывается от восьмисот тысяч до миллиона абортов – то есть столько же, сколько рожденных детей, – причем две трети из них делают замужние женщины, многие из которых уже имеют одного или двоих детей. Несмотря на предрассудки, сопротивление, пережитки устаревшей морали, совершается переход от свободной рождаемости к рождаемости, регулируемой государством или самими людьми. Прогресс в области акушерства значительно снизил опасность родов; постепенно уходят в прошлое и родовые муки; на днях – в марте 1949 года – в Англии вышло постановление об обязательном применении некоторых видов анестезии; они уже широко используются в США и начинают распространяться во Франции. Искусственное оплодотворение завершает эволюцию, которая позволит человечеству подчинить себе репродуктивную функцию. В частности, эти перемены имеют колоссальное значение для женщины; она может сократить число беременностей, рационально вписать их в свою жизнь, вместо того чтобы быть их рабыней. В свою очередь женщина на протяжении XIX века освобождается от оков природы; она завоевывает власть над своим телом. В значительной мере избавленная от бремени деторождения, она может взять на себя предлагаемую ей экономическую роль, которая в дальнейшем позволит ей овладеть своей личностью в целом.

Итак, эволюция положения женщины обусловлена конвергенцией двух факторов: участия в производстве и освобождения от рабства деторождения. Как и предвидел Энгельс, ее социальный и политический статус не мог не

измениться. Феминистское движение, начатое во Франции Кондорсе, а в Англии – Мэри Уоллстонкрафт, с ее эссе «В защиту прав женщин», и подхваченное в начале века сенсимонистами, не могло увенчаться успехом, покуда у него не было конкретных основ. В настоящее время требования женщины будут звучать куда весомее. Они раздадутся даже в буржуазной среде. Вследствие быстрого развития промышленной цивилизации земельная собственность отстывает перед собственностью движимой; принцип единства семейной группы теряет силу. Мобильность капитала позволяет его обладателю не пребывать во власти своего состояния, а владеть им в одностороннем порядке и иметь возможность им распоряжаться. Женщина была материально привязана к супругу через вотчину; с уничтожением вотчины супруги стали просто существовать рядом; даже дети не могут служить более прочным связующим звеном, чем материальный интерес. Тем самым в противовес группе будет утверждаться личность; эта эволюция особенно бросается в глаза в Америке, где торжествует современная форма капитализма: здесь широко распространен развод, а муж и жена считаются лишь временными компаньонами. Во Франции, где удельный вес сельского населения весьма высок, где Кодексом Наполеона была установлена опека над замужней женщиной, развитие пойдет медленнее. В 1884 году вновь разрешен развод, и женщина может получить его в случае измены мужа; в то же время в сфере уголовного права разница между полами сохраняется: супружеская измена считается правонарушением, только если ее совершает женщина. Право опеки, данное ей с оговорками в 1907 году, было введено окончательно лишь в 1917-м. В 1912 году было разрешено устанавливать отцовство для внебрачных детей. Пересмотра статуса замужней женщины пришлось ждать до 1938 и 1942 года: только тогда отменена обязанность послушания мужу, хотя главой семьи по-прежнему остается отец; он выбирает место жительства, но женщина может воспротивиться его выбору, если представит веские основания; ее правоспособность возрастает, однако в довольно путаной формулировке: «Замужняя женщина в полной мере обладает правоспособностью. Ее правоспособность не ограничена ничем, кроме брачного контракта и закона»; вторая часть статьи противоречит первой. Равенство супругов еще не достигнуто.

Что касается политических прав, то во Франции, в Англии и США они завоевывались с трудом. В 1867 году Стюарт Милль выступил перед английским парламентом с первой официально произнесенной речью в поддержку женского избирательного права. В своих трудах он настоятельно требовал равенства мужчины и женщины в семье и в обществе. «Я убежден, что принцип, которым управляются общественные отношения между обоими полами и влекущий за собой легальную подчиненность одного пола другому, по самой сущности своей ложен и составляет одно из главных препятствий к прогрессу человечества; вследствие чего его надлежит заменить принципом полного равенства». Вслед за его выступлениями англичанки создают политическую организацию под руководством г-жи Фоусет; француженки встают под знамена Марии Дерем, которая в 1868–1871 годах посвящает целую серию публичных лекций анализу женской участи; она вступает в бурную полемику с Александром Дюма-сыном, который советовал мужу, обманутому неверной женой: «Убей ее». Подлинным основателем феминизма был Леон Рише; в 1869 году он основал Общество за права женщин и организовал Международный конгресс за права женщин, состоявшийся в 1878 году. Вопрос об избирательном праве пока не поднимался; женщины ограничились требованием гражданских прав; на протяжении тридцати лет феминистское движение как во Франции, так и в Англии оставалось весьма робким. Правда, одна женщина,

Губертине Оклер, развернула суфражистскую кампанию; она создала группу «Избирательный голос женщины» и газету «Гражданка» (La Citoyenne). Под ее влиянием образовалось множество обществ, но деятельность их была малоэффективна. Источником слабости феминизма были внутренние разногласия, ведь женщины, как уже отмечалось, не солидаризируются по признаку пола – прежде всего они связаны со своим классом; интересы женщин из буржуазии и из пролетариата не пересекаются. Революционный феминизм подхватывает сенсимонистскую и марксистскую традицию; кстати, следует отметить, что, например, Луиза Мишель выступает против феминизма, считая, что это движение только отвлекает силы, которые следует целиком направить на классовую борьбу; с уничтожением капитала наладится и судьба женщины.

В 1889 году на социалистическом конгрессе было провозглашено равенство полов, и с тех пор союз феминизма и социализма стал нерасторжимым; но поскольку женщины связывают свою эмансипацию с освобождением трудящихся в целом, то и делу своему придают лишь второстепенное значение. Представительницы буржуазии, напротив, требуют новых прав в рамках существующего общества, но всячески отрекаются от роли революционерок; они хотят провести добродетельные реформы нравов: уничтожить алкоголизм, порнографическую литературу, проституцию. В 1892 году собирается так называемый Феминистский конгресс, давший имя всему движению; результаты его невелики. Между тем в 1897 году выходит закон, позволяющий женщине выступать свидетелем в суде, однако, когда женщина, имеющая степень доктора права, подает заявление на должность адвоката, ей отвечают отказом. В 1898 году женщины получают право избирать в Торговый суд, право избирать и быть избранными в Высший совет труда, допуск в Высший совет общественного призрения и в Школу изящных искусств. В 1900 году феминистки вновь собираются на конгресс, но и он не приносит особых результатов. Между тем в 1901 году Вивиани впервые ставит в палате депутатов вопрос о женском голосовании, – впрочем, он предлагает ограничиться предоставлением права голоса незамужним и разведенным женщинам. В этот период значение феминистского движения возрастает. В 1909 году создается Французский суфражистский союз женщин под руководством г-жи Брюншвиц; Союз организует конференции, митинги, конгрессы, манифестации. В 1909 году Бюиссон представляет доклад относительно предложения Дюссоюза предоставить женщинам право голоса на выборах в органы местного управления. В 1910 году предложение в пользу женского избирательного права вносит Тома; к нему возвращаются в 1918-м, а в 1919-м оно получает поддержку палаты депутатов, но в 1922 году сенат его отклоняет. Ситуация складывается весьма сложная. К революционному, так называемому независимому феминизму г-жи Брюншвиц добавился феминизм христианский: папа Бенедикт XV в 1919 году высказался за предоставление женщинам избирательного права, монсеньор Бодрийяр и отец Сертийанж ведут активную пропаганду в этом направлении; на самом деле католики считают, что женщины во Франции представляют собой консервативный и религиозный элемент; именно этого и боятся радикалы: истинная причина их сопротивления в том, что они боятся перераспределения голосов в случае, если женщинам будет позволено голосовать. В сенате многие католики, группа Республиканского союза, а с другой стороны – ультралевые партии выступают за предоставление женщинам права голоса; однако большинство против. Вплоть до 1932 года сенат, прибегая к различным процедурным проволочкам, отказывается обсуждать предложения, касающиеся женского избирательного права; тем не менее в 1932 году, после того как палата

депутатов тремястами девятнадцатью голосами против одного приняла поправку, предоставляющую женщинам право избирать и быть избранными, сенат открывает прения, которые длятся на протяжении нескольких заседаний; поправка отклоняется. Отчет, напечатанный в «Официальной газете» (Journal officiel), весьма показателен; в нем можно найти все аргументы, выдвинутые антифеминистами на протяжении полувека в таком количестве трудов, что их трудно даже перечислить. Первым делом в ход идут галантные аргументы в духе: мы слишком любим женщин, чтобы позволить им голосовать; как когда-то у Прудона, превозносится «настоящая женщина», принимающая дилемму «куртизанка или домохозяйка»: голосующая женщина утратила бы все свое обаяние, она высится на пьедестале, так пусть с него и не сходит, став избирательницей, она теряет все, ничего не приобретая взамен, ей не нужен избирательный бюллетень, чтобы повелевать мужчинами, и т. д. Более серьезные люди ссылаются на интересы семьи: место женщины – дом; политические дискуссии привели бы к раздорам между супругами. Некоторые признаются в умеренном антифеминизме. Женщины отличаются от мужчин. Они не служат в армии. Будут ли голосовать проститутки? А другие высокомерно настаивают на своем мужском превосходстве: голосование – обязанность, а не право, женщины его недостойны. Они не столь умны и не столь образованны, как мужчины. Если они будут голосовать, мужчины изнежатся. У женщин нет никакого политического воспитания. Они станут голосовать так, как прикажет муж. Если они хотят быть свободными, пусть сначала освободятся от своей портнихи. Предлагают даже такой великолепный в своей наивности аргумент: во Франции женщин больше, чем мужчин. Несмотря на убожество всех этих возражений, политических прав француженке пришлось ждать до 1945 года.

Новая Зеландия предоставила женщине всю полноту прав уже в 1893 году; в 1908-м ее примеру последовала Австралия. Но в Англии и Америке победа была трудной. Викторианская Англия властно удерживала женщину у домашнего очага, Джейн Остин писала тайком; требовалось немалое мужество или необычайная судьба, чтобы стать Джордж Элиот или Эмилией Бронте; в 1888 году один английский ученый писал: «Женщины – это не только не раса и даже не половина расы, но всего лишь подвид, предназначенный исключительно для размножения». Г-жа Фоусет основывает в конце века суфражистское движение, но, как и во Франции, весьма робкое. Зато к 1903 году женские требования приобретают особое звучание. Семья Пэнкхерст создает в Лондоне Женский социально-политический союз (ЖСПС), примыкающий к Лейбористской партии; он начинает активную и решительную борьбу. Впервые в истории женщины выступают именно как женщины: это придает особый интерес деятельности английских и американских суфражисток. На протяжении пятнадцати лет они проводят политику давления, отчасти напоминающую поведение Ганди: отказываясь от насилия, они более или менее искусно изобретают его заменители. Они врываются в Альберт-холл во время митингов Либеральной партии, потрясая ситцевыми знаменами с лозунгом: «Право голоса – женщинам!»; они силой пробираются в кабинет лорда Асквита, митингуют в Гайд-парке или на Трафальгарской площади, устраивают уличные шествия с транспарантами, читают лекции; во время демонстраций они оскорбляют полицейских или кидают в них камнями, чтобы против них возбудили дела; в тюрьме прибегают к тактике голодовок; они собирают средства, объединяют вокруг себя миллионы женщин и мужчин; они с такой силой будоражат общественное мнение, что в 1907 году двести членов парламента образуют Комитет в защиту женского избирательного права; отныне каждый год кто-нибудь из членов комитета предлагает закон о

женском избирательном праве, и каждый год этот закон отклоняется по одним и тем же основаниям. В том же 1907 году ЖСПС организует первый марш на парламент, в котором принимают участие множество работниц в платках и несколько аристократок; полиция разгоняет их; однако год спустя, когда возникает угроза запрета для замужних женщин работать в определенных штольнях шахт, ЖСПС призывает работниц из Ланкашира устроить в Лондоне большой митинг. Снова идут аресты, на которые заключенные-суфражистки отвечают в 1909 году длительной голодовкой. Выйдя на свободу, они организуют новые шествия: одна из них верхом на выбеленной известью лошади изображает королеву Елизавету. 18 июля 1910 года, в день, когда закон о женском избирательном праве должен был обсуждаться в палате общин, через весь Лондон протягивается девятикилометровая живая цепь; закон отклоняют, следуют новые митинги и новые аресты. В 1912 году женщины переходят к более агрессивной тактике: поджигают нежилые дома, срывают афиши, топчут газоны, швыряют камнями в полицейских; параллельно они шлют делегацию за делегацией к Ллойд Джорджу и сэру Эдуарду Грею; прячутся в Альберт-холле и с шумом врываются в зал во время выступлений Ллойд Джорджа. Их деятельность прервала война. Сейчас очень сложно сказать, в какой мере эта борьба ускорила события. Ограниченное избирательное право было предоставлено англичанкам в 1918 году, полное – в 1928 году: этот успех был достигнут в основном за счет деятельности женщин во время войны.

Сперва американская женщина оказалась более независимой, чем европейская. В начале XIX века женщинам пришлось участвовать в тяжелом труде первопроходцев, который лег на мужские плечи, они боролись наравне с мужчинами; их было намного меньше, а потому ценили их очень высоко. Однако понемногу их положение сблизилось с положением женщин Старого Света; с ними продолжали обходиться галантно; они сохранили культурные привилегии и господствующее положение в семье; законы охотно признавали за ними религиозную и нравственную роль; однако все рычаги управления обществом оставались в руках мужчин. Около 1830 года некоторые женщины стали требовать политических прав. Они также развернули кампанию в защиту негров. Поскольку участие женщин в состоявшейся в 1840 году Конвенции противников рабства не предусматривалось, квакерша Лукреция Мотт основала феминистскую ассоциацию. 18 июля 1840 года на Конвенции по правам женщин в Сенека-Фоллзе ее члены составили манифест, проникнутый духом квакерства и задавший тон всему американскому феминизму. «Все мужчины и женщины рождены равными – Господь наделил их определенными неотъемлемыми правами... Для защиты этих прав учреждаются правительства... [Мужчина], сделав ?женщину? в замужестве бесправной перед лицом закона, приговорил ее к гражданской смерти... Он присвоил себе прерогативу самого Иеговы, утверждая свое право указывать ей сферу деятельности, тогда как это дело ее совести и ее Бога». Спустя три года г-жа Бичер-Стоу пишет «Хижину дяди Тома», которая поднимет в общественном мнении волну сочувствия неграм. Эмерсон и Линкольн поддерживают феминистское движение. Когда вспыхивает война между Севером и Югом, женщины принимают в ней активное участие, но напрасно они требуют, чтобы поправка, предоставляющая право голоса неграм, была сформулирована в следующей редакции: «Ни цвет кожи, ни пол... не могут служить препятствием для предоставления избирательного права». Тем не менее, воспользовавшись тем, что одна из статей поправки допускает разночтения, мисс Энтони, одна из лидеров феминизма, вместе с четырнадцатью соратницами голосует в Рочестере; на нее налагают штраф в размере ста долларов. В 1869 году она основывает Национальную ассоциацию

за избирательные права женщин; в том же году женщинам штата Вайоминг предоставляется право голоса. Но только в 1893 году этому примеру последовал штат Колорадо, а за ним в 1896-м – Айдахо и Юта. Далее прогресс идет очень медленно. Однако в экономическом плане женщины добиваются гораздо большего, чем в Европе. В 1900 году в США насчитывается пять миллионов работающих женщин, из которых 1 300 000 заняты в промышленности, 500 000 – в торговле; множество женщин работают в торговле, промышленности, занимаются бизнесом и всеми свободными профессиями. Есть женщины-адвокаты, доктора и 3373 женщины-пастора. Знаменитая Мери Бейкер Эдди основывает движение «Христианская наука». Женщины привыкают объединяться в клубы: в 1900 году в их составе насчитывается около двух миллионов членов.

И все же только девять штатов предоставили женщинам избирательное право. В 1913 году организуется движение суфражисток по типу, аналогичному английскому движению. Его возглавляют две женщины: мисс Стивенс и молодая квакерша Элис Пол. Они добиваются от Вильсона разрешения проводить демонстрации и шествия со знаменами и транспарантами, затем организуют серию разнообразных лекций, митингов, шествий и манифестаций. Избирательницы из девяти штатов, где женщинам предоставлено право голоса, торжественно направляются к Капитолию, требуя избирательного права для женщин всей нации. В Чикаго женщины впервые объединяются в партию за освобождение своего пола – на ее основе образовалась Национальная женская партия. В 1917 году суфражистки изобретают новую тактику: они стоят как на часах у ворот Белого дома со знаменами в руках, нередко приковывая себя к решетке, чтобы их нельзя было прогнать. Через полгода их арестовывают и отправляют в исправительную тюрьму Оккоквен; они объявляют голодовку, и их в конце концов выпускают. Новые шествия уже больше похожи на мятежи. Наконец правительство соглашается назначить при палате представителей Комитет по избирательному праву. Исполнительный комитет Женской партии созывает в Вашингтоне конференцию; в итоге поправка о предоставлении женщинам избирательного права выносится на обсуждение палаты представителей и голосуется 10 января 1918 года. Остается получить одобрение сената. Поскольку Вильсон не собирается оказывать необходимого давления на сенат, суфражистки выходят на новые манифестации; они устраивают митинг у ворот Белого дома. Президент принимает решение обратиться к сенату с воззванием, но поправка отклоняется с перевесом в два голоса. Она будет принята Республиканским конгрессом в июне 1919 года. Следующие два года будет длиться борьба за полное равенство полов. На Шестой Панамериканской конференции, проходившей в Гаване в 1928 году, женщины добиваются образования Межамериканской женской комиссии. В 1933 году международные соглашения, подписанные в Монтевидео, поднимают положение женщин на новую высоту. Девятнадцать американских республик подписывают конвенцию, предоставляющую женщине полное равноправие.

Сильное феминистское движение существует также в Швеции. Ссылаясь на старые традиции, шведки требуют права «на образование, на труд, на свободу». Борьбу ведут в основном женщины-литераторы, и в первую очередь их интересует моральный аспект проблемы; затем, объединившись в мощные ассоциации, они привлекают на свою сторону либералов, но наталкиваются на враждебность консерваторов. Норвежки получают право голоса в 1907 году, финки – в 1906-м, тогда как шведкам приходится ждать его еще долгие годы.

В романских странах, как и в странах Востока, женщина подавлена строгостью нравов еще сильнее, чем строгостью законов. В Италии развитие феминизма постоянно тормозил фашизм. Итальянский фашизм, ища союза с Церковью, почитая семью и продолжая традицию женского рабства, поставил женщину в двойную зависимость – от государственной власти и от мужа. Совершенно иная ситуация складывается в Германии. В 1790 году студент Гиппель выступил с первым манифестом немецкого феминизма. Начало XIX века было периодом расцвета сентиментального феминизма, наподобие того, что проповедовала Жорж Санд. В 1848 году первая немецкая феминистка Луиза Отто требовала для женщин права содействовать переменам в стране; ее феминизм был по сути националистическим. В 1865 году она основала Всеобщий германский женский союз. Немецкие социалисты вместе с Бебелем, в свою очередь, требовали отмены неравенства полов. В 1892 году в состав партийного руководства СДПГ входит Клара Цеткин. Появляются женские рабочие ассоциации и союзы женщин-социалисток, объединенные в Федерацию. Предпринятая немками в 1914 году попытка создать женскую национальную армию терпит крах, но они активно участвуют в войне. После поражения Германии они, получив избирательное право, принимают участие в политической жизни: Роза Люксембург ведет борьбу в группе «Спартак» бок о бок с Либкнехтом и в 1919 году становится жертвой убийства. Большинство немок выступили в поддержку партии порядка; многие из них заседают в рейхстаге. То есть наполеоновский идеал «Küche, Kirche, Kinder» был вновь навязан Гитлером уже эмансипированным женщинам. «Присутствие женщины обесчестило бы рейхстаг», – заявил он. Поскольку нацизм имел антикатолическую и антибуржуазную направленность, он отводил привилегированное место матери; социальная защита матерей-одиночек и внебрачных детей в значительной мере освободила женщину от брака; она, как в Спарте, куда сильнее зависела от государства, чем от конкретного человека, что давало ей одновременно и больше и меньше автономии, чем имела женщина из буржуазной среды при капиталистическом строе.

Наибольшего размаха феминистское движение достигло в СССР. Оно наметилось в конце XIX века среди студенчества и интеллигенции; женщины эти были привержены не столько своему личному делу, сколько революционному движению в целом; они «идут в народ» и борются с охранкой нигилистическими методами: в 1878 году Вера Засулич убивает префекта полиции Трепова. Во время Русско-японской войны женщины во многих профессиях заменяют мужчин; у них появляется самосознание, и русский Союз равноправия женщин требует политического равенства полов; в составе Первой думы образуется депутатская группа по правам женщин, однако результатов она не дает. Эмансипация трудящихся женщин станет возможной после революции. Уже в 1905 году они принимали широкое участие в охвативших страну массовых политических забастовках и шли на баррикады. В 1917 году, за несколько дней до Февральской революции, они устроили по случаю Международного женского дня (8 Марта) массовую манифестацию на улицах Санкт-Петербурга, требуя хлеба, мира и возвращения мужей. Принимают они участие и в Октябрьском восстании; в 1918–1920 годах они играют большую экономическую и даже военную роль в борьбе страны против интервентов. Ленин, верный марксистской традиции, связывал женскую эмансипацию с освобождением трудящихся; он предоставил им политическое и экономическое равенство.

Статья 122 Конституции 1936 года гласит: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной,

культурной и общественно-политической жизни». Эти принципы были развиты Коминтерном. Он провозглашает: «Социальное уравнивание женщины с мужчиной перед законом и в быту, коренная перестройка брачного и семейного права, признание материнства социальной функцией, охрана материнства и младенчества. Начало осуществления обществом ухода за детьми и молодежью и их воспитания (детские ясли, сады, дома и т. д.). Создание учреждений для постепенной разгрузки домашнего хозяйства (общественные кухни и прачечные), планомерная культурная борьба с идеологией и традициями, закабаляющими женщину». В экономической области завоевания женщины поразительны. Она получила равную с работниками-мужчинами заработную плату и принимала активное участие в производстве; тем самым она стала играть значительную роль в политике и в обществе. В недавно изданной обществом «Франция – СССР» брошюре говорится, что, по результатам всеобщих выборов 1939 года, 457 000 женщин стали депутатами районных, областных, городских и сельских советов, 1480 – высших республиканских советов, 227 заседали в Верховном Совете СССР. Около 10 миллионов женщин являются членами профсоюзов. Женщины составляют 40 процентов рабочих и служащих в СССР; многие работницы приняли участие в стахановском движении. Известно, сколь велика была роль русской женщины в последней войне; женщины самоотверженно трудились даже в отраслях с преобладанием мужских профессий: в металлургии и горнодобывающей промышленности, на лесосплаве, на железных дорогах и т. д. Они отличились как летчицы и парашютистки, они создавали партизанские отряды.

Участие женщины в общественной жизни породило сложную проблему: вопрос о ее роли в семейной жизни. На протяжении длительного периода ее стремились освободить от домашних обязанностей; 16 ноября 1924 года Коминтерн на пленарном заседании провозгласил: «Революция бессильна, пока существует старая идея семьи и семейных отношений». Уважение свободного союза, облегчение развода, легализация аборт – все это обеспечивало женщине свободу перед лицом мужчины; законы об отпусках по беременности, ясли, детские сады и прочее облегчали материнские обязанности. На основании эмоциональных и противоречивых свидетельств трудно установить, каково было конкретное положение женщины; несомненно лишь то, что сегодня необходимость роста населения привела к иной семейной политике: семья является первичной ячейкой общества, а женщина – одновременно и труженицей, и домохозяйкой [72 – В 1944 году секретарь ЦК комсомола Ольга Мишакова заявила в одном интервью: «Советские женщины должны стараться стать настолько привлекательными, насколько позволяет природа и хороший вкус. После войны им нужно будет одеваться как женщинам и иметь женскую походку... Девушкам будут говорить, чтобы они вели себя и ходили как девушки, и, возможно, поэтому они станут носить очень узкие юбки, которые сделают их походку грациозной».]. Сексуальная мораль очень строга; закон, принятый в июне 1936 года и ужесточенный 7 июня 1941 года, запрещает аборт; развод практически отменен; нравы осуждают супружескую измену. Русская женщина, находящаяся, как и все трудящиеся, в тесной зависимости от государства и прочно привязанная к домашнему очагу, но при этом имеющая доступ к политической жизни и пользующаяся тем уважением, какое сообщает ей производительный труд, оказывается в особом положении; его своеобразие было бы полезно изучить вблизи, на месте; к несчастью, обстоятельства не позволяют мне это сделать.

На своей недавней сессии Комиссия ООН по положению женщин потребовала признания всеми нациями равноправия полов и одобрила целый ряд

предложений, направленных на то, чтобы этот юридический статус нашел соответствие в конкретной реальности. Судя по всему, дело выиграно. Будущее может лишь привести ко все более глубокой интеграции женщины в некогда мужское общество.

* * *

Если окинуть взглядом эту историю в целом, мы увидим, что из нее следует несколько выводов. Первый: вся история женщин творилась мужчинами. Подобно тому как в Америке нет проблемы черных, а есть проблема белых [73 – См.: Myrdall. American dilemma.], подобно тому как «антисемитизм – не еврейская проблема, это наша проблема» [74 – См.: Сартр Жан Поль. Размышления о еврейском вопросе (перевод Г. Ноткина. – Прим. ред.)], проблема женщины всегда была мужской проблемой. Мы видели, по каким причинам они вначале получили моральное преимущество благодаря физической силе; они создали ценности, нравы, религию; эту власть женщины никогда у них не оспаривали. Считанные единицы – Сафо, Кристина Пизанская, Мэри Уоллстонкрафт, Олимпия де Гуж – протестовали против своего тяжелого удела; иногда случались коллективные манифестации, но римские матроны, объединившиеся против закона Оппия, или англосаксонские суфражистки смогли оказать давление на мужчин только потому, что те охотно ему поддавались. Судьба женщины всегда была в их руках; и распоряжались они ею отнюдь не в ее интересах – они пеклись о собственных проектах, о своих опасениях и нуждах. Они поклонялись богине-матери только потому, что Природа внушала им страх; как только бронзовые орудия труда дали им возможность ей противостоять, они установили патриархат; и тогда статус женщины стал определяться конфликтом между семьей и государством; в ее положении отразилось отношение христианина к Богу, миру и своей плоти; то, что в Средние века получило название «спор о женщинах», было на самом деле спором между клириками и мирянами относительно брака и celibата; к опеке над замужней женщиной привел общественный строй, основанный на частной собственности, а современных женщин освободила техническая революция, осуществленная мужчинами. Именно эволюция мужской этики привела к сокращению количества детей в семье благодаря контролю за рождаемостью и частично освободила женщину от тягот материнства. Да и сам феминизм никогда не был независимым движением: он был отчасти орудием в руках политиков, отчасти эпифеноменом, отражающим более глубокую социальную драму. Женщины никогда не составляли отдельной касты и, по правде говоря, никогда не стремились играть некую историческую роль как особый пол. Учения, что призывают пришествие женщины-плоти, женщины-жизни, женщины-имманентности, женщины как Другого, суть идеологии мужчин, несколько не отражающие женские притязания. Большинство женщин смиряются со своим уделом и не предпринимают никаких действий; те же, кто стремился к изменениям, хотели не замкнуться в своей особости и дать ей одержать победу, а ее преодолеть. Если они вмешивались в ход мирового развития, то в согласии с мужчинами, в заданной мужчинами перспективе.

В целом их вмешательство было второстепенным и эпизодическим. Классы, где женщины пользовались некоторой экономической автономией и участвовали в производстве, – это классы угнетенные, и женщины-работницы были порабощены еще сильнее, чем работники-мужчины. Женщина из правящих классов вела паразитарное существование, а потому полностью подчинялась мужским законам; в обоих случаях возможность действия для нее практически

исключалась. Право и нравы не всегда совпадали, и равновесие между ними достигалось таким образом, что женщина никогда не обладала конкретной свободой. В древнеримской республике благодаря экономическим условиям матрона имеет некоторые конкретные возможности, но никакой юридической независимости у нее нет; часто так же дело обстоит в крестьянской среде и у мелкой торговой буржуазии; женщина, любовница и прислуга в доме, в социальном плане остается несовершеннолетней. И наоборот, в эпохи общественного распада женщина эмансипируется, но, перестав быть вассалом мужчины, теряет и свою вотчину; у нее есть только негативная свобода, не находящая иного выхода, кроме вольного поведения и распутства: так было в период упадка Римской империи, в эпоху Возрождения, в XVIII веке, при Директории. Либо она находит себе применение, но при этом порабощена, – либо свободна, но не знает, куда себя приложить. Характерно, среди прочего, что замужняя женщина всегда имела свое место в обществе, но была абсолютно бесправна, тогда как незамужняя, будь то честная девушка или проститутка, обладала всеми правами мужчины; но вплоть до нынешнего века она была более или менее исключена из общественной жизни. Такая противоположность права и нравов породила, в частности, любопытный парадокс: свободная любовь не запрещена законом, тогда как супружеская измена – правонарушение; между тем часто «согребившая» девушка считается обесчещенной, тогда как на похождения супруги смотрят снисходительно: многие девушки с XVII века и до наших дней выходили замуж специально, чтобы свободно заводить любовников. При такой замысловатой системе основная масса женщин связана по рукам и ногам – нужны исключительные обстоятельства, чтобы в зазоре между двумя видами уз, абстрактных или конкретных, смогла утвердиться женская личность. Деяния, сопоставимые с мужскими, совершили лишь те женщины, которые силой социальных институций были поставлены выше любых половых различий. Изабелла Католическая, Елизавета Английская, Екатерина Великая не принадлежали ни к мужскому, ни к женскому полу: это монархи. Примечательно, что их женственность, будучи социально уничтожена, перестала быть изъяном: среди королей процент тех, чье правление считается великим, был намного выше, чем процент великих королей. То же превращение производит и религия: Екатерина Сиенская и святая Тереза – это святые души вне каких-либо физиологических условий; их мирская и мистическая жизнь, их деяния и сочинения достигают высот, доступных лишь редким мужчинам. Мы вправе полагать, что другим женщинам не удалось оставить по себе глубокого следа в мире только потому, что они не могли выйти за рамки своего положения. Они действовали исключительно негативным или косвенным образом. Юдифь, Шарлотта Корде, Вера Засулич убивают; участницы Фронды готовят заговор; во время революции и Парижской коммуны женщины борются бок о бок с мужчинами против установленного порядка; свободе, лишенной права и власти, дозволено направлять все силы на отрицание и бунт, но запрещено участвовать в позитивном строительстве; в лучшем случае ей удастся окольными путями просочиться в дела мужчин. К советам Аспазии, г-жи де Ментенон, принцессы дез Юрсен мужчины прислушивались – но надо было, чтобы они согласились их слушать. Мужчины охотно преувеличивают такого рода влияние, когда хотят убедить женщину в ее преимуществах; но в действительности с началом конкретных действий женские голоса умолкают; женщины могли развязывать войны, но не подсказывать тактику ведения боя; они задавали направление политики лишь постольку, поскольку политика сводилась к интригам, – истинные же бразды правления миром никогда не находились в женских руках; женщины не оказывали воздействия на технику и экономику, не создавали и не разрушали государств, не открывали новых миров. Многие события совершались из-за

них, но сами они были главным образом предлогом, а не действующими лицами. Самоубийство Лукреции имело чисто символическое значение. Угнетенному всегда дозволено стать мучеником; во время гонений на христиан, сразу после социальных или национальных потрясений женщинам всегда доставалась эта роль живых свидетельств, но еще ни один мученик не изменил лицо мира. Даже женские манифестации и выступления обрели вес, лишь получив действенное и решительное продолжение со стороны мужчин. Американки, сплотившиеся вокруг г-жи Бичер-Стоу, поднимают общественное мнение на решительную борьбу с рабством, но истинные причины войны между Севером и Югом лежат вне сферы чувств. «Женский день» 8 марта 1917 года, может, и приблизил русскую революцию, но все равно был только сигналом. Большинство женщин-героинь относится к барочному типу: это авантюристки, сумасбродки, знаменитые не столько благодаря значительным поступкам, сколько в силу своей особенной судьбы; величие Жанны д'Арк, г-жи Ролан, Флоры Тристан, если сравнить их с Ришелье, Дантоном, Лениным, главным образом субъективного свойства: это скорее образцовые фигуры, чем исторические деятели. Великий человек вырывается из массы и отдается на волю обстоятельств; женская же масса живет на обочине истории, а обстоятельства для каждой из них – это барьер, а не трамплин. Чтобы изменить облик мира, нужно прежде накрепко в него вклиниться, но женщины, крепко укорененные в обществе, покорны этому обществу; если они не предназначены для деятельности по Божественному праву – в этом случае женщины ни в чем не уступают мужчинам, – то честолюбивая женщина или героиня выглядит диковинным существом. Лишь когда женщины начинают чувствовать себя на этой земле как дома, появляются такие личности, как Роза Люксембург и г-жа Кюри. Они с блеском продемонстрировали, что не неполноценность женщин обусловила их ничтожную роль в истории, а, наоборот, ничтожная роль в истории обрекла их на неполноценность [75 – Примечательно, что в Париже на добрую тысячу статуй приходится (за исключением королей, по чисто архитектурным соображениям окружающих парковую террасу Люксембургского сада) только десять, воздвигнутых в честь женщин. Три посвящены Жанне д'Арк. Остальные – это г-жа де Сегюр, Жорж Санд, Сара Бернар, г-жа Бусико и баронесса де Гирш, Мария Дерем, Роза Бонёр.] .

Это особенно бросается в глаза в той области, где женщинам лучше всего удалось утвердить себя, – в области культуры. Их судьба была тесно связана с развитием литературы и искусства; уже у германцев функции пророчиц и жриц возлагались на женщин; поскольку женщины – маргиналы и находятся на обочине мира, именно к ним обратятся мужчины в попытках преодолеть границы своего универсума с помощью культуры и достичь чего-то иного. Куртуазный мистицизм, гуманистическое любопытство, вкус к красоте, расцветающий в ренессансной Италии, прециозность XVII века, передовой идеал XVIII века приводят в разных формах к прославлению женственности. Женщина тогда занимает главное место в поэзии, становится содержанием искусства; располагая досугом, она может предаваться духовным усладам; вдохновительница, судия, аудитория писателя, она становится его соперницей; часто именно благодаря ей берет верх тот или иной тип чувствительности, та или иная этика, питающая мужские сердца, и тем самым она влияет и на собственный удел: женское образование – это в основном завоевание самих женщин. Но хотя коллективная роль женщин-интеллектуалок весьма значительна, их индивидуальный вклад в целом куда менее ценен. Женщине принадлежит привилегированное место в сфере мысли и искусства потому, что она не вовлечена в действие; но именно в действии лежит живой

источник искусства и мысли. Обочина мира – не самое благоприятное положение для того, кто стремится сотворить этот мир заново: и здесь тоже, чтобы вырваться за пределы данного, нужно для начала иметь в нем глубокие корни. Для тех категорий людей, которые коллективно удерживаются в приниженном состоянии, личная реализация почти невозможна. «Куда прикажете деваться со своими юбками?» – спрашивала Мария Башкирцева. А Стендаль говорил: «Все гении, родившиеся женщинами, пропадают для общественного счастья». Собственно, гениями не рождаются, гениями становятся; а до сих пор положение женщины делало это становление невозможным.

Антифеминисты черпают в анализе истории два противоречивых аргумента: 1) женщины никогда не создавали ничего великого; 2) положение женщины никогда не мешало расцвету великих личностей женского пола. Оба утверждения не вполне добросовестны; успехи отдельных избранниц не могут ни компенсировать, ни оправдать систематической приниженности на коллективном уровне; тот факт, что успехи эти редки и ограничены, как раз и доказывает, что обстоятельства им не благоприятствуют. Как утверждали Кристина Пизанская, Пулен де ля Барр, Кондорсе, Стюарт Милль, Стендаль, женщина не имела возможностей никогда и ни в одной области. Именно поэтому сегодня многие из них требуют для себя нового статуса; и, повторяю, им не нужно, чтобы их превозносили как женщин: они хотят, чтобы в них самих, как и в человечестве в целом, трансценденция одержала верх над имманентностью; они хотят, чтобы им наконец были предоставлены абстрактные права и конкретные возможности, без сочетания которых свобода – не более чем мистификация [76 – Здесь антифеминисты вновь играют словами. То они ни во что не ставят абстрактную свободу и восторгаются огромной конкретной ролью, какую может играть в этом мире поработенная женщина, – так чего же она еще требует? То закрывают глаза на тот факт, что негативная вольность не дает никаких конкретных возможностей, и упрекают абстрактно свободных женщин за то, что они никак себя не проявляют.] .

Сейчас это стремление осуществляется. Но мы живем в переходный период; мир, всегда принадлежавший мужчинам, пока по-прежнему в их руках; большинство институтов и ценностей патриархата еще сохраняется. Далеко не везде женщинам предоставлена вся полнота абстрактных прав: в Швейцарии они до сих пор не голосуют, во Франции закон 1942 года в смягченной форме закрепляет прерогативы супруга. А как мы сказали выше, абстрактных прав всегда недостаточно, чтобы дать женщине конкретную власть над миром; истинного равенства полов на сегодняшний день все еще нет.

Во-первых, бремя семейной жизни для женщины по-прежнему намного тяжелее, чем для мужчины. Мы видели, что материнские обязанности сократились благодаря контролю за рождаемостью – открытому или тайному, но практика такого контроля распространена не везде и соблюдается не строго; поскольку аборт официально запрещен, многие женщины либо подрывают свое здоровье подпольными абортивными средствами, либо изнуряют себя многочисленными беременностями. Забота о детях и домашнее хозяйство до сих пор лежат почти исключительно на женских плечах. В частности, во Франции традиции антифеминизма настолько стойки, что мужчина счел бы для себя унижением участвовать в исконно женских делах. В результате женщине труднее, чем мужчине, сочетать семейную жизнь и работу. В тех случаях,

когда общество требует от нее этого усилия, ей живется намного тяжелее, чем ее супругу.

Рассмотрим, например, долю крестьянок. Во Франции они составляют большинство женщин, участвующих в производительном труде; как правило, они замужем. Незамужняя женщина чаще всего фактически остается прислугой в доме отца, брата или сестры; хозяйкой дома она становится, лишь признав над собой власть мужа; в разных регионах нравы и традиции отводят ей разные роли: нормандская крестьянка во время трапезы сидит во главе стола, тогда как корсиканская женщина не садится за один стол с мужчинами; но в любом случае она, играя важнейшую роль в домашнем хозяйстве, разделяет обязанности и интересы мужа, вместе с ним владеет собственностью; она пользуется уважением и нередко является фактической главой семьи, то есть занимает примерно то же положение, что и в древней сельскохозяйственной общине. Ее моральный престиж часто равен или превосходит престиж мужа, но конкретное ее положение намного тяжелее. На ней одной лежит уход за садом, птичьим двором, овчарней, свинарником; она принимает участие и в тяжелых работах: чистит стойла, унавоживает, сеет, пашет, пропальвает, косит; она копает, удаляет сорняки, жнет, собирает виноград, а порой и помогает нагружать и разгружать возы соломы, сена, дров и хвороста, фуража и пр. Кроме того, она готовит еду и ведет хозяйство: стирает, зашивает, штопает и т. д. Она несет на себе всю тяжесть материнства и заботы о детях. Она встает на заре, кормит птицу и мелкий скот, подает завтрак мужчинам, приводит в порядок детей и отправляется работать в поле, в лес или на огород, потом идет к источнику за водой, снова подает на стол, моет посуду, опять работает в поле до ужина, а после ужина до поздней ночи штопает, убирает дом, лушит кукурузу и т. д. Поскольку даже во время беременности у нее нет времени заниматься здоровьем, она быстро теряет форму, раньше времени блекнет, стареет, болеет. Ей отказано в тех немногих компенсациях, какие мужчина время от времени находит в общественной жизни: он ездит в город по воскресеньям и в дни ярмарок, встречается с другими мужчинами, ходит в кафе, пьет, играет в карты, охотится, ловит рыбу. Она же остается на ферме и вообще не знает досуга. Лишь зажиточные крестьянки, которые могут взять себе в помощь прислугу или избавлены от полевых работ, достигают в жизни счастливого равновесия: их почитают в обществе, а дома они пользуются большим авторитетом, не изнемогая под тяжестью непосильного труда. Однако чаще всего сельский труд низводит женщину до положения вьючного животного.

Положение лавочницы, хозяйки небольшого предприятия, во все времена было привилегированным; они были единственными, кого законодательство со времен Средневековья признавало правоспособными; бакалейщица, молочница, трактирщица, торговка табаком стоят на одной ступени с мужчинами; если они не замужем или овдовели, их торговое дело принадлежит только им; выйдя замуж, они остаются такими же самостоятельными, как и супруг. Они имеют редкую возможность работать там же, где живут, и работа обычно не бывает чересчур обременительной.

Совершенно иначе обстоит дело у работницы, служащей, секретарши, продавщицы – всех, кто трудится вне дома. Им гораздо труднее сочетать работу с домашними хлопотами (покупки, готовка, уборка, приведение в порядок одежды отнимают у них по меньшей мере три с половиной часа в день и шесть часов по воскресеньям; весьма существенная цифра, если добавить

ее к часам, проведенным на заводе или в учреждении). Что касается свободных профессий, то, даже если женщинам-адвокатам, врачам или преподавателям кто-то помогает по хозяйству, домашние хлопоты и заботы о детях для них тоже тяжелая обуза. В Америке работа по дому облегчается техническими изобретениями, но от работающей женщины требуют, чтобы она элегантно одевалась и хорошо выглядела, создавая для нее еще одну зависимость; и она по-прежнему отвечает за дом и за детей. С другой стороны, у женщины, стремящейся обрести независимость в работе, гораздо меньше шансов, чем у ее конкурентов-мужчин. Во многих профессиях ей платят меньше, чем мужчинам; ей поручают менее специальные, а значит, хуже оплачиваемые операции, чем квалифицированному рабочему; но и за одинаковые задачи она получает меньшее вознаграждение. Она – новичок в мире мужчин и потому имеет куда меньше возможностей добиться успеха. И мужчинам и женщинам равно претит быть под началом у женщины; они всегда больше доверяют мужчине; быть женщиной – если не порок, то по крайней мере особенность. Чтобы «преуспеть», женщине полезно заручиться мужской поддержкой. Мужчины занимают самые выгодные места, самые значимые посты. Важно подчеркнуть, что в экономическом плане мужчины и женщины образуют две разные касты[77 – В Америке крупные состояния часто в конце концов попадают в женские руки: более молодые жены переживают своих мужей и становятся их наследницами, но к тому времени они уже и сами в возрасте и редко решаются на новые вложения; они скорее узупользователи, чем собственники. Фактически распоряжаются капиталами мужчины. Во всяком случае, таких богатых избранниц – незначительное меньшинство. Стать преуспевающим адвокатом, врачом и т. д. женщине в Америке еще труднее, чем в Европе.].

Нынешнее положение женщины обусловлено тем, что в намечающейся новой цивилизации упорно сохраняются пережитки самых древних традиций. Именно в этом не отдают себе отчета поверхностные наблюдатели, которые считают, что женщина недостойна предоставленных ей сегодня возможностей, или же видят в этих возможностях лишь опасные соблазны. Истина же заключается в том, что в положении ее нет равновесия, и потому ей очень сложно к нему приспособиться. Женщинам открыты любые заводы, учреждения, факультеты, однако брак по-прежнему считается для них самым почетным поприщем, освобождающим от всякого иного участия в общественной жизни. Как в первобытных цивилизациях, акт любви для нее – это услуга, за которую она имеет право прямо или косвенно брать плату. Везде, кроме СССР[78 – По крайней мере, в соответствии с официальными утверждениями.], современной женщине разрешено рассматривать свое тело как капитал, который можно пустить в дело. К проституции относятся терпимо[79 – В англосаксонских странах проституция никогда не регулировалась законом. До 1900 года английское и американское common law (обычное право) рассматривало ее как правонарушение только в случаях возмущения спокойствия и нарушения порядка. Позже в Англии и различных штатах США, где законодательство в этом вопросе сильно различается, проституция более или менее строго и успешно пресекалась. Во Франции в результате долгой кампании законом от 13 апреля 1946 года были закрыты публичные дома и усилена борьба против сводничества: «Считая, что существование таких домов несовместимо с основными принципами человеческого достоинства и ролью, принадлежащей женщине в современном обществе...» Тем не менее проституция продолжает существовать. Очевидно, что негативными и лицемерными мерами ситуацию изменить нельзя.], любовные похождения приветствуются. Замужняя женщина имеет полное право состоять на содержании у мужа; к тому же ее социальный

статус гораздо выше, чем у незамужней. Нравы отнюдь не предоставляют ей той же сексуальной свободы, что и неженатому мужчине; в частности, ей практически отказано в материнстве, ибо мать-одиночка по-прежнему вызывает общественное негодование. Как же тогда не оставаться в силе мифу о Золушке?[80 – См.: Wyllie P. Generation de vip?res.] До сих пор все склоняет молодую девушку к тому, чтобы ждать богатства и счастья от «прекрасного принца», а не попытаться добиться их самой в трудной и неверной борьбе. В частности, благодаря ему она может получить доступ в более высокую касту – чудо, которое ей не заработать и за всю жизнь. Но эта надежда пагубна для женщины, потому что отделяет ее силы от ее интересов[81 – Об этом мы будем говорить подробно во втором томе.]; в этом разделении, быть может, и состоит главное препятствие на ее пути. Родители, воспитывая дочь, до сих пор не столько способствуют ее развитию как личности, сколько готовят ее к замужеству; она видит в нем столько преимуществ, что и сама к нему стремится; в результате она часто менее образованна, чем ее братья, хуже подготовлена к какой-либо профессии и отдает ей меньше сил; тем самым она обрекает себя на вторые роли; складывается порочный круг: чувствуя собственную неполноценность, она еще сильнее хочет найти мужа. Обратная сторона любого права – обязанность, но если обязанности слишком тяжелы, то и право становится бременем; сегодня труд для большинства трудящихся – неблагоприятная повинность, но женщине эта повинность не приносит ни конкретного социального достоинства, ни свободы нравов, ни экономической независимости; вполне естественно, что многие работницы и служащие видят в праве на труд только обязанность, от которой их может избавить брак. Но поскольку женщина уже осознала себя и тот факт, что она тоже может освободиться от брака через труд, она уже не соглашается покорно со своим подчиненным положением. Ей бы только хотелось, чтобы совмещение семейной жизни и профессии не требовало от нее изнурительной эквилибристики. Но даже в этом случае, пока существует соблазн легкого пути – из-за экономического неравенства, дающего преимущество отдельным людям, и из-за признанного права женщины продаться одному из этих избранников, – ей потребуется куда большее моральное усилие, чем мужчине, чтобы избрать путь независимости. Не все еще осознают, что искушение – тоже препятствие, причем из самых опасных. В данном случае к нему добавляется мистификация, поскольку на самом деле в лотерее удачного замужества выигрывает одна из многих тысяч. Современная эпоха призывает женщин трудиться, даже обязывает их к труду, но при этом держит у них перед глазами заманчивый рай праздности и наслаждений: избранниц, попавших в этот рай, она возносит на высоту, недостижимую для тех, кто остается жить в этом, земном мире.

Экономические преимущества, которыми обладают мужчины, их социальный статус, престиж брака, значение мужской поддержки – все склоняет женщин к страстному желанию нравиться мужчинам. В целом они до сих пор не вышли из вассальной зависимости. Из этого следует, что женщина сознает и выбирает себя не такой, какой она существует для себя, но такой, какой ее определяет мужчина. Поэтому нам следует для начала описать ее так, как видят ее мужчины в своих грезах, ибо ее «для-мужчин-бытие» – один из основных факторов ее конкретного положения.

Глава I

История показала нам, что конкретная власть всегда оставалась в руках мужчин; уже на заре патриархата они считали полезным держать женщину в состоянии зависимости; их своды законов были направлены против нее; и таким образом, она была конкретно определена как Другой. Это положение отвечало экономическим интересам мужчин, но отвечало и их онтологическим и моральным запросам. Когда субъект пытается утвердить себя, ему необходим Другой, который ставит ему границы и отрицает его: он достигает себя лишь через ту реальность, какой не является сам. Именно поэтому жизнь человека не есть полнота и покой, но всегда недостача и движение, всегда борьба. Человек лицом к лицу противостоит Природе; он имеет над ней власть, он пытается присвоить ее себе. Но она не способна заполнить его внутреннюю пустоту. Либо она реализуется только в чисто абстрактном противостоянии, как вечно чуждое препятствие, либо пассивно подчиняется воле человека и позволяет ему себя осваивать; он обладает ею, лишь потребляя, то есть разрушая ее. В обоих случаях он остается один; он один, когда берет в руки камень, один, когда переваривает плод. Присутствие другого возможно, только если другой сам присутствует для себя; то есть истинная инаковость есть инаковость отдельного от моего, самотождественного сознания. Только существование других людей позволяет человеку вырваться из своей имманентности, осуществить истину своего бытия и осуществиться как трансценденция, как выход к объекту, как проект. Но эта чужая свобода, подтверждающая мою свободу, одновременно вступает с ней в конфликт: в этом трагедия несчастного сознания; каждое сознание притязает на то, чтобы только себя полагать в качестве суверенного субъекта. Каждое стремится осуществить себя, поработив другого. Но раб в труде и страхе тоже ощущает себя как сущностное, а господин, наоборот, в силу диалектики оказывается несущностным. Драму эту можно преодолеть через свободное признание в другом личности: каждый полагает себя и другого одновременно и как объект, и как субъект в обоюдном движении. Но дружба, великодушие, то есть конкретные реализации этого признания свобод, – нелегкие добродетели; они, без сомнения, являются высшим осуществлением человека, в них он обретается в своей истине, но эта истина есть истина постоянно намечающейся и постоянно отменяемой борьбы; она требует от человека ежеминутного преодоления себя. Иными словами, можно сказать, что человек достигает подлинно моральной позиции, когда отказывается быть, чтобы принять свое существование; благодаря этому обращению он также отрекается и от всякого обладания, ибо обладание – один из способов поиска бытия; однако это обращение, через которое он достигает истинной мудрости, никогда не свершается до конца, его все время надо совершать заново, оно требует постоянного напряжения. Тем самым человек, неспособный осуществить себя в одиночестве, в отношениях с себе подобными все время находится в опасности: его жизнь – трудное предприятие, успех которого всегда под вопросом.

Но он не любит трудностей и боится опасности. Сам себе противореча, он жаждет жизни и покоя, существования и возможности быть; он прекрасно

знает, что «волнение духа» есть плата за его развитие, что дистанция по отношению к объекту есть плата за присутствие для себя; но он все равно мечтает о покое в волнении и о непроницаемой полноте, в которой, однако, жило бы сознание. Воплощением этой мечты как раз и служит женщина; она – желанный посредник между чуждой мужчине природой и слишком похожим на него ближним[82 – «...Женщина – это не бесполезное повторение мужчины, но зачарованное место, где заключается живой союз человека с природой. Исчезни она – и мужчины останутся одни, беспаспортные чужестранцы в ледяном мире. Она – сама земля, вознесенная к вершинам жизни, земля радостная и наделенная чувствами; без нее земля для человека нема и мертва», – пишет Мишель Карруж (Carrouges M. Les pouvoirs de la femme. Cahiers du Sud, № 292).]. Она не противопоставляет ему ни враждебного молчания природы, ни сурового требования обоюдного признания; ей дана уникальная привилегия быть сознанием, и тем не менее ею возможно обладать как плотью. Благодаря ей существует способ избежать неумолимой диалектики господина и раба, вытекающей из обоюдности свобод.

Как мы видели, изначально свободных женщин, которых бы потом поработили мужчины, никогда не было, а разделение полов не приводило к делению на касты. Уподоблять женщину рабу – ошибка; среди рабов были женщины, но всегда существовали и женщины свободные, то есть наделенные религиозным и социальным достоинством: они принимали верховную власть мужчины, и тот не чувствовал угрозы бунта, который мог бы превратить в объект его самого. Тем самым женщина представала как несущественное, никогда не становящееся сущностным, как абсолютный, не знающий обоюдности Другой. Это драгоценное для мужчины убеждение выразилось во всех мифах о Сотворении мира, и, в частности, в легенде из Книги Бытия, которая благодаря христианству утвердилась в западной цивилизации. Ева была сотворена не одновременно с мужчиной; ее сделали не из какого-то другого материала, но и не из той же глины, что пошла на изготовление Адама: ее создали из ребра первого мужчины. Само ее рождение не было автономным; Бог не решил вдруг сотворить ее ради нее самой и ради того, чтобы она в ответ напрямую поклонялась Ему: Он предназначил ее мужчине; Он дал ее Адаму, чтобы спасти того от одиночества, ее исток и конечная цель – в супруге; она его несущественное дополнение. Тем самым ей уготована роль жертвы. Она – природа, вознесенная до светозарности сознания, она – сознание, подчиненное от природы. Именно в этом чудное упование, какое мужчина часто вкладывает в женщину: он надеется осуществить себя как бытие, плотики обладая другим бытием, одновременно утверждаясь в собственной свободе через свободу покорную. Ни один мужчина не согласился бы стать женщиной, но все они хотят, чтобы женщины были. «Возблагодарим Господа за то, что Он сотворил женщину»; «Природа добра, ибо дала мужчинам женщину». В этих и подобных фразах мужчина лишний раз с вызывающей наивностью утверждает, что его присутствие в этом мире есть неотменяемый факт и право, а присутствие женщины – простая случайность, но случайность счастливая. Женщина, представая как Другой, тем самым предстает и как полнота бытия, в противоположность тому существованию, какое мужчина ощущает в себе как ничто; Другой, полагаемый в глазах субъекта как объект, полагается как вещь-в-себе, то есть как бытие. Женщина есть позитивное воплощение той нехватки, какую существующий носит в сердце, и мужчина надеется реализоваться, стремясь через нее обрести самого себя.

Однако она служила для него не единственным воплощением Другого и не всегда играла в истории одинаково важную роль. Бывали моменты, когда ее

затмевали другие идола. Когда гражданина поглощает полис, государство, у него не остается возможности заниматься своей частной судьбой. Предназначенная государству спартанка занимала более высокое положение, чем другие греческие женщины, но зато и не была преображена какой-либо мужской мечтой. Культ вождя, будь то Наполеон, Муссолини, Гитлер, исключает всякий иной культ. При военных диктатурах, при тоталитарных режимах женщина перестает быть главным объектом. Понятно, что женщину обожествляют в богатой стране, жители которой толком не знают, во имя чего им жить: так обстоит дело в Америке. Зато социалистические идеологии, требующие всеобщего равенства, отвергают уже сейчас и на будущее возможность для какой-либо категории людей быть объектом или идолом: в подлинно демократическом обществе, провозглашенном Марксом, нет места Другому. Однако мало кто из мужчин в точности совпадает с ролью солдата, борца, которую они для себя выбрали; и в той мере, в какой они продолжают оставаться индивидами, женщина сохраняет в их глазах особую ценность. Я видела письма немецких солдат к французским проституткам: несмотря на нацизм, в них по-прежнему жива наивная традиция голубого цветка. Писатели-коммунисты вроде Арагона во Франции или Витторини в Италии в своих произведениях выводят на первый план женщину – возлюбленную и мать. Быть может, когда-нибудь миф о женщине угаснет: чем сильнее женщины утверждают себя как люди, тем меньше остается в них волшебного качества Другого. Но сегодня миф этот живет в сердцах всех мужчин.

Любой миф предполагает наличие Субъекта, проецирующего к трансцендентным небесам свои чаяния и опасения. Поскольку женщины не полагали себя как Субъекта, они не создали мужского мифа, в котором бы отразились их проекты; у них нет ни собственной религии, ни собственной поэзии: они опять-таки мечтают через мечты мужчин. Они поклоняются богам, созданным мужчинами. Последние, восхваляя себя, придумали великие мужские образы: Геракла, Прометея, Парцифалю; в судьбе этих героев женщина играет лишь второстепенную роль. Конечно, существуют стилизованные образы мужчины в его отношениях с женщиной: отец, соблазнитель, муж, ревнивец, хороший сын, дурной сын; но они также созданы мужчинами и до уровня мифа не поднялись; это всего лишь клише. Тогда как женщина определяется исключительно в соотношении с мужчиной. Асимметрия категорий «мужское» и «женское» выражается в одностороннем построении сексуальных мифов. Иногда говорят «пол», подразумевая женщину; она – плоть, плотские наслаждения и опасности; а что для женщины сексуальное и плотское воплощено в мужчине – эта истина не провозглашалась никогда, потому что провозгласить ее было некому. Представление о мире, как и сам мир, есть дело мужчин; они описывают его со своей точки зрения, путая ее с абсолютной истиной.

Описать миф всегда трудно; его никак не охватить, не очертить, он неотступно присутствует в сознании, но никогда не предстает перед ним как застывший объект. Он так изменчив, так противоречив, что его цельность улавливается не сразу: Далила и Юдифь, Аспазия и Лукреция, Пандора и Афина, женщина – это одновременно и Ева, и Дева Мария. Она идол, служанка, источник жизни, сила тьмы; она – стихия молчаливой истины, она – притворство, болтливость и ложь; она целительница и ведьма; она – добыча мужчины и его погибель, она – все, чем он не является и что хочет иметь, она его отрицание и смысл его жизни.

«Быть женщиной, – говорит Кьеркегор[83 – «Стадии жизненного пути».], – это нечто настолько странное, настолько спутанное и сложное, чего не может выразить ни один предикат, а если использовать многие предикаты, они войдут в такое противоречие друг с другом, что выдержать это под силу только женщине». Происходит это потому, что женщину рассматривают не позитивно, такой, какова она есть для себя, но негативно, такой, как она видится мужчине. Ибо, хотя, помимо женщины, есть и иные Другие, она тем не менее всегда определяется как Другой. И ее неоднозначность – это неоднозначность самой идеи Другого: неоднозначность человеческого удела в той мере, в какой он определяется в соотношении с Другим. Как мы уже говорили, Другой – это Зло, но Зло, необходимое Добру и потому оборачивающееся Добром; через него мне открыт доступ к Целому, но он же меня от Целого отделяет; он – врата в бесконечность и мера моей конечности. А потому в женщине не воплощено никаких жестких понятий; через нее неустанно совершается переход от надежды к краху, от ненависти к любви, от добра к злу, от зла к добру. Под каким бы углом зрения ее ни рассматривать, прежде всего бросается в глаза именно эта неоднозначность.

Мужчина ищет в женщине Другого как Природу и как себе подобного. Однако известно, какие двойственные чувства внушает человеку Природа. Он эксплуатирует ее, но она его подавляет; он рождается из нее и в ней умирает; она – источник его бытия и царство, которое он подчиняет своей воле; это и материальная оболочка, в которой томится душа, и высшая реальность; она – случайность и Идея, конечность и тотальность; она – то, что противостоит духу и ему самому. То союзница, то враг, она предстает сумрачным хаосом, откуда возникает жизнь, – как сама эта жизнь и как потусторонний мир, куда она устремлена: женщина воплощает природу как мать, супруга и Идея; образы эти иногда смешиваются, иногда противостоят друг другу, и каждый из них двулик.

Человек уходит своими корнями в Природу; он был порожден, как животные и растения; он прекрасно знает, что существует, лишь пока живет. Но с приходом патриархата Жизнь в его глазах приобрела двоякий характер; она – сознание, воля, трансценденция, она – дух, но она же и материя, пассивность, имманентность, она – плоть. Эсхил, Аристотель, Гиппократ провозгласили, что на земле, как и на Олимпе, истинно творящее начало есть начало мужское: от него произошли форма, число, движение; колосья приумножаются благодаря Деметре, но первопричина колоса и его истина – в Зевсе; в плодovitости женщины видели лишь пассивную добродетель. Она – земля, мужчина – семя, она – вода, он – огонь. Сотворение мира часто представлялось как брак огня и воды; живые существа зарождаются в теплой влаге; Солнце – супруг Моря; Солнце, Огонь – божества мужского пола, а Море – один из наиболее всеобщих материнских символов. Инертная вода претерпевает действие палящих лучей, оплодотворяющих ее. И так же неподвижная пашня, возделанная трудами земледельца, принимает зерна в свои борозды. Однако ее участие необходимо: она питает семя, хранит его в себе, дает ему плоть. Поэтому даже после свержения с престола Великой матери мужчина продолжал поклоняться богиням плодородия[84 – «Петь начинаю о Гее – всематери, прочноустойной, / Древней, всему, что живет, пропитанье обильно дающей. / Ходит ли что по священной земле или плавает в море» (перевод В. В. Вересаева. – Прим. ред.), – говорится в одном из гомеровских гимнов. Эсхил тоже славит мать-землю, «что все родит, питает,

семя же берет назад» (перевод Вяч. Иванова. – Прим. ред.).]; Кибеле он обязан урожаем, стадами, благополучием. Он обязан ей собственной жизнью. Он возносит воду до высот огня. «Слава чуду и хваленье / Морю в пламени и пене! / Слава влаге и огню! / Слава редкостному дню!» – пишет Гёте во второй части «Фауста»[85 – Перевод Б. Пастернака.]. Он почитает землю – «the matron Clay» («Матрону Плоть»), как называет ее Блейк. Один индийский пророк советует ученикам не копать землю, ибо «грех уязвлять, резать, разрывать нашу общую мать, возделывая ее под пашню... Возьму ли я в руки нож, чтобы вонзить его в грудь моей матери?... Покалечу ли плоть ее, чтобы добраться до костей?... Как посмел бы я остричь волосы матери моей?». В Центральной Индии племя байга также считает грехом «рвать лоно матери-земли плугом». Эсхил, наоборот, говорит об Эдипе, что он «дерзнул обронить семя в священную борозду, из которой был рожден». Софокл упоминает «отцовские борозды» и пахаря, который «отдаленный свой надел / к посеву лишь и к жатве навещает»[86 – Перевод Ф. Ф. Зелинского. (Прим. ред.)]. Возлюбленная из египетской песни заявляет: «Я – земля!» В исламских текстах женщину называют «полем... виноградником». Святой Франциск Ассизский в одном из гимнов славит Господа за «землю, нашу мать, / Которая нас на себе покоит, / Заботится о нас, плоды приносит / И травы разные и пестрые цветочки»[87 – Перевод А. Ельчанинова. (Прим. ред.)]. Мишле, принимая грязевые ванны в Акви-Терме, восклицает: «О дорогая наша общая мать! Мы с тобой одно. Из тебя я пришел, к тебе возвращаюсь!...» Бывали даже целые эпохи, когда утверждается романтический витализм, жаждущий торжества Жизни над Духом, – и тогда магическая плодovitость земли, женщины представляется большим чудом, чем продуманные действия мужчины; тогда мужчина мечтает снова слиться с сумраком материнского лона, дабы обрести там истинные истоки своего бытия. Мать есть корень, уходящий в глубины космоса и всасывающий его соки, она – ключ, откуда бьет живая вода, она же питающее молоко, горячий источник, глина из земли и воды, богатая живительными силами[88 – «Буквально женщина есть Исида, плодородная природа. Она – река и речное ложе, корень и роза, земля и вишневое дерево, лоза и виноград» (М. Карруж, цит. соч.)].].

Но более характерен для человека бунт против своего плотского состояния; он считает себя падшим богом: проклятие его в том, что он низринут с лучезарных упорядоченных небес в сумрачный хаос материнского чрева. И именно женщина держит в плену земной грязи этот огонь, это активное и чистое дуновение, в котором он стремится узнать себя. Он желал бы быть необходимым, как чистая Идея, как Единый, Целое, Абсолютный Дух, – но заперт в границах тела, в пространстве и времени, которые не выбирал, куда не был зван, бесполезный, громоздкий, нелепый. Случайность плоти – это случайность самого его бытия, которое он претерпевает в своей оставленности и ничем не оправданной никчемности. Случайность обрекает его на смерть. То дрожащее желе, что вырабатывается в матке (потанной и замкнутой, как могила, матке), слишком напоминает вязкую дряблость падали, и он отворачивается от нее с содроганием. Всюду, где идет процесс созидания жизни, в прорастании зерна, в ферментации, эта жизнь вызывает отвращение, ибо созидание ее возможно только через разложение; скользкий зародыш открывает цикл, который завершается гниением смерти. Человека ужасает никчемность и смерть, а потому его ужасает и факт собственного зачатия; он хотел бы отречься от своих связей с животным миром; сам факт рождения отдаст его во власть смертоносной Природы. У первобытных народов роды окружены строжайшими табу; в частности, плаценту следует непременно сжечь или выбросить в море, ибо тот, кто завладеет ею, будет держать в

своих руках судьбу новорожденного; эта оболочка, в которой сформировался плод, – знак его зависимости; ее уничтожение позволяет человеку оторваться от живой магмы и реализовать себя как самостоятельное существо. Скверна рождения падает на мать. Левит и все древние своды законов предписывают роженице совершение очистительных обрядов; эту традицию во многих деревнях продолжает совершение очистительной молитвы. Известно, что дети, девушки, мужчины непроизвольно ощущают неловкость, часто маскируемую смешком, при виде живота беременной женщины или налившихся грудей кормилицы. В музее Дюкитрена любопытные разглядывают восковых зародышей и заспиртованные плоды с тем нездоровым интересом, что вызвал бы у них вид разрытой могилы. При всем почтении, каким функция деторождения окружена в обществе, она внушает непроизвольное отвращение. И если в младенчестве мальчик чувственно привязан к материнской плоти, то, когда он вырастает, социализируется и осознает свое индивидуальное существование, эта плоть вселяет в него страх; он хочет ничего о ней не знать, видеть в матери только нравственную личность; он упорно мыслит ее чистой и целомудренной не столько из любовной ревности, сколько из нежелания признать, что у нее есть тело. Подросток смущается и краснеет, если, гуляя с приятелями, встречает мать, сестер, каких-нибудь родственниц: присутствие их возвращает его в область имманентности, откуда он хочет улететь, обнажает корни, от которых он хочет оторваться. Раздражение мальчика из-за поцелуев и ласк матери имеет тот же смысл; он отвергает семью, мать, материнское чрево. Он хотел бы, как Афина, вступить во взрослый мир вооруженным с головы до пят, неуязвимым [89 – См. ниже наш очерк о Монтерлане – образцовом воплощении этой позиции.]. То, что он был зачат и рожден, – проклятие, тяготеющее над его судьбой, нечистота, пятнающая его бытие. И предвестие его смерти. Культ зарождения всегда был соотнесен с культом мертвых. Мать-земля поглощает во чреве останки своих детей. Именно женщины – парки и мойры – ткнут человеческую судьбу, но они же и обрывают ее нить. В большинстве народных представлений смерть – женщина, и женщинам надлежит оплакивать мертвых, потому что смерть – это их дело [90 – Деметра представляет собой тип *mater dolorosa* (скорбящей матери). Но другие богини – Иштар, Артемида – жестоки. Кали держит в руках череп, наполненный кровью. «Головы свежееубиенных сыновей твоих висят на шее твоей, как ожерелье... Тело твое прекрасно, как дождевые облака, ноги твои забрызганы кровью», – обращается к ней один индийский поэт.].

Таким образом, у женщины-матери на лице печать тьмы: она – хаос, из которого все вышло и куда все должно однажды вернуться; она – Ничто. В ночи сливается воедино множество аспектов мира, явленные днем: это ночь духа, томящегося в плену всеобщей и непроницаемой материи, ночь сна и пустоты. В морских глубинах царит ночь: женщина – это *Mare tenebrarum* (сумеречное море), внушавшее страх древним мореплавателям; в недрах земли тоже царит ночь. Эта ночь, грозящая поглотить человека, ночь, обратная сторона плодородия, вселяет в него ужас. Он стремится к небу, к свету, к залитым солнцем вершинам, к чистому и светлому, как кристалл, холоду лазури; а под ногами у него влажная, теплая, темная бездна, готовая вобрать его в себя; множество легенд повествуют о герое, навеки канувшем в материнский сумрак – в пещеру, в пропасть, в ад.

Но здесь снова проявляется двойственность: зарождение всегда связано со смертью, но связано и с плодородием. Ненавистная смерть предстает новым рождением и становится благословенной. Умерший герой, подобно Осирису,

воскресает каждой весной, новые роды дают ему новую жизнь. Высшее желание человека, говорит Юнг, таково: «Да будут мрачные воды смерти источником жизни, да превратится хладное объятие смерти в теплое материнское лоно, подобно тому как море хотя и поглощает солнце, однако вновь рождает его из своих материнских недр»[91 – «Либи́до, его метаморфозы и символы».]. Погребение бога-солнца в морской пучине и его новое сияющее явление – общий мотив многих мифологий. И человек одновременно и хочет жить, и стремится к покою, сну, небытию. Он не хочет быть бессмертным и тем самым может научиться любить смерть. «Неорганическая природа есть материнское лоно, – пишет Ницше. – Освободиться от жизни – значит вновь стать истинным, завершенным; вновь стать мертвой природой – это может ощущаться как праздник». Чосер вкладывает в уста старика, что никак не может умереть, такую мольбу: «Стучу клюкой на гробовом пороге, / Но места нет мне и в земле сырой, / И обращаюсь я к тебе с мольбой: / „Благая мать! Зачем ко мне ты строже, / Чем к остальным?“»[92 – Перевод И. Кашкина. (Прим. ред.)]

Человек хочет утвердить свое особое существование и горделиво покоиться на своем «сущностном отличии», но он желает также разбить преграды своего «я», слиться с водой, землей, ночью, с Ничто и с Целым. Женщина, обрекающая мужчину на конечность, в то же время позволяет ему преодолеть собственные границы: отсюда и присущая ей двусмысленная магия.

Во всех цивилизациях и даже в наши дни она внушает мужчине ужас: он проецирует на нее ужас перед собственной плотской случайностью. Девочка, не достигшая половой зрелости, не таит в себе угрозы, не окружена никакими табу, в ней нет ничего сакрального. Во многих первобытных обществах даже ее половой орган представляется невинным: с самого детства мальчикам и девочкам дозволены эротические игры. Женщина становится нечистой с того момента, как может зачать. Часто встречаются описания строгих табу, окружавших в примитивных обществах девочку в день ее первой менструации; даже в Египте, где к женщине относились с особым почтением, ее на протяжении всего периода месячных держали взаперти[93 – Впрочем, разница между мистическими и мифологическими верованиями и жизненными принципами отдельных людей сказывается в следующем факте: согласно свидетельству Леви-Стросса, «молодые люди племени виннебаго посещают любовниц, пользуясь покровом тайны, которым они окружены в уединении, предписанном на время месячных».]. Часто ее отправляют на крышу дома или в хижину, расположенную за пределами деревни, ее нельзя ни видеть, ни трогать; больше того, она сама не должна касаться своего тела; у народов, ежедневно занимающихся удалением вшей, ей дают палочку, чтобы она могла почесаться; ей нельзя прикасаться пальцами к пище; иногда ей вообще запрещено есть; в других случаях матери и сестре разрешено ее кормить с помощью какого-нибудь орудия, но все предметы, которых она касалась в этот период, должны быть сожжены. После этого первого испытания связанные с менструацией табу становятся чуть менее суровыми, но строго соблюдаются. В Книге Левит, в частности, говорится: «Если женщина имеет истечение крови, текущей из ее тела, то она должна сидеть семь дней во время очищения своего. И всякий, кто прикоснется к ней, нечист будет до вечера. И все, на чем она ляжет... и все, на чем сядет, нечисто. И всякий, кто прикоснется к постели ее, должен вымыть одежды свои и омыться водою и нечист будет до вечера». Этот текст – точная параллель описанию нечистоты, которую вызывает у мужчины гонорей. И очистительная жертва в обоих случаях одинакова. Очистившись от истечений, следует отсчитать семь

дней и принести двух горлиц или двух молодых голубей священнику, который принесет их в жертву Всевышнему. Следует отметить, что в матриархальных обществах менструации приписывались двоякие свойства. С одной стороны, она парализует общественную деятельность, подрывает жизненные силы, от нее вянут цветы и опадают плоды, но она может действовать и благотворно: выделения используются в любовных привороты и лекарствах, в частности для врачевания порезов и синяков. Еще сегодня некоторые индейцы, отправляясь сражаться с фантастическими чудовищами, населяющими их реки, вешают на нос лодки пучок волокон, смоченных менструальной кровью: ее испарения губительны для их сверхъестественных врагов. В некоторых греческих поселениях девушки несли в храм Астарты белье, запачканное первой кровью. Однако с наступлением патриархата подозрительной жидкости, истекающей из женского органа, приписывались уже только пагубные свойства. Плиний в «Естественной истории» говорит: «Менструирующая женщина губит урожай, разоряет сады, уничтожает семена; из-за нее опадают плоды, она убивает пчел, и если прикасается к вину, то вино превращается в уксус; молоко скисает».

Один старинный английский поэт выражает те же чувства:

Oh! menstruating woman, thou'st a fiend
From whom all nature should be screened!

О женщина! Твои менструации – это бедствие,
От которого следовало бы оберегать всю природу!

Эти верования сильны даже в наши дни. В 1878 году один из членов Британской медицинской ассоциации дал интервью «Британскому медицинскому журналу» (British Medical Journal), где заявил следующее: «Не вызывает сомнений тот факт, что мясо портится, если к нему прикасались менструирующие женщины»; по его словам, он лично наблюдал два случая, когда окорок при подобных обстоятельствах портился. В начале нашего века правила, действующие на сахарных заводах севера Франции, запрещали женщинам появляться на предприятии в период того, что англосаксы называют «curse», «проклятием»: иначе сахар чернеет. В Сайгоне женщин не берут на фабрики по производству опиума: из-за их месячных опиум сворачивается и становится горьким. Подобные верования до сих пор живы во многих французских деревнях. Любая хозяйка знает, что у нее ни за что не получится майонез во время женского недомогания или просто в присутствии женщины, у которой месячные. В Анжу недавно один старый садовник, поставив в погребе сок из годового урожая яблок, писал хозяину дома: «Надо попросить живущих в доме и приглашенных молодых дам не заходить в погреб в определенные дни месяца, иначе сидр не забродит». Кухарка, узнав об этом письме, пожала плечами. «Это никогда не мешало сидру бродить, – сказала она, – оно только для сала плохо: нельзя солить сало, если рядом женщина с этими делами, а то стухнет» [94 – Один врач из Шера рассказал мне, что в местах, где он живет, женщинам при подобных обстоятельствах нельзя входить в помещения для выращивания шампиньонов. До сих пор продолжается спор о том, есть ли у этих предрассудков какие-то основания. Единственный подтверждающий их факт, который приводит доктор Бине, – это наблюдение Шинка (на которое ссылается Винь). Шинк якобы видел, как в руках у служанки, испытывающей недомогание, завяли цветы; приготовленные

этой женщиной пироги из дрожжевого теста будто бы поднялись всего на три сантиметра вместо обычных пяти. Так или иначе, фактов этих явно мало, а достоверность их весьма сомнительна, если учесть, насколько важны и широко распространены данные верования безусловно мистического происхождения.] .

Было бы совершенно недостаточно сводить подобное отвращение к тому, что всегда вызывает вид крови: конечно, кровь сама по себе – сакральный элемент, как ничто другое, проникнутый таинственной маной, несущей одновременно и жизнь, и смерть. Но менструальная кровь наделена совсем особыми пагубными свойствами. Она воплощает сущность женского начала. А потому ее истечение таит в себе опасность для самой женщины, чья мана материализуется подобным образом. Девушек племени джагга во время инициации увещивают тщательно скрывать менструальную кровь. «Не показывай ее матери, она умрет. Не показывай ее подругам, ибо среди них может оказаться дурная, она возьмет себе тряпку, которой ты вытиралась, и брак твой будет бесплодным. Не показывай ее злой женщине, она возьмет твою тряпку и повесит на крыше своей хижины... и ты тогда не сможешь иметь детей. Не бросай тряпку на тропу или в кусты. Злой человек может творить с ее помощью дурные вещи. Закопай ее в землю. Прячь кровь от глаз твоего отца, братьев и сестер. Если ты дашь увидеть ее, это грех»[95 – Цит. по: Леви-Стросс К. Элементарные структуры родства.]. У алеутов, если отец увидит дочь во время первых месячных, она может ослепнуть или онеметь. Считается, что в этот период в женщину вселяется дух и она обладает опасной силой. Некоторые первобытные народы верят, что кровотечение вызывается укусом змеи, так как женщина подозрительным образом связана со змеей и ящерицей и кровь ее сродни яду ползучих тварей. В Книге Левит менструация сближается с гонореей; кровоточащий женский орган – не просто рана, но сомнительная язва. А Виньи соотносит понятие нечистоты с болезнью: «Женщина – дитя больное, нечистое двенадцать раз». Периодическое кровотечение у женщин, плод непонятной внутренней алхимии, странным образом связано с лунным циклом – у луны тоже бывают опасные причуды[96 – Луна – источник плодородия; она представляется «господином женщин»; часто верят, что она совокупляется с женщинами в образе мужчины или змеи. Змея есть ипостась луны; она меняет кожу и регенерирует, она бессмертна, она – сила, расточающая плодородие и знание. Именно она охраняет священные источники, древо жизни, источник молодости и т. д. Но она же лишила человека бессмертия. Рассказывают, что она совокупляется с женщинами. В персидской традиции, а также среди раввинов, считается, что причина менструации – сношения первой женщины со змием.]. Женщина – часть устрашающего механизма, направляющего ход планет и солнца, она целиком во власти космических сил, ведающих судьбами звезд, приливов и отливов и оказывающих опасное воздействие на людей своими излучениями. Но поразительнее всего то, что воздействие менструальной крови связано с представлением о свернувшихся сливках, загустевшем майонезе, о брожении и разложении; утверждают также, что от этого воздействия бьются хрупкие предметы, рвутся струны на скрипках и арфах, но особенно сильное влияние менструальная кровь имеет на органические субстанции, пребывающие между материей и жизнью, причем не столько потому, что это кровь, сколько потому, что выделяется она из детородного органа; пусть даже точная функция ее неизвестна, все знают, что она связана с зарождением жизни; древние, не зная о существовании яичника, даже видели в менструальных выделениях дополнение к сперме. На самом деле не эта кровь делает женщину нечистой: она скорее проявление женской нечистоты; она появляется в тот

момент, когда женщина может быть оплодотворена; а когда исчезает, женщина, как правило, снова становится бесплодной; она течет из чрева, где формируется зародыш. В отношении к ней проявляется ужас, который испытывает мужчина перед женской плодovitостью.

Среди табу, связанных с женщиной в состоянии нечистоты, ни одно не может сравниться по строгости с запретом всяких половых сношений с ней. Левит обрекает мужчину, преступившего это правило, на семь дней нечистоты. Законы Ману на сей счет более суровы: «У мужчины, приближающегося к женщине, покрытой месячными выделениями, гибнет ум, энергия, сила, зрение и жизненность». На мужчин, имевших половые связи с женщинами во время менструации, налагалось пятидесятидневное покаяние. Поскольку считается, что женское начало достигает в этот период максимальной силы, возникает боязнь, что при интимном контакте оно возобладает над мужским началом. Кроме того, мужчина со смутным отвращением обнаруживает в женщине, которой обладает, пугающую его материнскую сущность; он старается разъять эти два аспекта женственности – поэтому запрет инцеста в форме экзогамии или в более современных вариантах есть всеобщий закон; поэтому мужчина избегает полового сближения с женщиной в те моменты, когда она особенно предана своей репродуктивной роли, – во время месячных, беременности и кормления грудью. Эдипов комплекс (который, впрочем, следовало бы описать заново) не противоречит такому отношению, а, наоборот, подразумевает его. Мужчина защищается от женщины постольку, поскольку она есть смутный источник мира и неясное органическое становление.

Однако в том же обличье женщина позволяет обществу, отделившемуся от космоса и богов, поддерживать с ними связь. У бедуинов и ирокезов от нее до сих пор зависит плодородие полей; в Древней Греции она слышит подземные голоса; ей внятен язык ветра и деревьев – она Пифия, Сивилла, прорицательница; ее устами говорят мертвые и боги. Она и сегодня сохраняет дар прорицания: она – медиум, хиромантка, гадалка, ясновидящая, вдохновленная свыше; она слышит голоса, у нее бывают видения. Когда мужчины ощущают потребность вновь погрузиться в лоно растительной и животной жизни – как Антей, припадавший к земле, чтобы восстановить силы, – они вызывают к женщине. Хтонические культы сохраняются и в рационалистских цивилизациях Греции и Рима. Как правило, они существуют вне официальной религиозной жизни и в конечном счете даже приобретают, как в Элевсине, форму мистерий; их смысл противоположен смыслу солярных культов, в которых человек утверждает свою волю к отделению и духовности, но они дополняют эти культы; человек пытается вырваться из одиночества через экстаз – такова цель мистерий, оргий, вакханалий. В отвоеванном мужчинами мире дикие и магические свойства Иштар и Астарты были узурпированы богом-мужиной Дионисом, но вокруг его изображения неистовствуют именно женщины: менады, тиады, вакханки зовут мужчин к сакральным возлияниям, к священному безумию. Аналогичную роль играет и сакральная проституция: речь идет одновременно о высвобождении и направлении в нужное русло сил плодородия. Для народных празднеств еще и поныне характерен взрывной эротизм, когда женщина предстает не просто объектом наслаждения, но средством достичь той *hybris* [97 – Гордыня (греч.)], в которой человек выходит за пределы самого себя. «Все потерянное, трагическое, то „ослепляющее чудо“, что несет в себе человек, теперь можно встретить лишь в постели», – пишет Ж. Батай.

В эротическом исступлении прижимая к себе возлюбленную, мужчина стремится затеряться в бесконечной тайне плоти. Но, как мы видели, его нормальное половое чувство, напротив, разделяет мать и супругу. Таинственная алхимия жизни вызывает у него отвращение, тогда как его собственная жизнь питается и наслаждается сладкими плодами земли; он жаждет обладать ими; он страстно желает Венеру, только что вышедшую из вод морских. Поскольку высший творец – мужчина, женщина при патриархате осознает себя в первую очередь как супруга. Ева – не только мать рода человеческого, но прежде всего подруга Адама; она была дана мужчине, чтобы он обладал ею и оплодотворял ее, как обладает землей и ее оплодотворяет; через нее он превращает всю природу в свое царство. В половом акте мужчина ищет не только мимолетного субъективного удовольствия. Он хочет завоевывать, брать, владеть; обладать женщиной – значит победить ее; он входит в нее, как лемех в борозду; он делает ее своею, как землю, которую обрабатывает; он пашет, сажает, сеет – все эти образы стары, как письменность; от Античности до наших дней подобных примеров можно привести тысячи. «Женщина считается воплощением поля, мужчина считается воплощением семени», – гласят законы Ману. На одном из рисунков Андре Массона изображен мужчина с лопатой, вскапывающий сад женского органа[98 – Рабле называет мужской орган «le laboureur de la nature», «пахарь природы». Мы уже говорили о религиозных и исторических корнях уподобления фаллоса лемеху, а женщины – борозде.]. Женщина – добыча своего супруга, его имущество.

Колебания мужчины между страхом и желанием, между боязнью оказаться во власти неконтролируемых сил и стремлением ими завладеть особенно ярко выражаются в мифах о девственности. То пугающая мужчин, то желанная и даже требуемая, она предстает как наиболеевершенная форма женской тайны: это ее самый тревожный и одновременно завораживающий аспект. В зависимости от того, чувствует ли себя мужчина подавленным окружающими его силами или самонадеянно полагает, что способен ими завладеть, он либо отказывается, либо настаивает, чтобы супруга досталась ему девственницей. В самых примитивных обществах, где превозносится могущество женщины, верх берет страх; женщине следует лишиться девственности до первой брачной ночи. Марко Поло утверждал, что никто из жителей Тибета «не пожелал бы взять в жены девственницу». Иногда этот отказ получал рациональное объяснение: мужчина не хочет жениться на женщине, не возбуждавшей раньше мужских желаний. Арабский географ Аль-Бакри рассказывает о славянах: «Если мужчина женится и обнаруживает, что жена его девственна, он говорит ей: „Если бы ты чего-то стоила, мужчины бы любили тебя и нашелся тот, кто похитил бы твою девственность“». После этого он прогоняет ее и расторгает брак. Утверждают даже, что у некоторых первобытных народов мужчины женятся только на женщинах, уже имеющих детей и доказавших тем самым свою способность рожать. Но истинные мотивы столь распространенных обычаев дефлорации – мистического свойства. У некоторых народов бытуют представления о живущей во влагалище змее, которая кусает супруга в момент разрыва девственной плевы; девственной крови приписывают ужасающие свойства, она сближается с кровью менструальной и тоже может уничтожить мужскую силу. В этих образах выражена идея, что женское начало особенно сильно и особенно опасно, когда нетронуто[99 – Отсюда та мощь, какую приписывают девственницам в ратном деле: вспомним, например, валькирий или Орлеанскую деву.]. В некоторых случаях проблема дефлорации вообще не возникает; например, у туземцев, описанных Малиновским, девушки вообще не бывают девственными, поскольку половые игры разрешены с самого детства.

Иногда мать, старшая сестра или какая-нибудь замужняя женщина систематически дефлорирует девочку и на протяжении всего детства расширяет ей вагинальное отверстие. Бывает также, что с наступлением половой зрелости дефлорацию осуществляют женщины – с помощью палки, кости или камня, и она считается просто хирургической операцией. В других племенах девочку, достигшую зрелости, подвергают дикой инициации: мужчины отводят ее за пределы деревни и либо насилуют, либо дефлорируют с помощью каких-либо орудий. Один из наиболее распространенных ритуалов состоит в том, что девственниц отдают проезжим чужакам, либо полагая, что на них не распространяется действие маны, опасной только для мужчин своего племени, либо не заботясь о бедах, которые навлекают на их голову. Еще чаще невесту накануне брачной ночи лишает девственности жрец, или врач, или касик, вождь племени; на Малабарском берегу эта операция возложена на брахманов, которые, судя по всему, проделывают ее без всякого удовольствия и требуют солидного вознаграждения. Известно, что все сакральные предметы опасны для мирянина, но посвященные могут иметь с ними дело, ничем не рискуя; понятно поэтому, что жрецы и вожди способны укротить пагубные силы, от которых следует беречься супругу. В Риме от этих обычаев оставалась лишь символическая церемония: невесту сажали на фаллос каменного Приапа, преследуя при этом двойную цель – увеличить ее плодовитость и поглотить чересчур мощные, а потому пагубные флюиды, которые от нее исходят. Муж может защищаться и иначе: он дефлорирует девственницу сам, но в ходе церемоний, делающих его в критический момент неуязвимым, – например, производит эту операцию в присутствии всей деревни с помощью палки или кости. На Самоа он использует палец, предварительно обернув его белой тряпкой, а потом раздает присутствующим окровавленные лоскутки. Бывает, что ему разрешено дефлорировать жену естественным путем, но при условии, что он будет эякулировать в нее не раньше чем по прошествии трех дней, дабы девственная кровь не испачкала оплодотворяющее семя.

Путем обращения, классического для области сакрального, девственная кровь в менее примитивных обществах становится символом благотворным. Во Франции до сих пор есть деревни, где наутро после свадьбы вывешивают на обозрение родственников и друзей окровавленную простыню. Дело в том, что при патриархальном строе мужчина стал господином женщины; и те самые свойства, что страшат в животных или в непокоренных стихиях, становятся ценными качествами для собственника, сумевшего их приручить. Необузданный нрав дикого скакуна, неистовую силу молнии и водопадов человек превратил в орудия собственного процветания. А потому и женщину он хочет присвоить нетронутой, во всем ее богатстве. Конечно, в том, что девушке предписано блюсти невинность, играют определенную роль рациональные мотивы: целомудрие невесты, как и добродетель супруги, необходимо, чтобы отец не рисковал передать свое имущество чужому ребенку. Но когда мужчина рассматривает супругу как свою личную собственность, требование девственности носит более непосредственный характер. Во-первых, идею обладания никак нельзя воплотить позитивно: на самом деле мы ничего и никого никогда не имеем; поэтому люди пытаются осуществить ее негативно; самый верный способ утвердить некое имущество как мое – это не позволить другим им пользоваться. К тому же человека больше всего прельщает то, что еще никогда никому не принадлежало: тогда победа предстает единственным в своем роде, абсолютным событием. Первопроходцев всегда манили целинные земли; каждый год кто-то из альпинистов гибнет, желая покорить нетронутую вершину или даже просто пытаясь проложить к ней новый путь по склону;

любопытные рискуют жизнью, спускаясь под землю, в недра еще не исследованных пещер. Уже покоренный человеком предмет превратился в орудие; отрезанный от своих естественных связей, он лишается самых глубинных своих достоинств; неукротенный поток водопада обещает больше, чем вода городского фонтана. Девственное тело свежо, как потаенные источники, бархатисто, как нераскрывшийся бутон на заре, и сияет, как жемчужина, еще не обласканная солнечными лучами. Мужчина, словно дитя, заморожен пещерой, храмом, алтарем, тайным садом – всеми сумрачными, закрытыми местами, в которые никогда не проникал живительный луч сознания, которые ждут, чтобы в них вселили душу; он считает все, им захваченное, все, куда проник лишь он один, своим собственным творением. Кроме того, одна из целей любого желания – это потребление желанного предмета, предполагающее его разрушение. Разрывая девственную плеву, мужчина обладает женским телом более глубоко и лично, чем при пенетрации, оставляющей ее незатронутой; этим необратимым актом он недвусмысленно превращает тело женщины в пассивный объект, утверждает свою власть над ним. Этот смысл очень точно выражает легенда о рыцаре, пробивающемся через колючий кустарник, чтобы сорвать розу, аромат которой еще никому неведом; он не только находит ее, но и ломает ее черенок: так он завладевает ею. Образ настолько прозрачен, что в народном языке «похитить цветок» у женщины означает лишить ее невинности; от этого выражения произошло слово «дефлорация».

Но девственность обладает эротической привлекательностью только в сочетании с юностью, иначе тайна ее вновь вселяет беспокойство. Многие мужчины сегодня испытывают сексуальное отвращение к слишком затянувшейся девственности; на «старых дев» смотрят как на сварливых и злобных матрон по причинам не только психологического свойства. Проклятие заключено в самом их теле – теле, не ставшем объектом ни для одного субъекта, не превращенном ничьим желанием в желанное, расцветшем и увядшем, не найдя себе места в мужском мире; не отвечая своему назначению, оно становится нелепым объектом, тревожным, как тревожна невыразимая мысль безумца. Я слышала, как один мужчина грубо сказал о сорокалетней женщине, еще красивой, но, как предполагалось, девственнице: «У нее там полно паутины...» И действительно, погреба и чердаки, куда больше никто не заходит и которые никому не нужны, заполняются нечистой тайной; в них охотно селятся призраки; покинутые людьми дома становятся жилищами духов. Если женщина не посвятила свою девственность какому-нибудь богу, все охотно верят, что она состоит в связи с демоном. Девственниц, не покоренных мужчиной, старух, избегнувших его власти, легче всех прочих принимают за ведьм; раз удел женщины – посвятить себя другому, то, не подпав под иго мужчины, она готова принять на себя иго дьявола.

Супруга, если из нее изгнали злых духов с помощью обрядов дефлорации или, наоборот, если она чиста благодаря своей девственности, может оказаться желанной добычей. Любовник, сжимая ее в объятиях, хочет владеть всеми богатствами жизни. Она – вся земная фауна и флора: газель, лань, лилия и роза, бархатистый персик, ароматная малина; она – драгоценные камни, перламутр, агат, жемчуг, шелк, небесная лазурь, свежесть ключевой воды, воздух, пламя, земля и вода. Все поэты Востока и Запада преображали женское тело в цветы, плоды, птиц. И здесь в подтверждение можно привести целую антологию, от Античности и Средних веков до наших дней. Кто не знает Песни песней, где возлюбленный говорит возлюбленной:

Глаза твои голубиные...
Волосы твои – как стадо коз...
Зубы твои – как стадо выстриженных овец...
Как половинки гранатового яблока – ланиты твои...
Два сосца твои – как двойни молодой серны...
Мед и молоко под языком твоим...

Андре Бретон обращается к этой вечной песне в «Звезде кануна»: «Со вторым криком Мелюзина оставит свои тяжелые бедра, и, хотя лоно ее уже вобрало в себя осеннюю жатву, стан ее устремлен вверх фейерверком, изящно изогнувшись, покорный воздуху, как ласточкины крылья; груди ее – словно горностаи, испуганные своим собственным криком, ослепленные ярким огнем, что разгорается в их глубинах и рвется со стоном наружу, силой любви размыкая уста. А руки ее подобны благоухающим, музыкальным ручьям...» [100 – Перевод Т. Балашовой. (Прим. ред.)]

Мужчина находит в женщине сияние звезд и мечтательность луны, солнечный свет и пещерный сумрак; и наоборот, цветы дикого кустарника, горделивая садовая роза – женщины. Деревни, леса, озера, моря и ланды полны нимф, дриад, сирен, ундин, фей. Ничто так глубоко не коренится в сердце мужчин, как этот анимизм. Море для моряка – опасная, коварная, непокорная женщина, которую он ласкает, стараясь ее укротить. Гордая, строптивая, девственная, злая гора – женщина для альпиниста, который, рискуя жизнью, хочет ею овладеть. Принято считать, что в таких сравнениях проявляется сексуальная сублимация, но скорее они выражают изначальное, как сам пол, родство женщины и природных стихий. Мужчина ждет от обладания женщиной не просто утоления инстинкта; она – главный объект, через который он покоряет Природу. Случается, что эту роль играют другие объекты. Иногда мужчина ищет песчаных берегов, бархатных ночей, аромата жимолости на теле юных мальчиков. Но плотское овладение землей может быть реализовано не только путем пенетрации. В романе «Неведомому Богу» Стейнбек рисует мужчину, выбравшего посредницей между собой и природой поросшую мхом скалу; Колетт в «Кошке» описывает молодого мужа, сосредоточившего свою любовь на любимице-кошке, потому что через это дикое и нежное животное он обретал власть над чувственным миром, которой не могло ему дать человеческое тело подруги. Другой может воплотиться в море или горе не хуже, чем в женщине; они оказывают мужчине то же пассивное и непредсказуемое сопротивление, позволяющее ему осуществить себя; они – отказ, который нужно побороть, добыча, которой нужно завладеть. Если море и гора – женщины, то лишь потому, что женщина для любовника – это море и гора [101 – Показательна фраза Самивеля, которую приводит Башляр («Земля и грезы Воли»): «Я постепенно перестал считать эти горы, разлегшиеся вокруг меня, и врагами, с которыми следует бороться, и самками, которых следует попирать ногами, и трофеями, которые следует завоевывать, – дабы предоставить самому себе и другим свидетельство моей собственной доблести» (перевод Б. М. Скуратова. – Прим. ред.)]. Соотношение гора – женщина устанавливается через общую идею «врага, с которым следует бороться», «трофея» и «свидетельства» доблести. Та же самая взаимосвязь прослеживается, например, в двух стихотворениях Сенгора: Обнаженная женщина, черная женщина! Спелый, туго налившийся плод, темный хмель черных вин, губы, одухотворяющие мои губы; Саванна в прозрачной дали, саванна, трепещущая от горячих ласк восточного ветра... (перевод Д. Самойлова. – Прим. ред.). И: О Конго, лежишь ты на ложе лесном, царица земель африканских покорных, И твой балдахин поднимают высоко фаллосы гордых

утесов. «Женщина ты», – говорит мне моя голова, и язык говорит мой, и чрево, что женщина ты.].

Но не всякой женщине дано стать посредницей между мужчиной и миром; мужчине недостаточно обнаружить у партнерши половые органы, дополняющие его собственные. Нужно, чтобы она воплощала волшебный расцвет жизни и при этом прятала ее смущающие тайны. А потому от нее прежде всего требуется молодость и здоровье, ибо, сжимая в объятиях нечто живое, мужчина окажется во власти его чар, только если забудет, что любая жизнь несет в себе смерть. Он желает еще большего – чтобы возлюбленная была красива. Идеал женской красоты изменчив, но некоторые требования остаются постоянными; среди прочего, поскольку предназначение женщины в том, чтобы ею обладали, ее телу должны быть присущи свойства инертного и пассивного объекта. Мужская красота – это приспособленность тела к активным функциям, это сила, ловкость, гибкость, это явленная трансценденция, одушевляющая плоть, которая никогда не должна замыкаться на себе. Симметричный женский идеал встречается в таких обществах, как Спарта, фашистская Италия, нацистская Германия, – там, где женщина предназначена для государства, а не для индивида, где ее рассматривают исключительно как мать, совсем не оставляя места эротизму. Но когда женщина дана во владение мужчине как его имущество, он требует, чтобы ее плоть присутствовала в своей чистой фактичности. Ее тело воспринимается не как излучение данного субъекта, но как вещь, отяжелевшая в своей имманентности; тело это не должно отсылать к остальному миру, не должно быть обещанием чего-то иного, кроме самого себя: ему надлежит прекращать желание. В самой простодушной форме это требование выражено в готтентотском идеале широкозадой Венеры; ведь ягодицы – часть тела, где меньше всего нервных окончаний, где плоть предстает как бесцельная данность. Пристрастие восточных мужчин к толстым женщинам того же рода: им нравится абсурдная роскошь обильных жировых тканей, не одушевленных никаким проектом, не имеющих иного смысла, кроме того, что они есть [102 – «Готтентоты, у которых стеатопигия не так развита и встречается не так часто, как у бушменских женщин, считают такое сложение эстетичным и с самого детства массируют ягодицы своих дочерей, чтобы лучше их развить. Равным образом в различных регионах Африки встречается самый настоящий искусственный откорм женщин, два основных способа которого – неподвижность и обильное потребление соответствующих продуктов, в частности молока. Такой откорм до сих пор практикуется среди зажиточных арабов и евреев в городах Алжира, Туниса и Марокко» (Luquet. *Journal de Psychologie*, 1934. *Les Venus des cavernes*).]. Даже в цивилизациях с более тонкой чувствительностью, куда проникли понятия формы и гармонии, груди и ягодицы остаются излюбленными объектами по причине своего бескорыстного случайного расцвета. Нравы и мода часто усердно старались отрезать женское тело от его трансценденции: китайка с перевязанными ногами едва может ходить, длинные накрашенные ногти голливудской звезды лишают ее рук, высокие каблуки, корсеты, фижмы, панье, кринолины призваны были не столько подчеркнуть линии женского тела, сколько сделать его еще более бессильным. Отягощенное жиром или же, наоборот, полупрозрачное, не способное ни на какие усилия, парализованное неудобной одеждой и правилами благопристойности, оно видится мужчине как его вещь. Косметика и украшения также служат окаменению тела и лица. Функция женского украшения очень сложна; у некоторых первобытных народов оно носит сакральный характер, но обычно его роль в том, чтобы окончательно превратить женщину в идола. Идола неоднозначного: мужчина хочет женщину

плотскую, красота которой сродни красоте цветов и плодов, но одновременно она должна быть гладкой, твердой, вечной, как камень. Роль украшения в том, чтобы, с одной стороны, еще теснее связать женщину с природой, а с другой – вырвать ее оттуда, сообщить трепетной жизни застывшую необходимость искусственности. Примешивая к своему телу цветы, меха, драгоценные камни, раковины, перья, женщина становится растением, пантерой, бриллиантом, перламутром; она пользуется духами, чтобы источать аромат, как роза или лилия, но перья, шелк, жемчуг и духи служат и для того, чтобы скрыть животную грубость своей плоти, своего запаха. Она красит губы и щеки, чтобы придать им неподвижную твердость маски; она заключает свой взгляд в оковы косметического карандаша и туши для ресниц, и он становится лишь переливающимся украшением ее глаз; волосы, заплетенные в косы, завитые и уложенные, теряют свою волнующую растительную тайну. Природа присутствует в убранной женщине, но это уже природа-пленница, приведенная человеческой волей в соответствие с мужским желанием. Женщина тем желаннее, чем сильнее расцветает в ней природа и чем жестче она поработана: идеальным эротическим объектом всегда была «вычурная» женщина. Вкус же к более естественной красоте часто бывает всего лишь благовидной формой той же вычурности. Реми де Гурмон желает, чтобы женщина ходила с распущенными волосами, свободными, как ручьи и луговые травы, – однако волнистую поверхность вод и колосьев можно ощутить, лишь лаская локоны какой-нибудь Вероники Лейк, а не косматую шевелюру, действительно предоставленную самой природе. Чем моложе и здоровее женщина, тем больше кажется, что ее новому лощеному телу суждена вечная свежесть, тем меньше она нуждается в искусственности; но от мужчины всегда следует скрывать телесную слабость добычи, которую он сжимает в объятиях, – грозящее ей увядание. Кроме того, мужчина боится ее возможной судьбы, мечтает, чтобы она оставалась неизменной, необходимой, а потому ищет в лице женщины, в ее стане и ногах точного воплощения идеи. У первобытных народов идея сводится к доведенному до совершенства народному типу: раса с толстыми губами и плоским носом ваяет толстогубую и плосконосую Венеру; позже к женщинам прилагают более сложные эстетические каноны. Но в любом случае, чем лучше согласуются с ними черты и пропорции женщины, тем больше она радует сердце мужчины, ибо она словно неподвластна любым превратностям природы. Таким образом, мы приходим к странному парадоксу: желая уловить в женщине природу – природу преображенную, – мужчина обрекает женщину на искусственность. Она не только «физис», но и в равной мере «антифизис», причем не только в цивилизованных странах, где делают электрический перманент, восковую эпиляцию и носят пояса из латекса, но и там, где живут негритянки с круглыми пластинами в губе, в Китае и повсюду на земле. Эту мистификацию разоблачил Свифт в знаменитой оде к Селии; он с отвращением описывает арсенал кокетки и с отвращением напоминает о животных функциях ее тела; в своем возмущении он вдвойне не прав, ибо мужчина хочет, чтобы женщина одновременно была зверем и растением и чтобы она скрывалась под рукотворной броней; он любит ее выходящей из морской пены и из дома моделей, обнаженной и одетой, обнаженной под одеждой, именно такой, какой привык видеть ее в человеческом мире. Горожанин ищет в женщине животное начало, но для молодого крестьянина на военной службе бордель воплощает в себе всю магию города. Женщина есть поле и пастбище, но одновременно – Вавилон.

Между тем в этом состоит первая ложь, первое предательство женщины – предательство самой жизни, которая, даже принимая самые притягательные

формы, всегда несет в себе ферменты старения и смерти. Уже то, как мужчина использует женщину, разрушает самые драгоценные ее качества: под бременем материнства она утрачивает эротическую привлекательность; даже если она бездетна, ход времени искажает ее чары. Немошная, безобразная, старая женщина внушает ужас. О ней, как о растении, говорят, что она поблекла, увяла. Конечно, дряхлость пугает и в мужчине, но опыт нормального мужчины не позволяет ему воспринимать других мужчин как плоть; с этими автономными, чуждыми телами его связывает только абстрактная солидарность. Мужчина чувственно ощущает умирание плоти именно через тело женщины, ему предназначенное тело. «Прекрасная оружейница» Вийона смотрит на распад своего тела враждебными глазами мужчин. Старуха, уродина – это не только непривлекательные объекты; они вызывают ненависть, смешанную со страхом. В них снова проявляется пугающая ипостась матери, тогда как прелести супруги меркнут.

Но и сама супруга – опасная добыча. В выходящей из вод Венере, в свежей пене и золотистых колосьях притаилась Деметра; завладевая женщиной через извлекаемое из нее наслаждение, мужчина одновременно пробуждает в ней коварные силы плодородия; он проникает в тот же орган, что производит на свет детей. Именно поэтому во всех обществах множество табу оберегают мужчину от угрозы, таящейся в женском половом органе. Обратное утверждение неверно, женщине в мужчине ничего не грозит; его половой орган считается светским, профанным. Фаллос может обожествляться, но в его культе нет ничего ужасного, и женщина в повседневной жизни не нуждается в мистической защите от него; для нее он только благодетель. Примечательно, впрочем, что во многих обществах с материнским правом половая жизнь очень свободна, но только в детстве и в ранней юности женщины, когда коитус не связан с идеей деторождения. Малиновский с некоторым удивлением сообщает, что молодые люди, свободно занимающиеся любовью в «доме холостяков», охотно выставляют свои связи напоказ; дело в том, что незамужняя девушка считается неспособной родить и половой акт воспринимается как мирное мирское удовольствие. Напротив, как только она выходит замуж, супруг на людях ничем не должен выдавать свою привязанность к ней, не должен к ней прикасаться, а любой намек на их интимную близость становится святотатством: ибо теперь она причастна грозной материнской сущности и половой акт становится сакральным. Отныне он окружен запретами и предосторожностями. Коитус запрещен во время пахоты, сева, посадки растений: причина в данном случае в том, что оплодотворяющие силы, необходимые для обильного урожая, а значит, для блага сообщества, не следует тратить на межличностные отношения; их экономия обусловлена почтением к силам, связанным с плодородием. Но в большинстве случаев воздержание оберегает мужскую силу супруга; оно требуется, когда мужчина отправляется ловить рыбу, охотиться, а главное, когда он собирается на войну; в союзе с женщиной мужское начало слабеет, а потому всякий раз, когда мужчине требуются все его силы, ему следует избегать женщины. Некоторые задавались вопросом, обусловлен ли ужас мужчины перед женщиной его ужасом перед проявлениями пола вообще или наоборот. Мы видим, что, например, в Книге Левит ночная поллюция рассматривается как нечистота, хотя женщина здесь ни при чем. А в наших современных обществах опасной и греховной считается мастурбация: многие мальчики и юноши предаются этому занятию, испытывая страшную тревогу и тоску. Удовольствие, получаемое в одиночку, становится пороком благодаря вмешательству общества и особенно родителей, но у многих мальчиков их первые эякуляции вызывают внезапный испуг: любое истечение собственной

субстанции, будь то кровь или сперма, кажется им тревожным; из них вытекает жизнь, их мана. Тем не менее, даже если в субъективном эротическом опыте мужчины женщина может отсутствовать, объективно она все равно присутствует в его сексуальной жизни: как говорил Платон в мифе об андрогинах, мужской организм предполагает организм женский. Открыв для себя свой пол, мужчина открывает женщину, даже если она не дана ему ни во плоти, ни в изображении; и наоборот, женщина страшна тем, что воплощает в себе сексуальность. Имманентный и трансцендентный аспекты жизненного опыта всегда неразделимы: все, чего я боюсь или желаю, – всегда одна из ипостасей моего собственного существования, но все, что случается со мной, приходит из того, что мною не является. «Не-я» заложено в ночных поллюциях, в эрекции, если и не в отчетливом женском облике, то, во всяком случае, в виде Природы и Жизни: человек чувствует себя во власти чуждой ему магии. Тем самым двойственность его чувств к женщине сказывается и в его отношении к собственному полу: он им гордится, он смеется над ним и стыдится его. Маленький мальчик заносчиво сравнивает свой пенис с пенисами товарищей; первая эрекция вселяет в него одновременно гордость и страх. Мужчина хочет, чтобы его член считали символом трансценденции и мощи; он кичится им и как морщинистым мускулом, и как магическим даром: это свобода, обильная всей случайностью данности, данность, в которой заключена свобода воли; эта противоречивость члена приводит мужчину в восторг, но он подозревает заложенный в нем обман; этот орган, посредством которого он собирается утверждать себя, его не слушается; он полон неутоленных желаний, неожиданно напрягается, иногда облегчается во сне, то есть являет собой подозрительную и прихотливую жизненную силу. Мужчина утверждает, что Дух в нем торжествует над Жизнью, активность над пассивностью; его сознание держит природу на расстоянии, его воля видоизменяет ее, но он вновь обнаруживает в себе жизнь, природу и пассивность в обличье полового члена. «Половые органы являются настоящим фокусом воли и, следовательно, противоположным полюсом мозга», – пишет Шопенгауэр[103 – Перевод Ю. И. Айхенвальда под редакцией Ю. Н. Попова. (Прим. ред.)]. То, что он называет волей, – это привязанность к жизни, которая есть страдание и смерть, тогда как мозг – это мысль, создающая представление о жизни, а значит, отделяющаяся от нее: половой стыд, полагает он, – это стыд перед глупым упрямством нашей плоти. Даже если не разделять присущего его теориям пессимизма, нельзя не признать, что он прав, усматривая в оппозиции «половой член – мозг» выражение мужской двойственности. В качестве субъекта он полагает мир и, оставаясь вне полагаемого универсума, становится его властелином; если же он осознает себя как плоть, как пол, он больше не является автономным сознанием, транспарентной свободой: он включается в мир как ограниченный, преходящий объект. Конечно, акт зачатия преодолевает границы тела – но одновременно он их устанавливает. Отец всех детей, пенис симметричен матери-матке; мужчина, который сам вышел из зародыша, вскормленного в материнском чреве, несет в себе новые зародыши, и через это дающее жизнь семя отрицается его собственная жизнь. «Жизнь детей неминуемо заключает в себе смерть родителей», – пишет Гегель. Эякуляция – это обетование смерти, она утверждает примат вида над особью; наличие полового члена и его активность отрицают горделивую исключительность субъекта. Именно это опровержение духа жизнью делает половой член чем-то скандальным. Мужчина превозносит фаллос постольку, поскольку видит в нем трансценденцию и деятельность, способ овладения другим, но он стыдится его, когда видит в нем лишь пассивную плоть, превращающую его в игрушку темных сил Жизни. Стыд этот часто маскируется под иронию. Чужой член легко вызывает смех;

эрекция часто кажется смешной, оттого что имитирует обдуманное действие, тогда как на самом деле претерпевается пассивно; одно упоминание о гениталиях возбуждает веселье. Малиновский рассказывает, что дикарям, среди которых он жил, достаточно было назвать «эти стыдные места», чтобы вызвать неудержимый смех; многие так называемые галльские или сальные шутки – не более чем эта зачаточная игра слов. У некоторых первобытных народов женщины в период прополки садов имеют право грубо изнасиловать любого чужака, который забредет в их деревню; они набрасываются на него все вместе и часто доводят до полусмерти, а мужчины племени смеются над этим подвигом; акт насилия закрепляет представление о жертве как о пассивной и зависимой плоти; мужчиной овладевают женщины, а через них – и их мужья, тогда как в нормальном коитусе мужчина хочет утвердить себя как собственник.

Но именно тогда ему предстоит с наибольшей очевидностью пережить на опыте двусмысленность своего плотского состояния. Он с гордостью принимает свой пол как средство присвоения Другого; но эта мечта об обладании всегда кончается крахом. В подлинном обладании Другой уничтожается как таковой, потребляется, разрушается – только султан из «Тысячи и одной ночи» властен обезглавливать любовниц, едва утренняя заря поднимет их из его постели; женщина переживает объятия мужчины и тем самым ускользает от него; стоит ему разжать руки, и добыча снова становится ему чужой; она опять новая, нетронутая, готовая столь же мимолетно отдаться новому любовнику. Мечта мужчины – «пометить» женщину, чтобы она всегда принадлежала ему; но даже самый большой спесивец знает, что ему не останется ничего, кроме воспоминаний, и что самые жгучие образы холодны, если утрачено ощущение. Этот крах разоблачается во множестве книг. Они направлены против женщины, которую называют ветреницей и изменницей, потому что ее тело предназначено для мужчины вообще, а не для отдельного мужчины. Но ее измена еще более коварна: ведь она сама превращает любовника в добычу. Только тело может соприкоснуться с другим телом; чтобы подчинить себе желанную плоть, мужчине самому надо стать плотью; Ева дана Адаму, чтобы он реализовал в ней свою трансцендентность, а она увлекает его во мрак имманентности; ту оболочку тьмы, что соткана матерью для сына и откуда он так хочет вырваться, воссоздает из непроницаемой глины любовница в момент головокружительного наслаждения. Он хотел обладать – а обладают им самим. Запах, испарина, усталость, скука: столько всего написано об унылой страсти сознания, ставшего плотью. Желание, часто таящее в себе отвращение, оборачивается отвращением, когда оно утолено. «Каждое животное после совокупления печально». «Плоть печальна». А между тем мужчина даже не нашел в объятиях любовницы окончательного успокоения. Вскоре в нем снова пробуждается желание; и часто это желание не женщины вообще, но именно этой женщины. Тогда она обретает особенно тревожную власть. Ибо мужчина видит в сексуальной потребности своего тела обычную потребность, наподобие голода и жажды, не направленную на какой-либо отдельный объект: значит, узы, связывающие его с определенным женским телом, – это работа Другого. Это узы таинственные, как нечистое и плодовитое чрево, куда уходит корнями его жизнь, нечто вроде пассивной силы, то есть узы магические. Избитая лексика романов-фельетонов, где женщина описана как волшебница, обольстительница, зачаровывающая и околдовывающая мужчину, отражает самый древний, самый всеобщий миф. Женщина предназначена для магии. Магия, говорил Ален, – это дух, блуждающий среди вещей; действие можно назвать магическим, когда его никто не производит, оно само возникает из пассивности; мужчины же всегда

смотрели на женщину именно как на имманентную данность; она порождает хлеба, плоды и детей, но это не акт ее воли; она не субъект, не трансценденция, не творящая сила, но объект, источающий флюиды. В обществах, где мужчина поклоняется подобным таинствам, женщина в силу этих свойств становится частью культа и почитается как жрица, но, когда мужчина борется за торжество общества над природой, разума над жизнью, воли над инертной данностью, женщина воспринимается как ведьма. Как известно, разница между священнослужителем и волшебником состоит в том, что первый повелевает силами, которые он покорил в согласии с богами и законами на благо общины и во имя всех ее членов; второй же действует в стороне от общества, вопреки богам и законам, подчиняясь собственным страстям. Женщина же не полностью интегрирована в мир мужчин; она противостоит им как Другой; естественно, что она использует дарованные ей силы не для того, чтобы распространить на мужское сообщество и на будущее власть трансценденции, но – будучи отдельной, противостоящей – чтобы вовлечь мужчин в одиночество отдельности, во тьму имманентности. Она – сирена, из-за пения которой моряки устремлялись на рифы; она – Цирцея, превращавшая любовников в животных, ундина, влекущая рыбака на дно пруда. Пленный ее чарами мужчина больше не имеет ни воли, ни проекта, ни будущего; он уже не гражданин, а плоть – невольница своих желаний, он вычеркнут из сообщества, замкнут в сиюминутном, пассивно колеблется между мукой и удовольствием; порочная волшебница выставляет страсть против долга, настоящий момент – против времени как целого, она держит путника вдали от родного очага, наливает напиток забвения. Стремясь завладеть Другим, мужчина должен оставаться собой, но, пережив крах невозможного обладания, он пытается стать тем самым Другим, с которым ему не удастся воссоединиться; тогда он отчуждается, теряется, пьет зелье, делающее его чужим самому себе, погружается в текучие смертные воды. Мать, дав сыну жизнь, обрекает его на смерть; любовница склоняет возлюбленного отречься от жизни и отдаться высшему сну. Эта связь любви и Смерти была патетически воспета в легенде о Тристане, но есть в ней более изначальная истина. Рожденный от плоти, мужчина в любви осуществляет себя как плоть, а удел плоти – могила. Тем самым подтверждается союз Женщины и Смерти; великая жница есть изнанка образа плодородия, благодаря которому растут колосья. Но она предстает и жуткой невестой, чья обманчивая нежная плоть таит в себе скелет[104 – Например, в балете Превьера «Свидание» и в балете Кокто «Юноша и Смерть» Смерть представлена в облике юной возлюбленной.] .

Итак, в женщине, будь то любовница или мать, мужчина лелеет и ненавидит прежде всего застывший образ собственной животной судьбы, жизнь, необходимую для его существования, но обрекающую его на конечность и смерть. В день, когда человек появляется на свет, он начинает умирать: эту истину воплощает Мать. Зачиная, он утверждает примат вида над самим собой – именно это он постигает в объятиях супруги; в смятении и удовольствии он, еще не успев зачать, забывает свое особое «я». Пусть он и пытается отделять мать от супруги, и в той и в другой он находит один и тот же очевидный факт: собственную телесность. Он одновременно и стремится осуществить себя как плоть – почитает мать, желает любовницу, – и восстает против них с отвращением и страхом.

Есть один весьма примечательный текст, где мы найдем синтез почти всех этих мифов: то место в «Курдской ночи» Жан-Ришара Блока, где описаны объятия юного Саада с женщиной много старше его, но еще красивой, во время разграбления города:

«Ночь стирала контуры предметов и ощущений. И уже не женщину прижимал он к своей груди. Он наконец приближался к цели нескончаемого путешествия, длившегося с Сотворения мира. Он понемногу растворился в необъятности, колымавшейся вокруг него, бескрайней и безликой. Все женщины слились воедино в гигантской, неприступной стране, унылой, как желание, жгучей, как лето... [...] Между тем он с робким восхищением узнавал сокрытое в женщине могущество, длинные, обтянутые атласом бедра, колени, подобные двум холмам из слоновой кости. Проводя рукой по гладкой оси спины от ягодиц до плеч, он словно двигался по тому своду, на котором зиждется мир. Но его неотступно манил живот, упругий и нежный океан, где рождается и куда возвращается любая жизнь, убежище из убежищ, со своими приливами и отливами, горизонтами, безбрежными просторами.

И тогда им овладело яростное желание пронзить эту сладостную оболочку, добраться наконец до самого истока ее прелестей. Они сплелись в одновременном порыве. Женщина теперь существовала лишь затем, чтобы разверзнуться, как земля, открыть ему свои внутренности, насытиться влагой возлюбленного. Восторг обернулся убийством. Их слияние напоминало удар кинжала.

[...] Он, отдельный, отделенный, отсеченный мужчина, вот-вот выплеснется из собственной сущности, вырвется из своей плотской темницы и волеется материей и душой во всеобщую материю. Ему уготовано высшее, никогда доселе не испытанное счастье преодолеть границы тварного, сплавить в едином восторге субъект и объект, вопрос и ответ, отсесть у бытия все, что не есть бытие, и достичь в последнем содрогании царства недостижимого.

[...] Каждое новое движение смычка извлекало из вибрировавшего в его власти драгоценного инструмента все более и более высокие ноты. Вдруг последний спазм оторвал Саада от зенита и низверг на землю, в грязь».

Когда желание женщины остается неутоленным, она сжимает любовника бедрами, и он чувствует, как помимо его воли в нем снова растет желание: тогда она представляется ему враждебной силой, отнимающей у него мужество, и, снова обладая ею, он так глубоко впивается зубами ей в горло, что убивает ее. Так замыкается цикл, сложными, витиеватыми путями ведущий от матери к любовнице и к смерти.

В этой ситуации мужчина может вести себя по-разному в зависимости от того, какой аспект плотской драмы для него важнее. Если он не имеет понятия об уникальности жизни, если его не волнует свой особый удел, если он не боится смерти, то с радостью примет свою животную природу. У мусульман женщина низведена до ничтожного состояния в силу феодальной структуры общества, не допускающего вмешательства государства в дела семьи, и в силу религии, которая, выражая воинственный идеал этой цивилизации, прямо предназначила мужчину Смерти и лишила женщину какой бы то ни было магии: чего может бояться на земле тот, кто в любую секунду готов окунуться в сладострастные оргии магометанского рая? Мужчина, таким образом, может спокойно наслаждаться женщиной, ему не нужно защищаться от себя самого и от нее. Сказки «Тысячи и одной ночи» рассматривают ее как источник приторных наслаждений, вроде фруктов, варенья, сытных пирожных и благовоний. Сегодня подобная благодатная чувственность встречается у многих средиземноморских народов; мужчина юга, щедро одаренный

мгновением, не претендующий на бессмертие, воспринимающий Природу в ее благотворном аспекте, через сияние неба и моря, будет со вкусом любить женщин; по традиции он вполне презирает их и не считает за людей: для него нет большой разницы между удовольствием от женского тела и удовольствием от песка или воды; ни женщины, ни он сам не вызывают у него ужаса перед плотью. Витторини в «Сицилийских беседах» со спокойным восхищением рассказывает, как в семилетнем возрасте впервые увидел обнаженное женское тело. Греческий и римский рационализм дает обоснование этому стихийному отношению. Оптимистическая философия греков преодолела пифагорейское манихейство; низший подчинен высшему и как таковой полезен ему: в этих гармоничных идеологиях нет никакой враждебности по отношению к плоти. Индивид, обращенный к небосводу Идеи или к Городу и Государству, воспринимающий себя как ??? (Ум) или как гражданина, полагает, что преодолел свое животное состояние: предается ли он чувственным наслаждениям или живет как аскет, женщина, прочно интегрированная в мужское общество, имеет лишь второстепенное значение. Разумеется, торжество рационализма никогда не было полным и эротический опыт в этих цивилизациях сохраняет свой двойственный характер: свидетельство тому – обряды, мифология, литература. Но притягательные и опасные стороны женственности предстают здесь в смягченном виде. Вновь наделило женщину ужасающим величием христианство; страх перед другим полом – одна из форм, какую принимает для мужчины разорванность несчастного сознания. Христианин отделен от себя; он распадается на тело и душу, на жизнь и дух: первородный грех делает тело врагом души; все плотские привязанности предстанут дурными[105 – Вплоть до конца XII века все теологи – кроме святого Ансельма Кентерберийского, – в соответствии с учением святого Августина, считают, что первородный грех содержится в самом законе размножения рода человеческого. «Похоть есть порок... чрез нее плоть человеческая, которая рождается, есть плоть греха», – пишет святой Августин. И у святого Фомы Аквинского: «Поскольку со времен первородного греха соединению полов сопутствует похоть, грех сообщается и плоду».] . Человек может быть спасен только благодаря искуплению Христа и обращения к Царствию Небесному, но изначально он всего лишь гниль; рождением своим он обречен не только на смерть, но и на проклятие; лишь силой Божественной благодати ему может открыться небо, но на всех превратностях его природного существования лежит печать проклятия. Зло есть абсолютная реальность, а плоть есть грех. И разумеется, поскольку женщина по-прежнему остается Другим, никто не считает, что мужчина и женщина – плоть друг для друга: плоть, которая для христианина есть враждебный Другой, отождествляется с женщиной. В ней воплощены искушения земли, пола, демона. Все Отцы Церкви подчеркивают, что именно она склонила Адама к греху. Приведем снова слова Тертуллиана о женщине: «Ты была, так сказать, дверью для диавола, ты соблазнила того, на кого диавол не смел напасть... наконец, исправление вины твоей стоило жизни самому Сыну Божию; и после всего сего ты мечтаешь, ты смеешь украшать всячески ту кожу, которая дана была тебе единственно для прикрытия стыда»[106 – Перевод Е. Карнеева. (Прим. ред.)] . Вся христианская литература стремится обострить чувство отвращения, которое мужчина может испытывать по отношению к женщине. Тертуллиан определяет ее как «Templum aedificatum super cloacam» («Храм, возведенный над клоакой»). Святой Августин с ужасом подчеркивает соседство половых и экскреторных органов: «Inter fCces et urinam nascimur» («Мы рождаемся между задним проходом и мочевым пузырем»). Отвращение христианства к женскому телу столь велико, что оно соглашается обречь своего Бога на позорную смерть, но избавляет Его от скверны

рождения: Эфесский собор Восточной церкви и Латеранский собор на западе утверждают догмат девственного рождения Христа. Первые Отцы Церкви – Ориген, Тертуллиан, Иероним – полагали, что Мария рожала в крови и нечистотах, как все прочие женщины; однако верх одержало мнение святого Амвросия и святого Августина. Чрево Богоматери осталось закрытым. Начиная со Средних веков сам факт наличия у женщины тела считался позорным. Это отвращение надолго парализовало даже науку. Линней в трактате о природе обходит стороной анализ «омерзительных» женских половых органов. Французский врач Дю Лоран возмущенно задается вопросом, как «столь божественное животное, исполненное разума и способности суждения, какое именуют человеком, может испытывать влечение к непристойным частям женщины, испачканным выделениями и постыдно расположенным в самом низу туловища». Сегодня на христианские представления накладываются многие другие влияния; и само христианство многолико; но, например, в пуританском мире ненависть к плоти сохраняется; она выражена, в частности, в романе Фолкнера «Свет в августе»; первое приобщение героя к сексуальному опыту вызывает у него тяжелейшую травму. В литературе вообще часто изображается молодой человек, потрясенный до рвоты первым половым актом; и хоть на самом деле подобная реакция встречается очень редко, описывают ее так часто отнюдь не случайно. Так, в англосаксонских странах, проникнутых пуританским духом, большинству подростков и многим мужчинам женщина внушает более или менее откровенный ужас. Во Франции этот ужас тоже довольно силен. Мишель Лейрис пишет в «Возрасте мужчины»: «Обычно я склонен видеть в женском органе нечто грязное или подобие раны, оттого не менее манящей, но опасной самой по себе, как все кровавое, слизистое, зараженное». Страхи эти отражаются в представлении о венерической болезни; не женщина пугает тем, что может передать болезнь, а болезни представляются омерзительными оттого, что идут от женщины: мне рассказывали о молодых людях, воображавших, будто гонорею вызывают слишком частые половые сношения. Охотно верят также, что в результате коитуса мужчина теряет мускульную силу и ясность ума, что у него расходуется фосфор и притупляется чувствительность. Правда, те же опасности влечет за собой и онанизм; причем общество, в силу моральных причин, считает его даже более вредным, чем нормальные половые сношения. Законный брак и воля к деторождению защищают от любой порчи, какую несет в себе эротика. Но, как я уже говорила, любой половой акт предполагает Другого, и, как правило, этот другой – женщина. Именно перед ней мужчина наиболее отчетливо ощущает пассивность собственной плоти. Женщина – это вампир, она пожирает и высасывает; ее прожорливый половой орган кормится органом мужчины. Некоторые психоаналитики пытались подвести научную базу под эти выдумки: все удовольствие, получаемое женщиной от коитуса, якобы происходит оттого, что она символически оскотливает мужчину и присваивает себе его член. Но кажется, в психоанализе нуждаются сами эти теории, а врачи, которые их придумали, перенесли в них страхи своих предков [107 – Мы уже показали, что миф о самке богомола не имеет никакой биологической основы.] .

Все эти страхи проистекают из того, что в Другом, несмотря на любое его присвоение, сохраняется инаковость. В патриархальных обществах женщина сохранила многие тревожные свойства, которыми ее наделяли в обществах первобытных. А поэтому ее никогда не оставляют на волю Природы, ее окружают табу, очищают обрядами, помещают под контроль священнослужителей; мужчину учат избегать ее природной наготы, приступать к ней только через церемонии и таинства, отрывающие ее от земли, от плоти

и превращающие в человеческое существо: тогда присущая ей магия отводится в сторону, словно молния после изобретения громоотвода и электростанций. Появляется даже возможность использовать ее в интересах сообщества: здесь мы наблюдаем еще одну фазу того колебательного движения, каким определяется отношение мужчины к своей самке. Он любит ее постольку, поскольку она принадлежит ему, и боится ее постольку, поскольку она остается Другим; но именно в качестве ужасного Другого он хочет сделать ее еще в большей степени своею: это и приведет к тому, что он признает за ней человеческое достоинство и станет относиться к ней как к себе подобной.

Патриархальная семья в значительной мере одомашнила женскую магию. Женщина позволяет обществу вбирать в себя космические силы. Дюмезиль в своем труде «Митра-Варуна» указывает, что в Индии, как и в Риме, у мужчины есть два способа утвердить свою власть: в образах Варуны и Ромула, в гандхарвах и луперках он – агрессия, похищение, беспорядок, *hybris*; в этом случае женщина предстает существом, которое надо захватить, взять силой; похищенные сабинянки оказываются бесплодными, и их стегают ремнями из козлиной кожи, искупая насилием избыток насилия. Но Митра, Нума, брахманы и фламины, наоборот, обеспечивают порядок и разумное равновесие в обществе: тогда жена связана с мужем сложными обрядами бракосочетания и, сотрудничая с ним, обеспечивает ему господство над всеми женскими силами природы; в Риме, если у фламينا Юпитера умирает жена, он слагает с себя полномочия. Равным образом в Египте Исида, утратив всемогущество богини-матери, все же остается великодушной, улыбчивой, доброжелательной и мудрой, блистательной супругой Осириса. Но когда женщина предстает союзницей мужчины, его дополнением, его половиной, она неизбежно наделяется сознанием, душой; он не смог бы находиться в такой тесной зависимости от существа, не причастного человеческой сущности. Как мы видели, законы Ману обещали законной супруге такой же рай, как и ее мужу. Чем больше мужчина индивидуализируется и отстаивает свою индивидуальность, тем больше он склонен признать в своей подруге личность и свободу. Восточный человек, не заботящийся о собственной судьбе, довольствуется самкой, она для него – объект наслаждения; мечта же западного человека, поднявшегося до осознания своей исключительности, – быть признанным чужой, покорной ему свободой. Грек ищет себе подобного и не находит его в затворнице гинекея, а потому обращает свою любовь на партнеров мужского пола, в чьем теле, как и в его собственном, живет сознание и свобода, или же дарует ее гетерам, чья независимость, культура и ум делают их почти равными мужчине. Но когда позволяют обстоятельства, именно супруга может лучше всех удовлетворить требования мужчины. Римский гражданин видит в матроне личность – в лице Корнелии и Аррии он обладает своим двойником. Парадоксальным образом именно христианство в определенном плане провозгласит равенство мужчины и женщины. В женщине оно ненавидит плоть; если она отречется от себя как от плоти, то станет таким же, как мужчина, Божьим творением, искупленным Спасителем; и вот она уже вместе с мужчинами среди душ, которым уготованы небесные радости. Мужчины и женщины – слуги Господни, почти столь же бесполое, как ангелы, вместе с помощью благодати отвергающие земные искушения. Если женщина согласится отречься от своей животной природы, она, именно потому, что служила воплощением греха, станет самым радужным воплощением торжества избранных,

победивших грех[108 – Отсюда то особое место, какое отводится женщине, например, в творчестве Клоделя.]. Конечно, Божественный Спаситель, орудие искупления людей, – мужчина, но человечество должно и само позаботиться о своем спасении, и оно будет призвано выразить свою смиренную добрую волю в самом униженном, самом порочном своем обличье. Христос – Бог, но над всеми людьми царит женщина – Дева Мария. Однако только секты, развивающиеся на обочине общества, воскрешают в женщине древние привилегии великих богинь. Церковь выражает интересы и служит патриархальной цивилизации, где женщине надлежит быть придатком мужчины. Лишь сделавшись его покорной служанкой, она станет одновременно и благословенной святой. Так в недрах Средневековья складывается наиболее законченный образ женщины, благоволящей мужчинам: лик Матери Христа окружается нимбом. Она – образ, обратный грешнице Еве; она попирает ногой змия; она – посредница в спасении, как Ева была посредницей в проклятии.

Женщина страшила прежде всего как мать; преобразить и покорить ее следует именно в материнстве. Девственность Марии имеет прежде всего негативную ценность: та, через которую пришло искупление плоти, сама бесплотна; никто к ней не прикасался, никто ею не обладал. У азиатской Великой матери тоже, по преданию, не было супруга: она одна породила мир и царствовала над ним; она могла быть похотливой, если вздумается, но обязанности супруги не умаляли ее величия как матери. То есть Мария не знала скверны, которую несет половая жизнь. Она сродни воительнице Минерве, она – башня из слоновой кости, крепость, неприступная твердыня. Античные жрицы, как и большинство христианских святых, тоже были девственницами: женщина, посвященная добру, должна быть посвящена ему во всем великолепии своих нетронутых сил; она должна сохранять во всей необузданной целостности свое женское начало. В Марии отказываются видеть супругу, дабы славить в ней единственно женщину-мать. Но славить ее будут, только если она соглашается на уготованную ей подчиненную роль. «Я служанка Господня». Впервые в истории человечества мать преклоняет колена перед сыном; она по своей воле признает его превосходство. В культе Марии воплощена высшая мужская победа; он – реабилитация женщины через ее окончательное поражение. Иштар, Астарта, Кибела были жестоки, капризны и похотливы; они были могущественны; они равно даровали смерть и жизнь и, порождая мужчин, превращали их в рабов. Поскольку в христианстве жизнь и смерть зависят только от Бога, человек, выйдя из материнского чрева, навсегда покидает его, а земле достанутся только его кости; судьба его души решается в сферах, где нет места материнской власти; таинство крещения делает смешными церемонии сожжения или потопления плаценты. На земле больше нет места магии: единственный царь – Бог. Изначально природа дурна, но она бессильна перед лицом благодати. Материнство как природное явление не дает никакой власти. Женщине, если она хочет преодолеть в себе клеймо первородного греха, остается лишь склониться перед Богом, чья воля делает ее рабыней мужчины. И через эту покорность она может сыграть новую роль в мужской мифологии. Она была побеждена и низвергнута, пока хотела господствовать, пока не отреклась открыто от своих притязаний; но ее могут почитать как женщину-вассала. Она сохраняет все свои первоначальные атрибуты, но они меняют знак; из пагубных они становятся благотворными, черная магия оборачивается белой магией. Став служанкой, женщина имеет право на самые пышные почести.

И поскольку покорена она была в качестве матери, и любить и почитать ее будут прежде всего как мать. Из двух древних ликов материнства нынешний

мужчина признает только один, улыбающийся. Ограниченный во времени и пространстве, имеющий лишь одно тело и одну конечную жизнь, мужчина есть всего лишь индивид в недрах чуждых ему Природы и Истории. Женщина, ограниченная, как и он, подобная ему, ибо и в ней живет дух, принадлежит Природе, через нее течет нескончаемый поток жизни, а значит, она предстает посредницей между индивидом и космосом. Когда фигура матери сделалась утешительной и святой, мужчина, разумеется, обратился к ней с любовью. Затерянный в природе, он стремится спастись от нее, но, отделившись, жаждет вновь с нею соединиться. Мать, прочно утвердившаяся в семье, в обществе в согласии с законами и нравами, есть воплощение самого Добра: природа, которой она причастна, тоже становится доброй; она больше не враждебна духу; если и остается в ней тайна, то тайна с улыбкой на устах, как у мадонн Леонардо да Винчи. Мужчина не хочет быть женщиной, но мечтает вобрать в себя все сущее, а значит, и женщину, которой он не является: через поклонение своей матери он пытается присвоить себе ее, чуждые ему, богатства. Признать себя сыном своей матери – значит признать мать в самом себе, вобрать в себя женское начало как связь с землей, с жизнью, с прошлым. Именно за этим приезжает к матери герой «Сицилийских бесед» Витторини: за родной землей, ее запахами и плодами, за своим детством, за памятью о предках, традициями, корнями, от которых оторвало его индивидуальное существование. Именно эта укорененность возбуждает в мужчине гордость преодоления: он с удовольствием любит себя, вырываясь из материнских объятий и отправляясь навстречу приключениям, будущему, войне; отъезд был бы куда менее трогательным, если бы никто не пытался его удержать, – тогда он выглядел бы случайностью, а не победой, завоеванной дорогой ценой. И еще ему нравится сознавать, что эти объятия всегда готовы принять его снова. После напряжения действия герой любит вновь вкушать подле матери покой имманентности: мать – это убежище, сон; ощущая ласковые прикосновения ее рук, он вновь погружается в лоно природы, отдается великому потоку жизни так же спокойно, как в матке, как в могиле. Если, по традиции, он умирает, призывая мать, то потому, что под материнским взором сама смерть оказывается одомашненной, симметричной рождению, неразрывно связанной со всей плотской жизнью. Мать по-прежнему соотносится со смертью, как в античном мифе о парках; ей надлежит хоронить мертвых и оплакивать их. Но роль ее заключается именно в том, чтобы сделать смерть составной частью жизни, общества, блага. Тем самым систематически поощряется культ «героических матерей»: если общество добивается, чтобы матери отдавали своих сыновей на смерть, оно полагает, что имеет право их убивать. Мать обладает таким влиянием на своих сыновей, что обществу выгодно присвоить ее: поэтому мать всячески окружают знаками внимания, наделяют всевозможными добродетелями, создают вокруг нее религию, уклониться от которой нельзя под страхом святотатства и богохульства; из нее делают хранительницу морали; служа мужчине, служа властям, она ласково поведет детей по проторенным путям. Чем более оптимистически настроено сообщество, тем легче оно признает над собой эту нежную власть, тем сильнее преобразится в нем мать. Американская «Мом» стала тем идолом, что описывает Филип Уайли в «Поколении гадюк», потому что официальная американская идеология – это самый упрямый оптимизм. Прославлять мать – значит принимать рождение, жизнь и смерть в их животной и одновременно социальной форме, значит провозглашать гармонию природы и общества. Огюст Конт делает женщину божеством будущего человечества, потому что мечтает об осуществлении этого синтеза. Но по той же самой причине все бунтовщики ополчаются на фигуру матери; попирая ее, они отрицают ту данность, которую им стремятся навязать через

хранительницу нравов и законов[109 – Здесь следовало бы привести целиком стихотворение Мишеля Лейриса «Мать». Вот несколько характерных отрывков: «Мать, в черном, в сиреновом, в лиловом, – воровка ночей, – ведьма, чьим тайным мастерством вы являетесь на свет, та, что качает вас, балует и в гроб кладет, если не суждено доверить заботе ваших рук последнюю игрушку – погребенье ее сморщенного тела. <...>Мать – слепая статуя, рок, высящийся на неоскверненном алтаре, – природа, ласкающая вас, и опьяняющий вас ветер, и мир, что целиком вас проникает и возносит к небесам (поднимая на бесчисленных витках спирали), и предает вас тлену. <...>Мать – юна или стара она, красива или безобразна, милосердна или упряма – карикатура, ревнивое чудовище-жена, свергнутый Прототип, – если и в самом деле Идея (увядающая пифия, восседающая на треножнике суровой заглавной буквы), есть лишь пародия на легкие, живые, искрящиеся мысли. <...>Мать – округло или сухо ее бедро, упруга или дряблая грудь – закат неотвратимый, что ждет любую женщину с рожденья, постепенное крошенье сияющей скалы под натиском менструальной волны, долгое погребенье – в песках престарелой пустыни – пышного каравана, везущего груз красоты. Мать – ангел смерти выжидающей, и объемлющего все мироздания, и любви, волнами времени вынесенной на берег, – раковина безумных очертаний (верный признак яда), что кинуть надо в глубокий водоем, та, что порождает круги для вод забытых. Мать – лужа мрачная, что траур носит вечно по всем и по нам самим, – смрадные пары, что всеми цветами радуги сияют и издыхают, раздувая пузырями ее огромную звериную тень (о стыд плоти и молока), жесткую завесу, что не родившаяся еще молния должна раздрать надвое. <...>Придет ли когда на ум одной из этих невинных шлюх идти босыми ногами сквозь века вымаливать прощенье за преступление нас на свет родить».] .

Ореол почтения над головой матери, окружающие ее запреты вытесняют враждебное отвращение, произвольно примешивающееся к той плотской нежности, какую она внушает. И все же подспудно ужас перед материнством сохраняется. В частности, интересно отметить, что во Франции со времен Средневековья сформировался один вспомогательный миф, позволяющий свободно выразить чувство омерзения, – миф о теще и мачехе. От фавлю до водевилей мужчина, издеваясь над матерью своей супруги, не охраняемой никакими табу, попирает материнство как таковое. Ему ненавистна мысль, что любимую женщину когда-то рожали: теща – наглядный образ дряхлости, на которую она обрекла свою дочь, дав ей жизнь; ее тучность и морщины предвещают тучность и морщины, которые суждены новобрачной, служат прообразом ее печального будущего; рядом с матерью она выглядит уже не как индивид, а как момент в жизни рода; она уже не желанная добыча, не милая подруга, потому что ее неповторимое существование растворяется во всеобщей жизни. Ее особенность насмешливо опровергается всеобщностью, независимость духа – укорененность в прошлом и в плоти; именно эту насмешку мужчина объективирует в гротескном персонаже, но смех его полон злобы потому, что он отлично знает: судьба его жены – это судьба всякого человека и его собственная. В легендах и сказках всех стран жестокий аспект материнства воплощен также во второй жене. Именно мачеха хочет погубить Белоснежку. В злой мачехе – г-же Фишини, которая бьет Софи во всех книгах г-жи де Сегюр, – продолжает жить древняя Кали, в ожерелье из отрубленных голов.

Между тем за спиной у матери, почитаемой как святая, толпится целая когорта добрых волшебниц, ставящих на службу человеку соки трав и

звездные излучения: бабушки, старушки с добрыми глазами, великодушные служанки, сестры милосердия, сиделки, чьи руки творят чудеса, возлюбленная, о какой мечтал Верлен:

О женщина, с душой и льстивой, и простой,
Кого не удивишь ничем и кто порой,
Как мать, с улыбкою вас тихо в лоб целует! [110 – Перевод В.

Брюсова.]

Они владеют светлой тайной узловатой виноградной лозы и свежей воды; они перевязывают и врачуют раны; мудрость их – это безмолвная мудрость жизни, они все понимают без слов. Рядом с ними мужчина забывает всякую гордость; он знает, как приятно верить себя им, вновь становиться ребенком, ведь никакой борьбы за влияние между ним и ими быть не может – нельзя завидовать нечеловеческим свойствам природы; а ухаживающие за ним мудрые посвященные женщины в своей преданности признают себя его служанками; он покорен их благотворному могуществу, потому что знает, что и в покорности остается их господином. В это благословенное войско входят все будущие матери – сестры, подруги детства, невинные девушки. И даже супруга, когда рассеиваются ее эротические чары, для многих мужчин предстает не столько любовницей, сколько матерью их детей. Раз мать священна и поработена, ее можно без страха обнаружить и в подруге, также священной и покорной. Искупление матери – это искупление плоти, а значит, плотского союза и супруги.

Лишенная магического оружия с помощью свадебных обрядов, экономически и социально подчиненная мужу, «добродетельная супруга» – самое ценное сокровище для мужчины. Она настолько полно принадлежит ему, что составляет с ним одно целое: «Ubi tu Ga?us, ego Ga?a»; она носит его имя, поклоняется его богам, он за нее в ответе – он зовет ее своей половиной. Он гордится женой, как гордится своим домом, землей, стадами, богатствами, и даже больше; через нее он являет миру свое могущество; она – его мера, причитающаяся ему на земле доля. У восточных народов женщина обязана быть полной: все видят, что ее хорошо кормят, и это делает честь ее господину. Чем больше у мусульманина жен и чем более цветущий у них вид, тем больше его уважают. В буржуазном обществе одна из отведенных женщине ролей – «представительствовать»: ее красота, обаяние, ум, элегантность суть внешние признаки состоятельности ее мужа наряду с кузовом его автомобиля. Богатый муж украшает жену мехами и драгоценностями. Тот, что победнее, будет хвалиться ее добродетелями и талантами домашней хозяйки; самый обездоленный, заполучив жену, которая ему служит, считает, что и он кое-чем владеет на земле; герой «Укрощения строптивой» созывает всех соседей, чтобы показать, какой покорности и уважения он добился от жены. В каждом мужчине в большей или меньшей степени живет царь Кандавл: он выставляет напоказ жену, полагая, будто демонстрирует собственные заслуги.

Но женщина не только тешит общественное тщеславие мужчины; она для него источник и более интимной гордости: он приходит в восторг оттого, что господствует над ней; когда женщина воспринимается как человек, на смену натуралистическим образам лемеха, вспахивающего борозду, приходят более одухотворенные символы; муж «формирует» жену не только эромически, но и морально, интеллектуально; он воспитывает ее, налагает на нее свой отпечаток. Излюбленная мечта мужчины – пропитать вещи своей волей,

придать им форму, проникнуть в сущность; женщина – это в высшей степени «глина», она пассивно дает себя месить и лепить, но, поддаваясь, сопротивляется, что позволяет мужскому действию длиться постоянно. Податливость губит слишком пластичный материал; женщина же ценна тем, что нечто неуловимое в ней ускользает из рук; мужчина тем самым властвует над реальностью, превышающей его самого, и оттого покорение ее особенно почетно. Женщина пробуждает в нем неведомое существо, в котором он с гордостью узнает самого себя; в чинных супружеских оргиях он обнаруживает величие своей животной природы: он – самец, а женщина, соответственно, самка, но в данном случае это слово звучит чрезвычайно лестно: самка, высиживающая, кормящая, вылизывающая детенышей, защищающая и спасающая их с риском для жизни, – пример для человека; мужчина взволнованно требует от своей подруги такого же терпения, такой же преданности; глава семьи опять-таки хочет иметь у себя дома Природу, но Природу, исполненную всех добродетелей, полезных для общества, для семьи и для него самого. У ребенка и мужчины есть одно общее желание – разгадать секрет, спрятанный внутри вещи; материя в этом смысле разочаровывает: стоит разломать куклу, как ее живот оказывается снаружи, а внутри уже ничего нет; живое лоно более непроницаемо; живот женщины – это символ имманентности, глубины; отчасти он выдает свои секреты, в частности когда на лице женщины отражается наслаждение, но он и скрывает их; мужчина удерживает дома смутные трепетания жизни, причем обладание ими не разрушает их тайны. В человеческий мир женщина перемещает функции самки животного: она поддерживает жизнь, царит в сфере имманентности; тепло и уют матки она переносит на домашний очаг; именно она хранит и оживляет жилище, где отложилось прошлое и вырисовывается будущее; именно она дает жизнь грядущему поколению и кормит уже родившихся детей; благодаря ей существование, которое мужчина растрачивает по миру в работе и действии, сводится воедино и вновь погружается в свою имманентность: возвращаясь вечером домой, он укореняется на земле; женщина обеспечивает непрерывное течение дней; с какими бы превратностями он ни столкнулся во внешнем мире, она снова и снова гарантирует трапезы, сон; она чинит все, что ломает или изнашивает деятельность: готовит пищу усталому труженику, ухаживает за ним во время болезни, штопает, стирает. В созданный и поддерживаемый ею супружеский мирок она привносит весь огромный мир: зажигает огни, разводит цветы, приручает излучения солнца, воды, земли. Один буржуазный писатель, которого цитирует Бебель, на полном серьезе формулирует этот идеал: «Мужчине желательно такое существо, в котором не только бьется сердце любви к нему, но рука которого разглаживает складки на его лбу, в явлении которого отражается мир, покой, порядок, тихое господство над самим собой и еще тысяча вещей, к которым он возвращается ежедневно; ему желательно такое существо, которое распространяло бы вокруг всего этого благоухание женственности, являющейся оживляющим теплом в домашней жизни».

Мы видим, каким одухотворенным стал образ женщины с появлением христианства; красота, тепло, уют, которые желает познать через нее мужчина, – это уже не качества, доступные чувственному восприятию; она больше не воплощает в себе лакомую видимость вещей, но становится их душой; в ее сердце присутствует нечто более глубокое, чем тайна плоти, нечто загадочное и чистое, в чем отражается истина мира. Она душа дома, семьи, очага. Она душа и более обширных сообществ – города, провинции, нации. Юнг отмечает, что города всегда уподоблялись Матери, поскольку горожане обитают в их чреве: поэтому Кибелу изображали увенчанной

башнями; по той же причине принято говорить о «матери-родине»; но женщина стала символом не только земли-кормилицы, но и куда более трудноуловимой реальности. В Ветхом Завете и Апокалипсисе Иерусалим и Вавилон – не только матери, но и супруги. Есть города-девы и города-блудницы, как Вавилон и Тир. Кроме того, Францию называли «старшей дочерью» Церкви; Франция и Италия – латинские сестры. Статуи, изображающие Францию, Рим, Германию, статуи на площади Согласия, олицетворяющие Страсбург и Лион, – это женщины вообще, вне какой-либо особой функции. Это уподобление является не только аллегорией: многие мужчины переживают его эмоционально[111 – Оно является аллегорией в позорном стихотворении, которое недавно написал Клодель и где он называет Индокитай: «Эта желтая женщина»; напротив, в стихах негритянского поэта оно эмоционально: «Душа черной страны, где древние предки спят, / живет и говорит / сегодня вечером / в тревожной силе твоих выгнутых бедер».] . Нередко путешественник просит женщину «дать ему ключ» к тем местам, где он оказался: держа в объятиях итальянку или испанку, он полагает, будто обладает сладостной сущностью Италии и Испании. «Приезжая в новый город, я всегда для начала иду в бордель», – говорил один журналист. Если в шоколаде с корицей для Жида открывается вся Испания, то поцелуи экзотических уст тем более способны все рассказать любовнику о стране, ее флоре, фауне, традициях и культуре. Женщина воплощает в себе не ее политические институты и экономические богатства, но ее плотскую мякоть и в то же время мистическую ману. Везде, от «Грациеллы» Ламартина до романов Лоти и новелл Морана, чужеземец стремится завладеть душой края через женщин. Миньона, Сильвия, Мирей, Коломба, Кармен раскрывают сокровенную истину Италии, Валуа, Прованса, Корсики, Андалусии. Тот факт, что Гёте полюбила жительница Эльзаса Фридерика, сделался для немцев символом аннексии Германии; и наоборот, когда Коlette Бодош отказывается выйти замуж за немца, в глазах Барреса она воплощает Эльзас, отказывающийся подчиниться Германии. Он делает маленькую Беренику символом Эг-Морта и целой утонченной, зябкой цивилизации; в ней же отразились и чувства самого писателя. Ибо в той, что является душой природы, городов, мироздания, мужчина узнает и своего таинственного двойника; душа мужчины – Психея, женщина.

У Психеи женские черты в «Улялуме» Эдгара По: «Я брел по огромной аллее / Кипарисов – с моею душой, / Кипарисов – с Психеей, душой... / Целовал я ее, утешая. / „Что за надпись, сестра дорогая, / Здесь на склепе?“ – спросил я, угрюм»[112 – Перевод Н. Чуковского.] .

А Малларме, беседуя в театре с «душой, или же с нашей идеей» (то есть с Божеством, явленным человеческому духу), именует ее «столь изысканной, ненормальной (sic) дамой»[113 – «Театральные заметки».] .

Я гармоничное, несходное с мечтаньем,
Податлива, тверда, о женщина безмолвья
И чистых дел!..
Таинственное Я... –

так обращается к ней Валери. В христианском мире на смену нимфам и феям приходят иные, менее плотские образы; но у домашних очагов, в пейзажах, в городах и в самих людях по-прежнему неотвязно присутствует неосязаемая женственность.

Эта истина, погребенная во мраке вещей, сияет также и в небе; душа, абсолютная имманентность, есть в то же время и трансценденция, Идея. Не только города и народы, но и абстрактные понятия и институты приобретают женские черты: Церковь, Синагога, Республика, Человечество во французском языке – женщины, а равно и Мир, Война, Свобода, Революция, Победа. Идеалу, который полагает перед собой мужчина как сущностного Другого, он придает женские черты, потому что женщина есть осязаемый образ инаковости; именно поэтому почти все аллегории, как в языке, так и в иконографии, – женщины[114 – Филология мало что проясняет в этом вопросе; все лингвисты сходятся на том, что распределение конкретных слов по родам есть чистая случайность. Но во французском языке бо́льшая часть понятий – женского рода: «красота», «честность» и т. д. А в немецком к женскому роду относится большинство заимствованных, иностранных, других слов: «die Bar» (бар, закусочная) и т. д.]. Женщина, душа и Идея, является также и посредницей между ними: она – благодать, влекущая христианина к Богу, Беатриче, указующая Данте путь в загробном мире, Лаура, призывающая Петрарку к вершинам поэзии. Во всех учениях, где Природа уподобляется Духу, она воплощает Гармонию, Разум, Истину. Гностические секты сделали Мудрость женщиной – Софией; ей приписывали искупление мира и даже его сотворение. Тогда женщина уже не плоть, но увенчанное славой тело; ею уже не стремятся обладать, ее почитают во всем ее нетронутым великолепии; бледные покойницы Эдгара По неуловимы, как вода, как ветер, как воспоминание; в куртуазной любви, в прециозных салонах, во всей галантной традиции женщина – уже не животное, но эфирное создание, дуновение, свет. Так непроницаемость женской ночи оборачивается прозрачностью, чернота – чистотой, как в этих текстах Новалиса:

«...Вдохновенье ночное небесною дремой меня осенило; тихо земля возносилась, над нею парил мой новорожденный, не связанный более дух. Облаком праха клубился холм – сквозь облако виделся мне просветленный лик любимой».

«Ты тоже благоволишь к нам, сумрачная Ночь?... Сладостным снадобьем нас кропят маки, приносимые тобою. Ты напрягаешь онемевшие крылья души. Смутное невыразимое волнение охватывает нас – в испуге блаженном вижу, как склоняется ко мне благоговейно и нежно задумчивый лик, и в бесконечном сплетенье прядей угадываются ненаглядные юные черты матери... Истинное небо мы обретаем не в твоих меркнувших звездах, а в тех беспредельных зеницах, что в нас отверзает Ночь»[115 – Перевод В. Микушевича. (Прим. ред.)].

Нисходящее притяжение женщины поменяло направленность: теперь она зовет мужчину не к сердцу земли, а к небесам.

Здесь – заповеданность.
Истины всей,
Вечная женственность
Тянет нас к ней[116 – Перевод Б. Пастернака.], –

воскликает Гёте в финале второй части «Фауста».

Поскольку Дева Мария – наиболее заверченный, наиболее почитаемый образ возрожденной и посвященной Добру женщины, интересно проследить, каким он

предстает в литературе и иконографии. Вот отрывок из литаний, какие обращали к ней в Средние века ревностные христиане:

«[...] Высочайшая Дева, Ты плодородная Роса, Источник Радости, Канал Милосердия, Колодец с живой водой, умиряющей наш пыл.

Ты Сосок, из которого Бог кормит сирот молоком...

Ты Мозг, Мякиш, Ядро всего благого.

Ты Жена не лукавая, чья любовь вечна и неизменна. [...]

Ты Купель, Снадобье для жизней прокаженных, искусная Лекарка, равной которой не сыщешь ни в Салерно, ни в Монпелье. [...]

Ты Дама с целительными руками, Твои прекрасные, белые, длинные пальцы восстанавливают носы и губы, делают новые глаза и новые уши. Ты утишаешь рвущих, оживляешь парализованных, укрепляешь малодушных, воскрешаешь мертвых».

В этих обращениях мы находим большинство указанных нами женских атрибутов. Дева Мария – это плодородие, роса, источник жизни; на многих изображениях она предстает у колодца, источника, ключа; выражение «источник жизни» – одно из самых распространенных; она не творит, но удобряет, выводит на свет то, что скрыто в земле. Она – глубинная реальность, заключенная в видимой оболочке вещей: ядро, мозг. Она умиряет желания: она дана человеку, чтобы их утолить. Всюду, где жизни грозит опасность, она спасает и восстанавливает ее: врачует и укрепляет. А так как жизнь исходит от Бога, она, будучи посредницей между человеком и жизнью, осуществляет и связь человечества с Богом. «Врата дьявола», – говорил Тертуллиан. Но, преображенная, она становится вратами небес; в живописи ее изображают открывающей врата или окно в рай или же возводящей лестницу от земли к небосводу. Еще более ясный образ – заступница, радеющая перед Сыном за спасение людей: на многих картинах Страшного суда Богоматерь обнажает груди и молит Христа во имя своего славного материнства. Она укрывает в складках плаща детей человеческих; ее милосердная любовь сопровождает их в океане, на поле брани, в любых опасностях. Во имя милосердия она смягчает Божественную справедливость: «Богоматери с весами» с улыбкой склоняют в сторону Добра чаши, на которых взвешивают души.

Эта милосердная, нежная роль – одна из самых важных ролей, отведенных женщине. Женщина, даже всецело включенная в общество, незаметно проникает и за его пределы, потому что в ней заложена коварная щедрость Жизни. В некоторых случаях это несовпадение задуманных мужчинами построений и случайности природы выглядит тревожным, но оно становится благотворным, когда женщина, слишком покорная, чтобы нести угрозу творению мужчин, ограничивается тем, что обогащает его и сглаживает чересчур резкие линии. Боги-мужчины воплощают в себе судьбу; богини же обладают ничем не оправданной благожелательностью и своевольной снисходительностью. Христианскому Богу свойственна суровость справедливости, Деве Марии – мягкость милосердия. На земле мужчины отстаивают законы, разум, необходимость; женщине ведома изначальная случайность самого мужчины и той необходимости, в которую он верит; отсюда и таинственная ирония,

цветущая на ее губах, и ее гибкое великодушие. Она рожала в муках, она врачевала раны мужчин, она кормит грудью новорожденного и хоронит мертвых; она знает все, что уязвляет гордость мужчины и унижает его волю. Даже склоняясь перед ним, подчиняя плоть духу, она держится за плотские границы духа и опровергает серьезность жестких мужских построений, сглаживает их углы; она привносит в них бескорыстную роскошь, неожиданную грацию. Ее власть над мужчинами основана на том, что она нежно призывает их к скромному осознанию своего истинного положения; в этом секрет ее трезвой, мучительной, ироничной и любящей мудрости. Даже легкомыслие, своеволие, невежество у нее – милые добродетели, ибо они расцветают по ту и по эту сторону мира, где мужчина предпочитает жить, но не любит чувствовать себя запертым. В противовес застывшим значениям, орудиям, изготовленным для практических целей, она являет тайну нетронутых вещей; она распространяет по городским улицам и вспаханным полям дыхание поэзии. Поэзия стремится уловить то, что существует по ту сторону повседневной прозы, и женщина есть в высшей степени поэтическая реальность, поскольку мужчина проецирует на нее все, чем сам не решается быть. Она воплощает Грезу; греза для мужчины – нечто самое близкое и самое чуждое, то, чего не хочет, не делает, к чему он стремится и чего никогда не достигнет; таинственная Другая – глубокая имманентность и далекая трансценденция – сообщает грезе свои черты. Так Аврелия посещает во сне Нерваля и вручает ему весь мир в обличье грезы. Она «начала расти под ярким лучом света таким образом, что весь сад постепенно сливался с ней, и террасы, и клумбы с розами становились фестонами и розами на ее одеждах; в то время как ее лицо и руки переносили свои контуры на пурпурные облака на небе. Я таким образом терял ее из виду, по мере того как она преображалась, поскольку она как бы тонула в своем собственном величии. „О! Не исчезай! – вскричал я. – Ибо природа умирает вместе с тобой!“»[117 – Перевод С. В. Соловьева. (Прим. ред.)]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<https://www.litres.ru/simona-de-bovuvar/vtoroy-pol/?lfrom=362673004>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Он назывался «Франшиз»; сейчас он умер.

2

«Современная женщина: утраченный пол» (англ.).

3

Отчет Кинси, например, ограничивается определением сексуальных характеристик мужчины-американца, а это совсем другое дело.

4

Наиболее эксплицитно эта идея была выражена Э. Левинасом в его эссе «Время и Другой». Вот что он пишет: «Нет ли ситуации, в которой другое существо несло бы свою дружость как нечто положительное, как сущность? Какова дружость, не являющаяся членом обычного противопоставления двух видов одного и того же рода? По-моему, противоположное, которое противоположно абсолютно, противоположность чего остается совершенно не затронутой устанавливающимися, возможно, отношениями между ним и соотносимым членом пары, то есть противоположность, оставляющая встреченного тобою совершенно другим, – есть женское. Пол – это не какое-то видовое различие... Различие полов не есть и противоречие... Различие полов не есть и парность взаимодополнительного, ибо взаимодополнительное предполагает предсуществующее целое... Дружость завершается в женском. Это термин того же ранга, что и сознание, но противоположного смысла» (перевод А. В. Парибка. – Прим. ред.).

Я полагаю, г-н Левинас не забыл, что женщина – тоже сознание для себя. Но поразительно, как он намеренно принимает мужскую точку зрения, не упоминая об обоюдных отношениях субъекта и объекта. Когда он пишет, что женщина есть тайна, он подразумевает, что она – тайна для мужчины. Выходит, что это якобы объективное описание на самом деле утверждает мужское преимущество.

5

См.: Леви-Стросс К. Элементарные структуры родства.

Благодарю К. Леви-Стросса за то, что он любезно предоставил мне корректуру своей диссертации, на которую я, среди прочего, активно опиралась во второй части.

6

См. часть вторую, главу 5.

7

Или, по крайней мере, счел, что может.

8

Показательна статья Мишеля Карружа на эту тему, вышедшая в 292-м номере «Кайе дю Сюд». Он с возмущением пишет: «Мы хотим, чтобы не было никаких мифов о женщине, а была одна лишь когорта кухарок, матрон, девиц легкого поведения, синих чулков, выполняющих функцию удовольствия или пользы!» То есть, по его мнению, у женщины нет существования-для-себя; он рассматривает лишь ее функцию в мужском мире. Ее финальность – в мужчине; тогда, конечно, можно предпочесть ее поэтическую «функцию» любой другой. Вопрос как раз в том, почему ее надо определять относительно мужчины.

9

Например, мужчина заявляет, что его жену нисколько не умаляет отсутствие специальности: домашнее хозяйство – не менее благородное занятие, и т. д. Но при первой же ссоре восклицает: «Без меня ты не смогла бы заработать себе на жизнь».

10

Описанию именно этого процесса будет посвящен второй том нашей работы.

11

Это станет предметом второго тома.

12

Гаметам называются зрелые половые клетки, из слияния которых получается яйцеклетка.

13

Гонадами называются железы, производящие гаметы.

14

Гегель Г. В. Ф. Философия природы. Раздел III, § 368.

15

Некоторые куры дерутся за лучшие места в курятнике и клювом устанавливают в своих рядах иерархию. Бывают также коровы, которые в отсутствие самцов силой занимают место во главе стада.

16

В последние годы был проделан обстоятельный анализ этих явлений на основе сопоставления процессов, протекающих у женщины, и тех, что наблюдаются у высших обезьян, в частности у вида резус. «Очевидно, что ставить опыты над этими животными гораздо легче», – пишет Луи Гальен (Gallien L. La Sexualite).

17

«Стало быть, я есмь мое тело, по крайней мере ровно настолько, насколько что-то имею, и, с другой стороны, мое тело есть своего рода естественный субъект, предварительный набросок моего целостного бытия» (Мерло-Понти. Феноменология восприятия).

18

В данном случае я встаю исключительно на физиологическую точку зрения. Очевидно, что с точки зрения психологической материнство может быть для женщины весьма полезно, но может и обернуться катастрофой.

19

См.: «Трактат о физиологии» Анри Виня: Vignes H. Traite de physiologie / sous la direction de Roger et Binet. t. XI.

20

Любопытно, что эта теория встречается у Д. Г. Лоуренса. В романе «Пернатый змей» дон Сиприано следит, чтобы его любовница никогда не достигала оргазма: она должна вибрировать в унисон с мужчиной, а не обретать индивидуальность в удовольствии.

21

Гораздо более подробное обсуждение этого вопроса см. в главе I второго тома.

22

См.: «Моисей и монотеизм», перевод А. Хомика.

23

Baudouin Ch. L'âme enfantine et la psychanalyse (1931).

24

Фрейд З. Тотем и табу.

25

Подробнее мы остановимся на этой теме в первой главе второго тома.

26

Balint A. La Vie intime de l'enfant. P. 101.

27

Мне рассказывали о крестьянских детях, которые забавы ради соревновались в экскрементах: тот, чьи испражнения были самыми объемными и крепкими, пользовался авторитетом, с каким не могли сравниться никакие иные

достижения – ни в играх, ни даже в драке. Фекалии играли ту же роль, что и пенис: здесь также имело место отчуждение.

28

Ко всем этим вопросам мы вернемся во второй части; здесь они обозначены просто для порядка.

29

«Происхождение семьи, частной собственности и государства».

30

Гастон Башляр в «Земле и грезах воли» дает, среди прочего, весьма показательный анализ кузнечного труда. Он показывает, как человек, утверждая себя через молот и наковальню, становится отдельным. «Мгновение для кузнеца – мгновение сразу и изолированное, и раздувшееся. Оно продвигает труженика к овладению временем благодаря насилию над мгновением»; и далее: «Кующий человек принимает вызов восставшей против него вселенной» (перевод Б. М. Скуратова. – Прим. ред.).

31

Сегодняшняя социология полностью развенчала домыслы Бахофена.

32

«Привет тебе, Земля, мать людей, будь плодородна в объятиях Божиих и преисполнись плодов на благо человеку», – гласит древнее англосаксонское заклинание.

В Уганде и у индийского племени бханту бесплодная женщина считается опасной для садов. На Никобарских островах верят, что урожай будет более обильным, если его посеяла беременная женщина. На Борнео именно женщины отбирают и хранят семена. «В них словно ощущают природное сродство с семенами, о которых сами женщины говорят как о беременных. Иногда в период созревания риса женщины проводят ночь на рисовых полях» (Хоуз и МакДугалл). В Передней Индии обнаженные женщины ночью обходят с плугом вокруг поля. Индейцы бассейна реки Ориноко предоставляли сажать и сеять женщинам, ибо «женщины сами умеют рожать и знают, как сделать, чтобы семя принесло плоды. Так пусть они и сеют. В этом деле нам, мужчинам, с ними не сравняться» (Фрэзер). У Фрэзера можно найти множество подобных примеров.

Как мы увидим, такое разделение утвердилось надолго. В эпохи, когда женщина воспринималась как Другой, ее особенно упорно отказывались включать в общество на правах человеческого существа. Сегодня она становится другой, но подобной только за счет утраты мистического ореола. Именно на этой двусмысленности всегда играли антифеминисты. Они охотно соглашались превозносить женщину как Другого, дабы представить ее инаковость как абсолютную и неделимую и отказать ей в доступе к человеческому *mitsein*.

См.: Леви-Стросс К. Элементарные структуры родства.

Там же.

Подтверждение этой мысли в несколько иной форме мы находим в цитированной выше диссертации Леви-Стросса. Из его анализа следует, что запрет инцеста ни в коей мере не был первичным фактом, повлекшим за собой экзогамию; в нем в негативной форме отражается позитивная воля к экзогамии. Для того чтобы женщина не годилась стать предметом торга между мужчинами своего рода, нет никаких непосредственных причин, но с социальной точки зрения важно, чтобы она была частью даров, посредством которых каждый род устанавливает с другим обоюдные отношения, вместо того чтобы замыкаться на себе: «Экзогамия обладает не столько негативной, сколько позитивной ценностью.. она исключает эндогамный брак не потому, что кровосмесительный брак связан с биологическим риском, а потому, что экзогамный брак полезен для общества». Группа не должна единолично пользоваться женщинами, составляющими часть ее достояния, – ей следует сделать их орудием общения с другими группами; брак с женщиной из своего рода запрещен «лишь потому, что она – то же, тогда как она должна (а значит, может) стать другим... Продавать в рабство могут тех же самых женщин, которых первоначально приносили в дар. И тем и другим нужно лишь нести на себе знак инаковости, который есть следствие определенного положения в данной структуре, а не врожденным свойством».

38

Разумеется, это необходимое, но недостаточное условие; есть и патрилинейные цивилизации, застывшие на первобытной стадии; есть и такие, развитие которых пошло вспять, как у майя. Между обществами с материнским и отцовским правом нет абсолютной иерархии, но только последние достигли определенного уровня технического и идеологического развития.

39

Интересно отметить (см.: Begouen M. Journal de Psychologie, annee 1934), что в ориньякской культуре часто встречаются статуэтки, изображающие женщин с подчеркнуто преувеличенными половыми признаками: они отличаются полнотой и преувеличенной значимостью вульвы. К тому же в пещерах обнаружены и просто грубые рисунки вульвы. В солютрейский и магдаленский период такие изображения исчезают. Мужские статуэтки в ориньякской культуре очень редки, а изображения мужского члена отсутствуют. В магдаленский период иногда встречаются изображения вульв, но их мало, зато фаллосы обнаружены в большом количестве.

40

См. часть первую, главу III.

41

Подобно тому как женщина отождествлялась с бороздой, фаллос теперь отождествляется с плугом, и наоборот. На одном рисунке касситской эпохи к изображению плуга добавлены символы полового акта; впоследствии тождество фаллоса и плуга нередко находило отражение в скульптуре. В некоторых австроазиатских языках слово «Iak» означает одновременно «фаллос» и «заступ». Существует ассирийская молитва, обращенная к богу, «чей плуг оплодотворил землю».

42

Перевод С. Апта. (Прим. ред.)

43

Аристотель. О возникновении животных (перевод В. П. Карпова. – Прим. ред.).

44

Мы проследим эту эволюцию на Западе. История женщины на Востоке, в Индии и Китае есть на самом деле история долгого и неизбежного рабства. В центре нашего исследования будет находиться Франция, от Средневековья до наших дней: ее история достаточно типична.

45

Это описание взято из книги С. Huart. «La Perse antique et la civilisation iranienne». P. 195-196.

46

По крайней мере, в определенных случаях брат обязан жениться на сестре.

47

Перевод Я. Голосовкера. (Прим. ред.)

48

Перевод В. Ярхо. (Прим. ред.)

49

Перевод В. Ярхо. (Прим. ред.)

50

Перевод Ф. Дыдынского. (Прим. ред.)

51

«Где ты Гаий, там я Гайя» (лат.), формула, входившая в обряд бракосочетания в Древнем Риме. (Прим. ред.)

52

Перевод А. Артюшкова. (Прим. ред.)

53

То есть заключать с другими договоры.

54

«Пэт, не больно» (лат.).

55

В Риме, как и в Греции, проституция была разрешена официально. Существовало два класса куртизанок: одни содержались в борделях, другие, *bonae meretrices* (добрые распутницы), свободно занимались своим ремеслом; им не разрешалось одеваться как матронам; они имели определенное влияние в вопросах моды, привычек и искусства, но никогда не занимали такого высокого положения, как афинские гетеры.

56

Перевод Е. Карнеева. (Прим. ред.)

57

Перевод А. С. Бобовича. (Прим. ред.)

58

Мундиум (мунт, мундебурдий) – термин древнегерманского права; патронат, опека, покровительство. (Прим. ред.)

59

«Супруга не есть собственно союзница, но может надеяться стать ею»
(лат.).

60

«Женщины, что приходили в Систерон со стороны Пепена, должны были, как евреи, уплатить пошлину в пять су в пользу монахинь ордена Святой Клары»
(Баюто).

61

Riffenberg. Dictionnaire de la Conversation. Femmes et filles de folle vie.

62

«Женщина выше мужчины, а именно Материально: ибо Адам был создан из глины, а Ева – из ребра Адама. По месту: ибо Адам был создан вне рая, а Ева в раю. По зачатию: ибо женщина зачала Бога, а мужчина этого не мог. По явлению: ибо Христос после смерти явился женщине, а именно – Магдалине. По вознесению: ибо женщина вознеслась над хором ангелов, а именно – блаженная Мария...» (лат.)

63

Перевод С. Маркиша. (Прим. ред.)

64

Перевод М. В. Шумилина. (Прим. ред.)

65

Перевод В. А. Мильчиной. (Прим. ред.)

66

Truquin N. Memoires et aventures d'un proletaire. Цит. по: Dolleans E. Histoire du mouvement ouvrier. т. I.

67

«Древнейшее из известных упоминаний противозачаточных средств – это египетский папирус второго тысячелетия до нашей эры, рекомендующий вагинальное применение странной смеси, которая состоит из экскрементов крокодила, меда, соды и любого клейкого вещества» (Ari?s Ph. Histoire des populations fran?aises). Средневековым персидским врачам известен тридцать один рецепт, из которых только девять относились к мужчине. Соран во времена Адриана объясняет, что женщина, не желающая забеременеть, должна в момент эякуляции «задержать дыхание, немного податься всем телом назад, чтобы сперма не могла попасть в os uteri (в матку), потом немедленно встать, сесть на корточки и вызвать у себя чихание».

68

В «Прециозницах», 1656.

69

«К 1930 году одна американская фирма продавала двадцать миллионов презервативов в год. Пятнадцать американских мануфактур выпускали их по полтора миллиона в день» (Ф. Арьес).

70

Нерожденное дитя является частью женщины, подобием внутреннего органа.

71

К обсуждению позиции Церкви мы вернемся во втором томе. Отметим лишь, что католики отнюдь не буквально воспринимают учение святого Августина. Накануне свадьбы духовник шепчет на ухо невесте, что она может делать со своим мужем все, что угодно, лишь бы сношение завершилось «как положено»; всякие предохранительные меры – в том числе и *coitus interruptus* – запрещены; однако разрешается пользоваться календарем, разработанным венскими сексологами, и совершать акт, единственной признанной целью которого является зачатие, в дни, когда женщина зачать не может. Бывают даже духовники, которые сами раздают этот календарь своей пастве. И действительно, есть множество «матерей-христианок», имеющих всего двоих-троих детей и отнюдь не прекративших супружеских отношений после последних родов.

72

В 1944 году секретарь ЦК комсомола Ольга Мишакова заявила в одном интервью: «Советские женщины должны стараться стать настолько привлекательными, насколько позволяет природа и хороший вкус. После войны им нужно будет одеваться как женщинам и иметь женскую походку... Девушкам будут говорить, чтобы они вели себя и ходили как девушки, и, возможно, поэтому они станут носить очень узкие юбки, которые сделают их походку грациозной».

73

См.: Myrdall. American dilemma.

См.: Сартр Жан Поль. Размышления о еврейском вопросе (перевод Г. Ноткина. – Прим. ред.).

Примечательно, что в Париже на добрую тысячу статуй приходится (за исключением королев, по чисто архитектурным соображениям окружающих парковую террасу Люксембургского сада) только десять, воздвигнутых в честь женщин. Три посвящены Жанне д'Арк. Остальные – это г-жа де Сегюр, Жорж Санд, Сара Вернар, г-жа Бусико и баронесса де Гирш, Мария Дерем, Роза Бонёр.

Здесь антифеминисты вновь играют словами. То они ни во что не ставят абстрактную свободу и восторгаются огромной конкретной ролью, какую может играть в этом мире поработенная женщина, – так чего же она еще требует? То закрывают глаза на тот факт, что негативная вольность не дает никаких конкретных возможностей, и упрекают абстрактно свободных женщин за то, что они никак себя не проявляют.

В Америке крупные состояния часто в конце концов попадают в женские руки: более молодые жены переживают своих мужей и становятся их наследницами, но к тому времени они уже и сами в возрасте и редко решаются на новые вложения; они скорее узуфруктуарии, чем собственники. Фактически распоряжаются капиталами мужчины. Во всяком случае, таких богатых избранниц – незначительное меньшинство. Стать преуспевающим адвокатом, врачом и т. д. женщине в Америке еще труднее, чем в Европе.

По крайней мере, в соответствии с официальными утверждениями.

79

В англосаксонских странах проституция никогда не регулировалась законом. До 1900 года английское и американское common law (обычное право) рассматривало ее как правонарушение только в случаях возмущения спокойствия и нарушения порядка. Позже в Англии и различных штатах США, где законодательство в этом вопросе сильно различается, проституция более или менее строго и успешно пресекалась. Во Франции в результате долгой кампании законом от 13 апреля 1946 года были закрыты публичные дома и усилена борьба против сводничества: «Считая, что существование таких домов несовместимо с основными принципами человеческого достоинства и ролью, принадлежащей женщине в современном обществе...» Тем не менее проституция продолжает существовать. Очевидно, что негативными и лицемерными мерами ситуацию изменить нельзя.

80

См.: Wyllie P. Generation de vip?res.

81

Об этом мы будем говорить подробно во втором томе.

82

«...Женщина – это не бесполезное повторение мужчины, но зачарованное место, где заключается живой союз человека с природой. Исчезни она – и мужчины останутся одни, беспаспортные чужестранцы в ледяном мире. Она – сама земля, вознесенная к вершинам жизни, земля радостная и наделенная чувствами; без нее земля для человека нема и мертва», – пишет Мишель Карруж (Carrouges M. Les pouvoirs de la femme. Cahiers du Sud, № 292).

83

«Стадии жизненного пути».

84

«Петъ начинаю о Гее – всематери, прочноустойной, / Древней, всему, что живет, пропитанье обильно дающей. / Ходит ли что по священной земле или плавает в море» (перевод В. В. Вересаева. – Прим. ред.), – говорится в одном из гомеровских гимнов. Эсхил тоже славит мать-землю, «что все родит, питает, семя же берет назад» (перевод Вяч. Иванова. – Прим. ред.).

85

Перевод Б. Пастернака.

86

Перевод Ф. Ф. Зелинского. (Прим. ред.)

87

Перевод А. Ельчанинова. (Прим. ред.)

88

«Буквально женщина есть Исида, плодородная природа. Она – река и речное ложе, корень и роза, земля и вишневое дерево, лоза и виноград» (М. Карруж, цит. соч.).

См. ниже наш очерк о Монтерлане – образцовом воплощении этой позиции.

Деметра представляет собой тип *mater dolorosa* (скорбящей матери). Но другие богини – Иштар, Артемида – жестоки. Кали держит в руках череп, наполненный кровью. «Головы свежееубиенных сыновей твоих висят на шее твоей, как ожерелье... Тело твое прекрасно, как дождевые облака, ноги твои забрызганы кровью», – обращается к ней один индийский поэт.

«Либи́до, его метаморфозы и символы».

Перевод И. Кашкина. (Прим. ред.)

Впрочем, разница между мистическими и мифологическими верованиями и жизненными принципами отдельных людей сказывается в следующем факте: согласно свидетельству Леви-Стросса, «молодые люди племени виннебаго посещают любовниц, пользуясь покровом тайны, которым они окружены в уединении, предписанном на время месячных».

Один врач из Шера рассказал мне, что в местах, где он живет, женщинам при подобных обстоятельствах нельзя входить в помещения для выращивания шампиньонов. До сих пор продолжается спор о том, есть ли у этих

предрассудков какие-то основания. Единственный подтверждающий их факт, который приводит доктор Бине, – это наблюдение Шинка (на которое ссылается Винь). Шинк якобы видел, как в руках у служанки, испытывающей недомогание, завяли цветы; приготовленные этой женщиной пироги из дрожжевого теста будто бы поднялись всего на три сантиметра вместо обычных пяти. Так или иначе, фактов этих явно мало, а достоверность их весьма сомнительна, если учесть, насколько важны и широко распространены данные верования безусловно мистического происхождения.

95

Цит. по: Леви-Стросс К. Элементарные структуры родства.

96

Луна – источник плодородия; она представляется «господином женщин»; часто верят, что она совокупляется с женщинами в образе мужчины или змеи. Змея есть ипостась луны; она меняет кожу и регенерирует, она бессмертна, она – сила, расточающая плодородие и знание. Именно она охраняет священные источники, древо жизни, источник молодости и т. д. Но она же лишила человека бессмертия. Рассказывают, что она совокупляется с женщинами. В персидской традиции, а также среди раввинов, считается, что причина менструации – сношения первой женщины со змием.

97

Гордыня (греч.).

98

Рабле называет мужской орган «le laboureur de la nature», «пахарь природы». Мы уже говорили о религиозных и исторических корнях уподобления фаллоса лемеху, а женщины – борозде.

99

Отсюда та мощь, какую приписывают девственницам в ратном деле: вспомним, например, валькирий или Орлеанскую деву.

100

Перевод Т. Балашовой. (Прим. ред.)

101

Показательна фраза Самивеля, которую приводит Башляр («Земля и грезы Воли»): «Я постепенно перестал считать эти горы, разлегшиеся вокруг меня, и врагами, с которыми следует бороться, и самками, которых следует попить ногами, и трофеями, которые следует завоевывать, – дабы предоставить самому себе и другим свидетельство моей собственной доблести» (перевод Б. М. Скуратова. – Прим. ред.). Соотношение гора – женщина устанавливается через общую идею «врага, с которым следует бороться», «трофея» и «свидетельства» доблести. Та же самая взаимосвязь прослеживается, например, в двух стихотворениях Сенгора:

Обнаженная женщина, черная женщина!

Спелый, туго налившийся плод, темный хмель черных вин, губы, одухотворяющие мои губы;

Саванна в прозрачной дали, саванна, трепещущая от горячих ласк восточного ветра... (перевод Д. Самойлова. – Прим. ред.).

И:

О Конго, лежишь ты на ложе лесном, царица земель африканских покорных,

И твой балдахин поднимают высоко фаллосы гордых утесов.

«Женщина ты», – говорит мне моя голова, и язык говорит мой, и чрево, что женщина ты.

102

«Готтентоты, у которых стеатопигия не так развита и встречается не так часто, как у бушменских женщин, считают такое сложение эстетичным и с самого детства массируют ягодицы своих дочерей, чтобы лучше их развить. Равным образом в различных регионах Африки встречается самый настоящий искусственный откорм женщин, два основных способа которого –

неподвижность и обильное потребление соответствующих продуктов, в частности молока. Такой откорм до сих пор практикуется среди зажиточных арабов и евреев в городах Алжира, Туниса и Марокко» (Luquet. Journal de Psychologie, 1934. Les Venus des cavernes).

103

Перевод Ю. И. Айхенвальда под редакцией Ю. Н. Попова. (Прим. ред.)

104

Например, в балете Превера «Свидание» и в балете Кокто «Юноша и Смерть» Смерть представлена в облике юной возлюбленной.

105

Вплоть до конца XII века все теологи – кроме святого Ансельма Кентерберийского, – в соответствии с учением святого Августина, считают, что первородный грех содержится в самом законе размножения рода человеческого. «Похоть есть порок... чрез нее плоть человеческая, которая рождается, есть плоть греха», – пишет святой Августин. И у святого Фомы Аквинского: «Поскольку со времен первородного греха соединению полов сопутствует похоть, грех сообщается и плоду».

106

Перевод Е. Карнеева. (Прим. ред.)

107

Мы уже показали, что миф о самке богомола не имеет никакой биологической основы.

Отсюда то особое место, какое отводится женщине, например, в творчестве Клоделя.

Здесь следовало бы привести целиком стихотворение Мишеля Лейриса «Мать». Вот несколько характерных отрывков:

«Мать, в черном, в сиреновом, в лиловом, – воровка ночей, – ведьма, чьим тайным мастерством вы являетесь на свет, та, что качает вас, балует и в гроб кладет, если не суждено доверить заботе ваших рук последнюю игрушку – погребенье ее сморщенного тела. <...>

Мать – слепая статуя, рок, высящийся на неоскверненном алтаре, – природа, ласкающая вас, и опьяняющий вас ветер, и мир, что целиком вас проникает и возносит к небесам (поднимая на бесчисленных витках спирали), и предает вас тленью. <...>

Мать – юна или стара она, красива или безобразна, милосердна или упряма – карикатура, ревнивое чудовище-жена, свергнутый Прототип, – если и в самом деле Идея (увядающая пифия, восседающая на треножнике суровой заглавной буквы), есть лишь пародия на легкие, живые, искрящиеся мысли. <...>

Мать – округло или сухо ее бедро, упруга или дрябла грудь – закат неотвратимый, что ждет любую женщину с рожденья, постепенное крошенье сияющей скалы под натиском менструальной волны, долгое погребенье – в песках престарелой пустыни – пышного каравана, везущего груз красоты.

Мать – ангел смерти выжидающей, и объемлющего все мирозданья, и любви, волнами времени вынесенной на берег, – раковина безумных очертаний (верный признак яда), что кинуть надо в глубокий водоем, та, что порождает круги для вод забытых.

Мать – лужа мрачная, что траур носит вечно по всем и по нам самим, – смрадные пары, что всеми цветами радуги сияют и издыхают, раздувая пузырями ее огромную звериную тень (о стыд плоти и молока), жесткую завесу, что не родившаяся еще молния должна раздрать надвое. <...>

Придет ли когда на ум одной из этих невинных шлюх идти босыми ногами сквозь века вымаливать прощенье за преступление нас на свет родить».

Перевод В. Брюсова.

111

Оно является аллегорией в позорном стихотворении, которое недавно написал Клодель и где он называет Индокитай: «Эта желтая женщина»; напротив, в стихах негритянского поэта оно эмоционально: «Душа черной страны, где древние предки спят, / живет и говорит / сегодня вечером / в тревожной силе твоих выгнутых бедер».

112

Перевод Н. Чуковского.

113

«Театральные заметки».

114

Филология мало что проясняет в этом вопросе; все лингвисты сходятся на том, что распределение конкретных слов по родам есть чистая случайность. Но во французском языке бо́льшая часть понятий – женского рода: «красота», «честность» и т. д. А в немецком к женскому роду относится большинство заимствованных, иностранных, других слов: «die Bar» (бар, закусочная) и т. д.

115

Перевод В. Микушевича. (Прим. ред.)

116

Перевод Б. Пастернака.

117

Перевод С. В. Соловьева. (Прим. ред.)